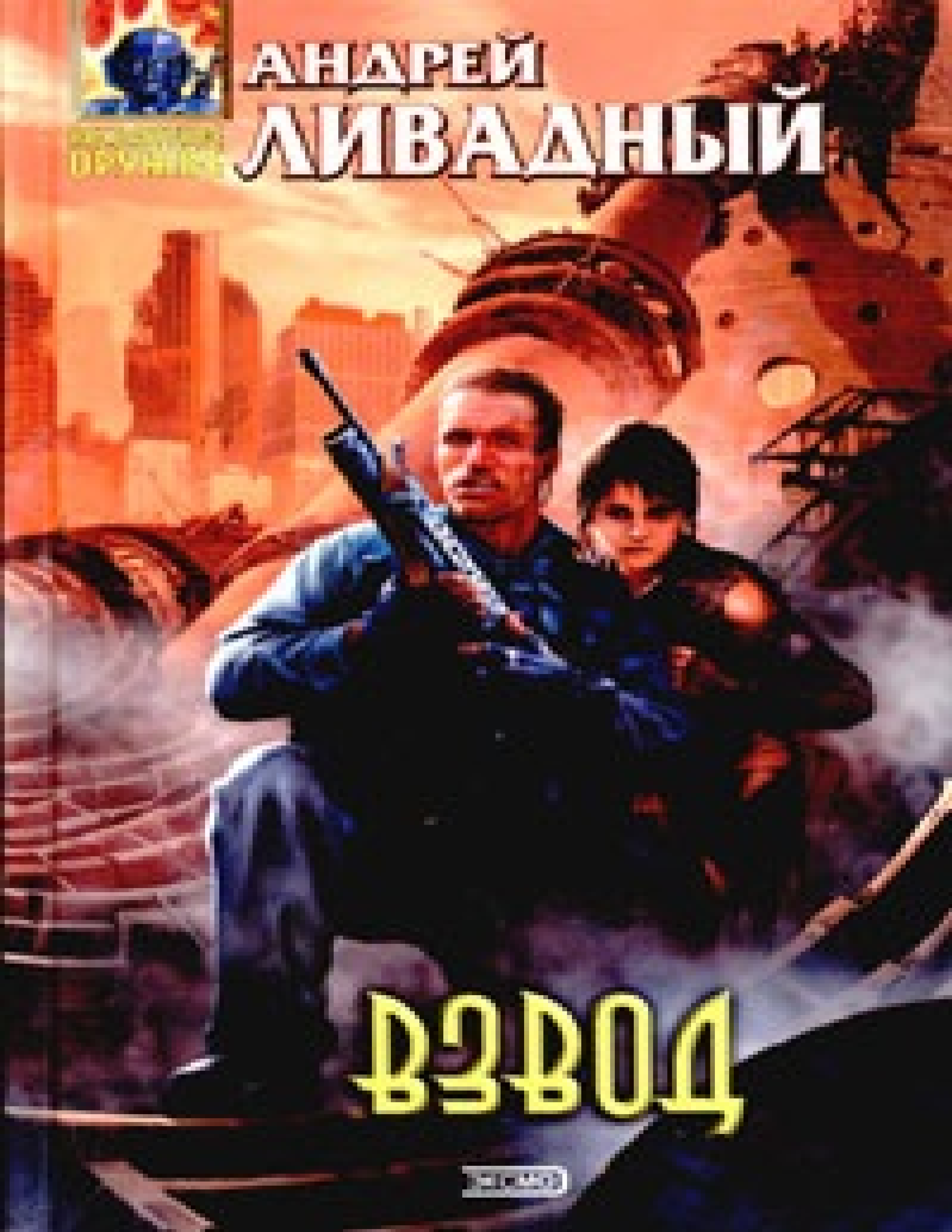

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ВЗВОД
ЭКСМО

Annotation

Взвод Ивана Лозина еще только осваивал дорогу к звездам, когда Космос обрушился на беззащитную Землю. За гигантским потоком астероидов, нарушающим все законы небесной механики, укрывались корабли чужаков. Запылали континенты, превратились в руины города, а немногим уцелевшим казалось, что наступил давно обещанный конец света. Но стремление выжить стирает границы между вчерашними врагами, а мужество русского солдата позволяет совершить невероятное. Победа? Однако за необъяснимым вторжением Чужих скрывался чудовищный заговор. Человечество ожидала беда пострашнее…

Андрей Ливадный Взвод (Иной разум — 1)

Пролог

Земля, 2053 год…

Ночь. Черная, звездная, чужая ночь, похожая на бездну. Тихо шуршит под ногами песок. Легкий ветер змейками гонит его по склонам низких барханов, медленно наступающих со стороны бывшего берега, дневной жар быстро улетучивается, сменяясь неприятной, пробирающей до костей ночной прохладой. Под утро вполне может приморозить, и тогда растрескавшаяся под лучами полуденного солнца поверхность высохшего морского дна покроется предательской корочкой наледи.

Взвод идет без прикрытия бронетехники. В кромешной тьме бойцы ступают осторожно, намеренно растянувшись длинной колонной, чтобы предательский провал не увлек в свои пучины сразу несколько человек, да и с тактической точки зрения такое построение оправдано. Ночь таит не только природные ловушки — во тьме скрываются неисчислимые опасности, источником которых являются люди.

Иван Лозин, командир третьего отделения десантного взвода, уже не раз ходил по данному маршруту в составе разведгрупп, но даже он не взялся бы предсказать, что может произойти в следующую секунду, поэтому его напряжение росло с каждым пройденным шагом…

…Впереди, на фоне тьмы, начали проступать неясные очертания чего-то огромного. Взвод мгновенно остановился, бойцы рассредоточились, занимая любые доступные укрытия, пока Лозин передавал взводному, что это старый нефтяной танкер; он лежит на боку, а невдалеке громоздятся одна на другой несколько плоскодонных барж. По данным разведки, неделю назад здесь были замечены люди.

Передав информацию, Иван лег на стылый песок, невольно думая о странных, парадоксальных явлениях, происходивших в этом районе земного шара. Пусть о них до хрипоты спорят ученые, выдвигая свои теории, но Иван, например, имел собственную, твердую точку зрения: дураку понятно, что, на фоне глобального потепления, в резком обмелении Каспийского моря виноват вовсе не жаркий климат региона, а варварская нефтедобыча и войны.

Сержант своими глазами видел, что Волга более не впадает в Каспийское море, — Каспий пересох, а могучая русская река теперь доносит свои воды лишь до середины Прикаспийской низменности, дальше

ее дельта начинает ветвиться, и каждый отдельный рукав рано или поздно истончается, уходит под землю, в жадные пучины наступающих песков, которые сменивший свое исконное направление ветер гонит со стороны Узбекистана и Туркмении.

Стремительное обмеление Каспия, происходящее на фоне таяния льдов Антарктики, по мнению сержанта Лозина, имело свои внятные исторические корни и вполне объяснимую физику…

Нефть и война.

Все началось полвека назад с кризиса в Персидском заливе, когда сверхмощные бомбы, сброшенные Соединенными Штатами на Ирак — страну, которая, по сути, «плавает» на огромной нефтяной линзе, нарушили не только сейсмическую устойчивость земной коры, но и привели к загадочным процессам перераспределения «черного золота» в подземных пустотах.

Внешним признаком этих процессов явилась серия мощнейших, разрушительных землетрясений, но о том, что происходило непосредственно *под землей*, Лозин мог только догадываться.

Впрочем, строить предположения было нетрудно. Признаки стремительного обмеления Каспия появились спустя десять лет после войны в Персидском заливе, но вода не может уходить «в никуда», значит, под землей образовались огромные полости, способные вобрать в себя целое море.

Одновременно с этим стремительно оскудевали каспийские месторождения нефти — «черное золото» так же просачивалось куда-то через образовавшиеся в результате землетрясений разломы и трещины, а его место в подземных резервуарах занимали миллиарды тонн соленой воды…

В принципе, в век атомных технологий утрата части нефтяных месторождений не могла поставить человечество перед глобальным кризисом, но фактическое исчезновение водных пространств Каспия породило острую проблему отдельно взятого региона.

Нарушился не только формировавшийся на протяжении миллионов лет климат. На фоне глобальной экологической катастрофы протекали иные, не менее значимые в плане последствий процессы.

Прикаспийские государства, для которых основным источником дохода исстари являлись добыча нефти и эксплуатация естественных морских ресурсов, внезапно оказались на грани полного обнищания, к тому же обнажившееся морское дно тут же с новой остротой поставило вопрос об уточнении государственных границ России, Казахстана, Туркмении,

Ирана и Азербайджана…

По личному мнению Лозина, острота вопроса заключалась не в том, где именно пройдет условная линия, а *когда* ее проведут. Он смотрел на проблему с иной стороны и видел, что спорная территория мгновенно образовала серьезную брешь, пригодную для свободного, неконтролируемого доступа в прилегающие к Каспию государства.

Пока дипломаты и политики занимались урегулированием территориальных соглашений, данным обстоятельством не преминули воспользоваться теневые структуры, занимающиеся контрабандой наркотиков и незаконной торговлей оружием.

Границы, плотно закрытые в так называемых «зонах риска», где испокон веков пролегали пути нелегальных поставок, попросту утратили свое значение, а по опасному, полному непредсказуемых сюрпризов дну Каспия уже торили первые тропы караваны из Афганистана и иных стран, на территории которых традиционно выращивалось сырье для производства наркотических веществ, а в обратном направлении, со стороны Турции, начались встречные поставки оружия.

Говоря простым, понятным языком, целый регион оказался на грани гуманитарной, экологической и военной катастрофы. Дно внезапно пересохшего Каспия стало ареной непредсказуемой борьбы — основные столкновения шли не между пограничными службами отдельных государств, прежде всего тут сошлись интересы организованных преступных группировок, которые стремились освоить новый участок суши раньше, чем по обнажившемуся дну будут проведены четкие линии государственных границ и появятся силы, способные встать на пути контрабандного бизнеса…

Пока что вопрос висел в воздухе, а коварное пространство, разделенное на условные зоны ответственности, вот уже более года патрулировали регулярные воинские подразделения сопредельных государств…

…Непроглядная, черная ночь.

Зыбкое, обманчивое, растрескавшееся дно, неспособное выдержать вес бронетехники, шуршание песка, скрип шагов, тяжелое дыхание, угловатые контуры ржавеющих морских судов…

Реальность войны, которой, по официальным утверждениям, не было.

— Внимание… — пришел по связи голос лейтенанта, принявшего наконец конкретное тактическое решение. — Первое отделение обходит баржи, третье двигается к танкеру, второму занять позиции для огневой поддержки.

Выслушав взводного, Иван опустил забрало компьютеризованного шлема, и непроглядная ночь тут же превратилась в зеленоватые сумерки. Система тепловидения давала неоднородную зернистую картинку, к которой нужно было привыкнуть, чтобы не только ориентироваться на местности, но и *воевать* при таком восприятии окружающего мира.

Он отдал приказ, и его отделение разошлось широкой цепью. Каждый из бойцов четко знал свое место в строю, боевая слаженность группы не вызывала беспокойства, и все внимание Лозина было приковано к силуэту опрокинутого на один борт танкера.

Лазерный дальномер показывал, что до испещренного выщербинами, покрытого коростой ржавчины борта остается двести пятнадцать метров. Где-то вне пределов видимости, за плавным закруглением обвода судна, таилась внушительная пробоина, через которую внутрь мог спокойно въехать грузовой автомобиль.

Идеальное место для укрытия и засады, вопрос лишь в том, кто сегодня первым подошел к данной точке — их взвод или группы прикрытия, сопровождавшие караваны с контрабандными грузами на всем пути их следования?

«Надо бы оборудовать тут систему скрытого наблюдения, чтобы в другой раз не гадать…» — подумал Лозин, ползком начиная движение вперед, с таким расчетом, чтобы укрыть бойцов отделения под килем опрокинутого на борт морского судна.

Он преодолел сто метров предательской поверхности растрескавшегося, припорошенного тончайшей песчаной пылью дна, когда со стороны громоздящихся одна на другую плоскодонных барж вдруг раскатистым треском ударили автоматные очереди, и по связи раздался отрывистый доклад командира третьего отделения:

— Огневой контакт!

Это было ясно и без слов, судя по мятущимся вспышкам и слепящим трассам очередей, которые на полупрозрачном забрале теплового визора выглядели горячечными строчками ярко-зеленых шариков, огонь вели две группы боевиков, одна из которых засела внутри танкера, где-то в районе внешних палубных надстроек.

— Отделение, вперед! — скомандовал Лозин, приняв мгновенное решение. — Атакуем с тыла через пробоину. Соблюдать осторожность, на входе наверняка засада, — произнеся эти слова, он привстал и короткими перебежками ринулся вперед, зная, что бойцы отделения последуют за ним, соблюдая строго определенную дистанцию и очередность парных перебежек.

Оказавшись под килевым выступом, Лозин, увязая по щиколотки в песчаных наносах, двинулся вдоль закругляющегося днища, пока в поле зрения тепловых систем не попал безобразный остроугольный провал пробоины. На фоне зеленоватой мглы он четко различил несколько человеческих фигур, укрывшихся за толстыми иззубренными краями пробитого корпуса.

— Всем укрыться… — Иван отполз на несколько метров в сторону, открывая себе сектор обстрела, и уперся локтями в рыхлый песок. В подствольный гранатомет его «шторма» была загодя заряжена осколочная граната, и Иван, прицелившись, коснулся сенсорной гашетки, послав ВОГ по пологой баллистической траектории внутрь танкера.

Секунду спустя сразу за пробоиной полыхнул ослепительный взрыв, прокатившийся басовитым эхом по пустому корпусу судна, и одновременно с этим Лозин вскочил, увлекая отделение в стремительный рывок.

Как он и рассчитывал, ответного огня не последовало, — они беспрепятственно проникли внутрь, встретив на входе лишь агонизирующие, иссеченные осколками тела трех боевиков.

— Шершнев, собрать документы, если они есть, — на всякий случай распорядился Иван, прислушиваясь к звонкому перестуку выстрелов и падающих гильз, доносившихся откуда-то сверху с накрененной палубы. — Долматов, Зыбин — остаетесь здесь, остальные за мной! — Он, не выключая тепловидения, бегом кинулся к наклонной лестнице, оканчивающейся на пятнадцатиметровой высоте темным провалом квадратного люка.

Оттуда неожиданно полоснула автоматная очередь, вслед которой, звонко клацнув о ступени, полетела ручная граната.

— Ложись! — рефлекторно выкрикнул Иван и рванулся вбок, падая под прикрытие какого-то выступа.

Оглушительный взрыв рванул метрах в пяти от него, наполнив пустой гулкий трюм корабля звонким рикошетом разлетающихся осколков, и тут же вдогонку из люка опять ударил автомат, наугад полосуя пространство вокруг лестницы слепящими росчерками трассирующих пуль.

Иван резко привстал на колено, но кто-то из бойцов опередил его — из сумрака ударила короткая прицельная очередь, и вниз грузным мешком повалилось мертвое тело.

— Всем доложить о состоянии! — приказал Лозин, осторожно приближаясь к основанию лестницы. Он ни на миг не выпускал из поля зрения квадратный проем, пока не занял позицию у первой ступени.

— Горшина задело… — пришел доклад. — Осколочное в руку.

— Сергей? — Лозин перезарядил подствольник.

— В порядке. Жить буду.

— Остаешься с Долматовым и Зыбиным. Шершнев, займешь место Сергея.

— Есть, командир.

— Первая пара, приготовиться. — Иван наугад послал гранату в проем люка. — Вперед!

Наверху оглушительно гаркнул взрыв.

Двое десантников стремительно вскарабкались по наклонной лестнице, и спустя секунду по связи пришел доклад:

— Чисто.

Лозин закинул «шторм» за спину и полез вверх, вслед за ним парами поднялись еще шестеро бойцов.

Теперь они находились в средней части танкера: стены коридоров здесь превратились в пол и вели к коротким лестницам, минуя которые можно было попасть на накрененную палубу, а оттуда к внешним надстройкам.

Безопасных путей тут не существовало, и Лозин избрал правый коридор, просто потому, что тот оканчивался более широкой, опрокинутой набок лестницей.

Пятьдесят метров гулкого тоннеля прошли беспрепятственно, лишь отзвуки гремевшего снаружи боя подстегивали: быстрее, быстрее!..

Иван первым выполз на накрененную палубу и тут же увидел, как бьет из расположенной неподалеку надстройки крупнокалиберный пулемет. На слух он безошибочно определил последнюю модернизированную модель ПКТМ[1], который при определенных условиях мог крепиться не только на бронетехнике, но и на переносном треножном станке.

«Ну, держитесь, суки…» — зло подумал он, переползая по наклонной палубе.

— Решетов, возьми пулеметчика. ПКТМ не трогай, пригодится, чтобы заткнуть тех, на барже.

Вдоль палубы метнулась тень, боец ужом скользнул за надстройку, глухо хлопнули два одиночных выстрела, и следом пришел доклад:

— Чисто, командир. Можно заходить.

Иван привстал, и в этот миг со стороны барж по ним ударило сразу несколько автоматов.

Лозина спас шлем. Пуля с хрустом впилась в кевлар, едва не проломив его в районе виска, от удара голову Ивана мотнуло в сторону, так что

хрустнули шейные позвонки, визор шлема тут же померк, впрочем, как и сознание, но последнее вернулось к нему спустя несколько секунд, а вот с компьютерным видением пришлось распрощаться — распоротый трассирующими очередями мрак вновь подступил со всех сторон, словно норовил облепить его, прильнуть к лицу, заглянуть в мутные от контузии глаза сержанта…

Он едва успел осознать это, как сзади его подхватили чьи-то руки и потащили вверх по накрененной палубе, прочь от визгливых искр, высекаемых пулями.

Лозин уже вполне пришел в себя и видел, как двое бойцов отделения прикрывают отход: присев за укрытиями, они вели огонь в сторону барж, отвлекая на себя внимание противника.

…Надстройка, где стоял крупнокалиберный пулемет, оказалась мостиком танкера. Над помещением сначала поработали мародеры, выдрав все ценное, годное на продажу или содержащее цветные металлы, а уже после этого заброшенный, ржавеющий под открытым небом остов корабля облюбовала какая-то банда, видимо намеревавшаяся оборудовать здесь стационарный перевалочный пункт для проходящих в обоих направлениях караванов с контрабандным грузом.

Что ни говори, место выбрано удачно: обнажившееся дно Каспия представляло собой опасное, малоизученное пространство, слишком ненадежное, чтобы по дну бывшего моря могли пройти машины, не говоря уже о тяжелой бронетехнике. Обычно караваны шли пешим порядком и остро нуждались в местах безопасного отдыха. Лозин не знал, как обстоит дело в иных регионах новоявленной суши, но в данном случае предприимчивый полевой командир, обосновавшийся в остовах заброшенных морских судов, крупно просчитался. После подписания недавних межправительственных соглашений здесь пролегла зона ответственности Российских вооруженных сил, и вряд ли своеобразный «караван-сарай» просуществовал бы более одной—двух недель. Слишком броское место…

Впрочем, судя по обстановке, боевики обосновывались тут всерьез и надолго. Вместо пультов с навигационным оборудованием на просторном мостике танкера сейчас размещались койки, перенесенные сюда из кают, пол в некоторых местах оказался нивелирован относительно земли при помощи прихваченных на сварку металлических листов, в бортах прорезаны узкие бойницы.

Судя по брошенным сварочным аппаратам, работы по реконструкции танкера находились в самом разгаре.

Все это прояснившийся после контузии взгляд Лозина охватил за несколько секунд. Бой снаружи не утихал, и времени на размышления не было. Не снимая поврежденного шлема, он откинул вверх бесполезное теперь проекционное забрало и подошел к Решетову, который, оттащив в сторону труп боевика, возился с укрепленным на треножном станке крупнокалиберным станковым пулеметом.

— Патроны экономь, — распорядился Иван, протягивая руку. — Дай твой коммуникатор, у меня разбило микрочип в шлеме.

— Отделению дельта подниматься наверх, к мостику. Осторожно на палубе, она простреливается с противоположной стороны. — Отдав приказ своим бойцам, сержант переключился на командную частоту. — На связи «третий», — доложил он. — Занял объект. Сообщите данные для огневой поддержки.

Он ожидал услышать лейтенанта, но вместо него на несущей частоте послышались звуки ожесточенной перестрелки, и хриплый, рвущийся из-за частого дыхания голос командира первого отделения внезапно сообщил:

— Лозин, взводного убили. Второе отделение прижато огнем с барж. Тут духов, как в муравейнике. Несу потери, головы поднять не дают.

— Координаты? — мгновенно оценив ситуацию, потребовал Лозин. — Дай мне хоть какую-то привязку, чтобы своих не задеть.

— Сейчас… — голос командира первого отделения почти потонул во взъярившемся треске автоматного огня. — Слушай сюда, Иван… через десять секунд я прикажу бойцам прекратить огонь. Засекай огневые точки противника по вспышкам и гаси их, иначе нам не продвинуться — ни вперед, ни назад!

— Понял. — Лозин опустил коммуникатор. — Решетов, к пулемету, — оборачиваясь, приказал он. — Остальным разобрать бойницы. Следить внимательно, сейчас наши прекратят огонь, чтобы мы могли засечь позиции противника. Атаковать по выбору.

Теперь ситуация наконец прояснилась. Основная часть банды в момент атаки находилась на баржах, поэтому группа Лозина взяла танкер, встретив минимальное сопротивление со стороны боевиков, а вот первое и второе отделения попали в тяжелую ситуацию.

Иван приник к прорезанной в борту амбразуре, мысленно досадуя, что не ко времени вырубилась вся электроника шлема, но в следующий миг уже стало не до рассуждений: перестрелка на баржах внезапно умерила темп, «свой» огонь утих, и сейчас по инерции продолжали стрелять лишь засевшие там боевики.

Одна, две, три, четыре, пять… Лозин понял, что пульсирующих

огненных точек, обозначавших позиции противника, слишком много, чтобы он смог зафиксировать их взглядом и удержать в памяти.

— Огонь! — скомандовал он, и тут же справа от него раскатисто ударил крупнокалиберный пулемет, вторя ему, заговорили автоматы, глухо хлопнуло несколько выстрелов из подствольных гранатометов, и по ту сторону образованного нагромождениями металла ущелья на несколько секунд взъярился настоящий огненный ад.

— Молодец, Лозин… Кроши их… — пришел по связи яростный, торжествующий хрип.

— Не дергайся, Сережа, — осадил его Иван. — Дай отработать. Через минуту поднимай людей, я перенесу огонь глубже.

— Понял тебя…

Иван короткими очередями расстрелял остаток патронов в магазине «шторма», потом резко обернулся, ища глазами Евстафьева, переполз к соседней амбразуре и хлопнул того по плечу.

— Вадим, видишь ту надстройку? — Он указал на смутный контур металлической будки, откуда, несмотря на все усилия, продолжали бить как минимум пять автоматов.

— Вижу.

— Заткни их. Только резко, сейчас наши начнут продвижение.

— Понял, командир. — Евстафьев сноровисто сменил автомат на пусковую трубу «РПГ-40М» и метнулся к выходу на накрененную поверхность палубы.

Иван вновь припал к амбразуре. Без системы теплового видения он мог различить лишь смутные, освещенные вспышками автоматных очередей контуры металлоконструкций, но сержанту хватило и такого восприятия, чтобы понять: половина боевиков либо уничтожена, либо срочно сменила позиции, отходя в глубь нагроможденных одна на другую барж.

В следующий миг пространство между двумя близко расположенными палубами прорезал ослепительный след выпущенного реактивного снаряда, и металлическая будка с оглушительным грохотом превратилась в оранжевый бутон огня — видно, внутри были сложены боеприпасы, которые взорвались, когда боевая кумулятивная часть реактивного снаряда прожгла стену укрытия, мгновенно подняв температуру внутри укрепленной позиции до тысячи градусов…

На месте будки остался пылать яркий факел, осветивший пространство вокруг на добрую сотню метров, и теперь Лозин отчетливо увидел, как по накрененным палубам, пригибаясь, стремительно

перебегают фигурки пытающихся найти новые укрытия боевиков…

Пулемет в жилистых руках Решетова дал две длинные очереди и вдруг захлебнулся, умолк — кончились патроны в ленте, уложенной во внушительных размеров коробчатый магазин.

— Все, Иван, мы поднимаемся, они бегут! — пришел по связи голос командира первого отделения.

— Понял. — Иван опустил раскалившийся от недавней стрельбы автоматный ствол и приказал: — Прекратить огонь. Следить за обстановкой. Евстафьев? — Он хотел похвалить бойца за удачный выстрел, но ответом послужила гробовая тишина.

— Евстафьев! — уже громче позвал Иван, но вновь не услышал ответа и, снедаемый дурными предчувствиями, бегом бросился к выходу на палубу.

— Вадим… — в отчаянии прошептал он, увидев распростертое тело бойца, который упал в двух шагах от спасительного укрытия. Иван склонился к нему, и слабая надежда тут же угасла: Вадима убило наповал. Автоматная очередь по злой прихоти судьбы прошла выше бронежилета, изуродовав его лицо…

— Суки… — вырвался из горла сержанта яростный всхлип.

Бой по ту сторону импровизированного ущелья взъярился было с новой силой, но тут же начал угасать, — не выдержав бесноватого напора десантников, боевики прыгали вниз, пытаясь скрыться под покровом ночи, но Лозина уже не интересовала развязка короткого ночного боя — он сидел рядом с холодеющим телом и смотрел на звезды.

Мужчины не должны плакать, но как остановить выступившую в глазах предательскую влагу? Запрокинув голову, он смотрел на размытые контуры ярких серебристых точек, и думалось ему в эти горькие минуты о тех, кому сегодня не суждено увидеть рассвет…

Смерть уже не раз обходила Ивана стороной, но она всегда была рядом, на расстоянии вытянутой руки, будто навязчивая спутница жизни, ледяное дыхание которой он ощущал каждый миг… К этому невозможно привыкнуть, но чувства странно деформируются, словно их сминает невидимый пресс, — на место инстинктивного страха приходит нечто иное, более глубинное, яростное, душа гнется, как изображение в кривом зеркале, и только острая горечь невосполнимых потерь не притупляется со временем, а становится все острее, грозя перерасти в ненависть ко всему сущему…

Иван продолжал неподвижно сидеть, а мысли текли помимо его воли.

Разумом он понимал: кто-то обязан делать эту страшную мужскую

работу, хранить то, что пробуждается в душе неповторимым звучанием слова «Родина». Для каждого она своя. Но сколько может продолжаться этот затянувшийся дурной сон: наркотики, караваны с оружием, мертвая зыбь песчаных барханов, наступающая на растрескавшееся дно пересохшего моря?.. Откуда в мире столько зла, нищеты, ненависти? Где спасение от омута, в который бой от боя все глубже погружалась его душа? Может быть, там, среди таинственно помаргивающей россыпи холодных серебристых звезд?.. — внезапно обожгла его тоскливая мысль, родившаяся в силу непознанных причуд ассоциативного мышления…

Лозин упрямо не хотел признавать, что проблема его души заключена не в том, что он воюет здесь и сейчас, не в острой скорби по погибшим товарищам, — она кроется в глубинах рассудка, в самосознании самого сержанта.

Он просто боялся дать себе отчет в том, что прекрасно понимает: этого не остановить, ни сотней блокпостов, ни электронными системами, червоточина засела в нас самих, не в каждом, но во многих. Невозможно в один миг поменять образ жизни целых народов, тем более ссыпая на их головы кассетные бомбы… Где-то далеко в кабинетах сидели люди, не ведавшие войны, но рассуждающие о ней, планирующие ее, и велика была пропасть между амбициозными, а зачастую просто бездарными политиканами и сержантом, который смотрел на звезды, сидя рядом с холодеющим телом погибшего друга.

Иван никогда не отказывался от борьбы, от риска, но ему всегда хотелось, чтобы этот смертельный риск был обоснован, служил пусть даже недостижимой, но чистой и осмысленной цели.

Он устал убивать и понимал, что его душа уже давно балансирует на той зыбкой грани, перешагнув которую, он станет не просто сержантом Лозиным, а *очень хорошим сержантом* — расчетливой, безжалостной машиной для убийства…

Этой черной ночью, сидя на палубе проржавевшего танкера, он впервые подумал о звездах.

…Его мысли и горестное оцепенение прервал доклад, раздавшийся в коммуникаторе:

— Это первый пост. Докладываю, к нам приближается караван. Вижу до полусотни боевиков в охранении.

Лозин встал, а на периферии сознания вдруг мелькнула шальная мысль: «Если выживу сегодня, напишу рапорт о переводе в космический десант».

…

Он выжил.

Они не пропустили караван, но когда подошла вызванная по рации подмога, опрокинутое набок морское судно защищали всего семь человек, уцелевших из полного состава взвода…

Часть 1. Бесконтактный удар

Глава 1

Земля. Последние числа апреля 2055 года. Район полигонов в месте постоянной дислокации отдельной гвардейской дивизии Военно-космических сил России. Маленький провинциальный городок неподалеку от границы с Прибалтикой…

…Он приходил в себя очень медленно, будто его сознание нехотя выкарабкивалось из бездонной пропасти небытия.

Ощущения жизни были болезненными, обрывочными. В голове вращались разрозненные фрагменты воспоминаний, никак не связанные между собой, кроме единственного, объединяющего их обстоятельства, — обрывки мыслей и образов так или иначе принадлежали ему, лейтенанту Ивану Лозину, командиру второго взвода третьей роты Военно-космических сил России…

Поначалу не помнилось ничего, кроме адского, накатившего из поднебесья грохота и ослепительной зарницы, затопившей небеса от горизонта до горизонта.

«Если видишь вспышку, значит, уже поздно…» — прорвалась сквозь хаотичные воспоминания первая, более или менее сформулированная до конца мысль.

Старая шутка из разряда черного юмора времен «холодной войны», слышанная где-то, затем прочно забытая и вот теперь поднявшаяся из потаенных глубин подсознания как раз ко времени и к месту…

Знать бы еще, что именно случилось…

Иван долго лежал, глядя в лазурные полуденные небеса, постепенно заставляя саботирующую память работать, ворочать тяжелые мысли не как заблагорассудится, а как положено, формируя из обрывков воспоминаний связную картину последних минут перед полным беспамятством.

«Год?»

Он напрягся от мысленного вопроса, ощущая, что у него, оказывается, есть тело: тупая ноющая боль прокатилась изнутри, обдавая жаром мышцы…

«Десятое января две тысячи пятьдесят пятого…»

«Что со мной было? Что я делал?..»

«Прыжки…»

Иван впитал это слово, словно его разум являлся пересохшей губкой,

на которую случайно плеснули пригоршню воды. Мысль, освеженная воспоминанием, заработала жадно, последовательно.

Он вспомнил.

Взвод совершал плановые тренировки по отработке орбитальных прыжков. Сначала их на неделю погрузили в криогенный сон, а затем, сразу по пробуждении, прыжок вниз с орбиты, по которой скользил вокруг Земли полностью автоматизированный испытательный модуль. Точно, он даже припомнил все свои чувства, когда пришлось впервые шагнуть за открытую рампу космического аппарата, увидеть под собой Землю и падать навстречу ей, пока черно-звездная бездна космоса не превратилась в глубокую фиолетовую синь стратосферы…

«Что же случилось потом?.. Неудачно приземлился?..»

Ответа не было, вместо него память теперь уже упорно, целенаправленно выдавала картину ярчайшей вспышки, сопровождаемой адским, ни с чем не сравнимым грохотом, грянувшим в небесах, будто неистовый гигант рванул подле самого уха толстенный лист плотного картона.

Единственное, что удалось вспомнить наверняка, так это цифры электронного альтиметра, проецировавшиеся на забрале скафандра.

До земли оставалось сто двенадцать метров, когда сложная система «летающего крыла» вдруг начала неоправданно «гаснуть», теряя часть своих сегментов…

«Нет… Так не пойдет…»

Воспоминания вернулись, но память не соответствовала реальности. Где, спрашивается, забрало гермошлема, на котором так или иначе должен отражаться статус электронных систем поддержания жизни? Почему он болезненно вдыхает полной грудью, ощущая сырой запах прелой листвы?

Сделать движение, скосить глаза, чтобы увидеть обод иззубренного забрала, стоило ему неимоверных усилий, опять вернувших резкую боль и неприятное ощущение липкой, горячей испарины, обдавшей тело волной жара.

…Забрало гермошлема разбито вдребезги, вот почему он не видит показаний электронных датчиков и дышит пряным воздухом, несущим запахи не то осени, не то ранней весны…

Опять нонсенс. Он ведь отлично помнил, что прыжки проходили зимой, по крайней мере, на территории приземления царила зима. Снег, сугробы, нетронутая целина замерзших полей с редкими, лишенными листвы кустарниковыми перелесками.

Он заставил себя вдохнуть полной грудью, вновь почувствовал этот

запах, да и воздух был теплым, скорее весенним…

«Оттепель?..» — мелькнула настороженная мысль. — «Или все-таки смена времен года?»

Думать о том, что его парализовало из-за удара при неудачном приземлении, не хотелось, но эта мысль сама по себе вкрадывалась в рассудок. Был единственный способ опровергнуть ее — заставить свое тело пошевелиться, но Ивану в этот миг стало страшно.

«А вдруг и вправду парализовало?»

Он закрыл глаза и попытался напрячь мышцы.

Сначала у него ничего не получилось, будто тело, которое он ощущал минуту назад, вовсе и не принадлежало ему… затем вернулась ломота в суставах, и, как окончательное свидетельство победы над одеревеневшими мышцами, вдруг полыхнула боль — теперь уже резкая, нестерпимая, от которой зашлось дыхание и невольный стон застрял в пересохшем горле.

Сознание на секунду померкло, а когда вернулось вновь, он подумал, что теперь уже не сдастся…

* * *

Впоследствии ему казалось, что в борьбе с собственным организмом прошло около суток. Точнее Иван определить не мог — он сбился со счета, сколько раз терял сознание от боли, но все равно возобновлял попытки шевелиться, пока эти усилия вконец не измучили его.

Он уснул, или опять впал в беспамятство, — четко определить собственное состояние Лозин не мог, но когда ощущения внешнего мира вернулись, оказалось, что боль отступила… лишь кружилась голова да хотелось есть, до тошнотной рези в желудке.

Это уже являлось благом, хотя и не слишком большим.

Разум по-прежнему снедала тревога, но теперь мысли ненавязчиво перескочили с собственных болезненных ощущений на иную неопределенность: что с ребятами, где взвод, почему он лежит тут один, без помощи?

Ответ пришел на уровне интуиции, и в первый миг логическая догадка потрясла его до самых глубин души.

Он прыгал первым, а значит, сколь ни мал был интервал между бойцами взвода, остальных эта необъяснимая вспышка застала не в ста метрах над землей, а гораздо выше, где ее последствия наверняка были во сто крат губительнее.

«Ладно, лейтенант… Успокойся… Пробуем встать…»

Он со стоном приподнял голову, услышав отчетливый хруст

собственных позвонков, в глазах помутилось от этого усилия, но ему все же удалось опереться на локоть, и Лозин на минуту застыл в таком шатком, неудобном положении, терпеливо снося дурноту, в ожидании, пока перед глазами рассеется багряно-черная муть.

Рассеялась…

Иван медленно опустил глаза, посмотрел на свои руки и увидел замызганный грязью скафандр, к рукавам которого налипла прелая прошлогодняя листва.

Повернув голову, он понял, что находится в кустарниковом перелеске, разделяющем два невозделанных поля. Метрах в двадцати от него по невспаханной целине обиженно, хлопая крыльями, ходили грачи.

«Весна…»

Земля под рукой была напитана влагой, солнце грело, но кое-где все еще лежали косы посеревшего снега.

Прыжки происходили в начале января, а сейчас, судя по всему, был уже конец марта… если не середина апреля.

Как ему удалось пролежать несколько месяцев на морозе, с разбитым забралом скафандра? Даже если учесть, что системы автоматического поддержания жизни все это время исправно работали, он так или иначе должен был погибнуть от переохлаждения, ведь герметичность экипировки была нарушена…

Превозмогая вполне объяснимую теперь слабость, Иван отполз на несколько шагов и прислонился спиной к тонкому стволу молодой березки.

Двигаясь, он ощущал, как что-то сопротивляется ему, тянет назад и, оглянувшись через плечо, понял, что это так и не отстегнутая парашютная система, превратившаяся в слежавшийся пласт измазанной в грязи ткани, тащится за ним, стесняя движения.

Еще один неоспоримый факт, свидетельствующий о том, что он несколько месяцев пролежал в глубоком снегу без малейшей помощи со стороны.

В чудеса и сказки Иван не верил давно, поэтому вольно или невольно ему пришлось бороться с двумя недугами — парадоксальной необъяснимостью ситуации и немощью тела.

Впрочем, он справился с обеими бедами одним способом — склонив голову, Иван нашел губами встроенный во внутренней части гермошлема маленький тубус и стиснул зубы, прокусывая его, пока не ощутил, как в рот полилась горьковатая жидкость.

Это был боевой стимулятор, запасом которого оснащался каждый скафандр. Его действие не наступало мгновенно, но было длительным,

порядка суток.

Пока Иван ждал наступления эффекта от только что принятого препарата, разум невольно продолжал искать ответ на вопрос: как ему удалось выжить на протяжении трех месяцев?.. И вдруг заработала пробуксовывавшая до сего момента память. Внезапно вспомнилось, как в прошлом году его вызвали на собеседование в штаб дивизии. Речь шла о перспективном развитии военно-космических сил, межпланетных перелетах и новой области практических знаний, которые собирались внедрить во флоте в ближайшем будущем. Конкретно с ним говорили о проблемах выживания на иных планетах, межзвездных расстояниях, длительности космических перелетов и связанной с этим необходимостью погружать человеческий организм в состояние низкотемпературного сна.

Короче, военные медики искали добровольцев для масштабного эксперимента. Ни для кого не являлось секретом, что Россия строит первый межзвездный корабль, который должен сойти со стапелей орбитальной космической верфи уже в этом году, и для испытательного полета, сначала в границах Солнечной системы, а затем и за ее пределами, требовался специально обученный, всесторонне подготовленный экипаж, включающий в свой состав не только профессиональных астронавтов, но и группу «поселенцев», а также три штатных десантных подразделения ВКС.

Весь смысл собеседований, проводившихся с лейтенантом, заключался в том, что, под строжайшую подписку о неразглашении государственной тайны, военные медики предлагали Лозину ввести в его кровь специально сконструированные микромашины, которые своими размерами не превышали кровяные тельца, но несли весьма специфичный набор функций. Во-первых, они были способны обеспечить достаточную циркуляцию крови в процессе криогенного замедления всех остальных жизненных функций, во-вторых, эти искусственные частицы являлись мощнейшим механизмом, содействующим выживанию в экстремальных условиях иных планет. Сейчас Иван с трудом мог вспомнить все преимущества, что сулили военные медики обладателям искусственных кровяных телец, которые они называли не иначе как «микромашинами принудительного метаболизма»… Для лейтенанта был важен фактический вывод: согласившись полгода назад на инъекцию, сейчас он воочию наблюдал ее ошеломляющий результат…

Парадоксально?..

А как иначе он мог объяснить свое трехмесячное пребывание в беспамятстве, под слоем снега и последующее «пробуждение», когда теплые лучи весеннего солнца растопили сугробы и согрели его тело?..

Рассуждая логически, лейтенант все более утверждался в мысли, что после неудачного приземления он получил серьезные травмы, затем наступило переохлаждение бессознательного тела, и, как следствие, — в дело вступили микромашины, благодаря которым неизбежная смерть была предотвращена погружением организма в длительный криогенный сон…

Если его логика верна хотя бы наполовину, то военных медиков можно было поздравить с твердой победой.

Эта мысль вызвала на губах Ивана едва уловимую, натянутую усмешку. Хотелось посмотреть в лица тех, кто сидит сейчас за контрольными мониторами, наблюдая за истощенным до крайности, но *живым* лейтенантом, который по всем раскладам являлся не больше и не меньше, как выходцем с того света…

От этих мыслей слабая усмешка сползла с его губ.

Неправильно. Что-то неверно в его рассуждениях. Неужели они воспользовались неблагоприятным стечением обстоятельств ради проверки работоспособности имплантированных в его кровь микромашин? Не слишком ли жестоко и абсурдно для научного эксперимента? Да, теперь сложно отрицать, что все сработало адекватно заложенным функциям, и он очнулся, словно пригретый солнышком вирус, благополучно перенесший неблагоприятные условия, но не оставили же его тут специально, ради чистоты научного эксперимента? Конечно, в армии бывает всякое, но подобный расклад не влезал ни в какие, даже армейские ворота.

«Что же это была за вспышка?..»

* * *

Спустя полчаса ему удалось полностью совладать с собственным телом, но Иван понимал, что это ненадолго. Принятый стимулятор сейчас задействовал все остаточные резервы его организма, но Лозин не мог предсказать, какими последствиями чревато воздействие боевого препарата при таком сильном истощении?

Размышляя над этим, он не упустил ни секунды из отпущенного ему неопределенного лимита времени.

С большим трудом он освободился от грязного, вывалянного в перепревшей листве скафандра, оставшись в черной униформе космического десанта, с эмблемами ВКС России на рукаве и груди.

«Связь… Первым делом — связь…»

Иван сел, с усилием перевернул громоздкую космическую экипировку, затем осторожно извлек из-под обода разбитого забрала гермошлема тонкую пружинистую дугу с крохотным коммуникатором на

конце. За прибором связи послушно потянулся соединительный шнур, свитый в эластичную спираль.

Один из индикаторов, до сих пор работающий на внутреннем микродисплее скафандра, отражал уровень заряда автономных элементов питания. В данный момент он сиял желтоватой искоркой, значит, батареи наполовину разряжены, на спутник не выйдешь, но в пределах десяти—пятнадцати километров связь должна быть устойчивой.

Большего ему и не требовалось. До штаба дивизии рукой подать, и его просто не могут *не услышать*…

Коммуникатор в момент десантирования был настроен на командную частоту штаба, откуда осуществлялось руководство всей операцией. Три истекших месяца в этом смысле значения не имели — в тактическом зале, независимо от времени суток, неизменно дежурит более двух десятков офицеров, так что, активируя систему связи, Лозин был абсолютно уверен, что его немедленно услышат.

— Командный-1… — хрипло произнес он, с трудом выдавливая слова из пересохшего горла. — Здесь двенадцатый орбитальный, ответьте…

«Тишина».

Лейтенанту на миг показалось, что он оглох от нее.

Машинально облизав пересохшие, растрескавшиеся губы, он проверил все соединения, убеждаясь в их исправности, и вновь повторил свой запрос.

Никакого ответа.

Подобного не могло случиться — воображение Лозина, несмотря на богатый боевой опыт, отказывалось моделировать ситуацию, которая заставила бы замолчать штаб орбитальной группировки.

«Значит, неисправен коммуникатор».

Это была единственная здравая мысль, пришедшая ему на ум после третьей тщетной попытки связаться со штабом.

Возиться с миниатюрной системой не было сил, и он поступил проще. Просунув руку за отворот униформы, Иван извлек из внутреннего кармана свой личный мобильный телефон, откинул активную панель и набрал на сенсорной клавиатуре номер компьютерного автоответчика штаба дивизии.

Ответа не последовало. Судя по состоянию индикаторов, система мобильника не смогла соединиться даже с оператором спутниковой связи.

Лозин перебрал еще несколько известных ему номеров, но с тем же нулевым эффектом.

Связь не работала, ее попросту не было, ни со штабом дивизии, ни со вспомогательными службами, ни с гражданскими абонентами городской

сети.

Осознав этот факт, лейтенант ощутил, как его захлестывает волна непроизвольной дрожи. Принятый стимулятор уже действовал, и непроизвольное сокращение мышц было вызвано реакцией нервной системы, выбросившей в кровь порцию адреналина.

Ватная тишина внезапно трансформировалась в пульсирующий шум — он сидел, бессильно прислонясь к стволу молодой березки, с грязным, облепленным прелой листвой скафандром, разложенным на коленях, и пытался успокоиться, взять себя в руки, унять непроизвольную дрожь в мышцах…

Зловещие признаки какой-то непоправимой беды складывались один к одному, и это, конечно, не способствовало его попыткам угомонить шумный ток крови в ушах, совладать с нервным напряжением, чтобы каким-то образом действовать дальше… пока взгляд не наткнулся на стаю грачей, которая вернулась на окраину поля.

Черные птицы расхаживали по непаханой целине, обиженно хлопая крыльями и изредка пытаясь выклевать что-то из комьев слежавшейся земли.

Вид стаи грачей, занятых своим обычным делом, внезапно помог ему обрести утраченное было равновесие.

«Вставай, лейтенант…» — мысленно приказал себе Лозин. — «Вставай!..»

* * *

Через минуту он смог повторно утвердиться на ногах. Дрожь отпустила, оставив лишь кисловатый привкус во рту да ясное осознание опасности, беды…

«Нужно действовать. Я должен вернуться в часть…»

Эти мысли не приободрили, но придали сил.

Скафандр, вместе с парашютной системой «летающего крыла», он смотал в тугой ком и спрятал в углублении под кустами.

Затем, опустившись на корточки, Лозин тщательно обследовал почву в радиусе нескольких метров от предполагаемого места приземления, пока не наткнулся на искомое: как он и предполагал, «разгрузку» вместе с оружием сорвало в момент, когда его тело пробило густые заросли кустарника. Видимо, в тот миг сработали автоматические замки части экипировки, иначе он бы повис на высоте нескольких метров, запутавшись в сплетении ветвей.

Иван бережно очистил от листвы и грязи носимую поверх скафандра

систему подсумков и надел разгрузку прямо на униформу. Подтянув ремни, он по привычке проверил надежность креплений и стал разгребать листву под тем местом, где обнаружил зацепившуюся за ветви парашютную систему.

«АК-210» модификации «шторм» благополучно перезимовал рядом с безвольным телом хозяина. Глядя на примятые следы, продавленные в оттаявшей земле, Иван понял, что оружие все это время лежало накрытое его собственным телом. «Ну совсем как в учебниках по боевой подготовке, которые выпускались более века назад, в разгар так называемой „холодной войны“», — подумалось ему.

Он сел и, несмотря на усилившееся головокружение, тщательно исследовал оружие.

«Шторм» практически не пострадал от многомесячного пребывания под снегом. Созданный на базе бессмертного «Калашникова», автомат вобрал все лучшие конструктивные решения, реализованные в его технологическом предке, став при этом легче, убойнее и многофункциональнее. Три с половиной килограмма металлопластика сохранили от легендарного прототипа характерный слегка изогнутый магазин, в который теперь снаряжалось сто пятьдесят патронов калибра 5,5 миллиметра. Сам магазин стал более узким, за счет короткой пистолетной гильзы унифицированного патрона, зато ствол оружия немного удлинился, и на нем, в качестве навесного оборудования, теперь прижился не только подствольный гранатомет, но и оптико-электронный прицел с системой автономного компьютерного управления. Укороченный приклад, расположенный сразу за пистолетной рукояткой, теперь служил не только для механического упора в плечо при стрельбе, но и интенсивно гасил отдачу, благодаря специальному волокончатому материалу и сконструированной внутри него системе жидкометаллических противовесов.

Лозин любил это оружие. Нужно сказать, что «шторм» всегда отвечал ему взаимностью, и хотя сейчас у Ивана не было времени на детальную разборку оружия, он был уверен — случись что, автомат не подведет. Тестовые испытания для «шторма» являлись такими же жесткими, как и для его предшественников конца двадцатого века: автомат кидали в болото, где тот мог пролежать несколько недель, потом доставали и производили контрольные стрельбы. Отказов в механизмах оружия не было — это лейтенант знал точно.

Закончив с осмотром и подгонкой экипировки, Иван взглянул на часы и компас.

Небольшой хронометр работал исправно, а вот указатель направления электронного компаса вел себя словно взбесившаяся крыса, посаженная в клетку. Световая стрелка металась из стороны в сторону, не останавливаясь на каком-то определенном значении.

Лейтенант не мог истолковать такое странное поведение прибора, но этот факт стоило запомнить…

Вообще, он посмотрел на вшитый в манжет униформы жидкокристаллический дисплей по машинальной, укоренившейся привычке. Чтобы сориентироваться на местности, ему не нужны были приборы. Полигоны дивизии располагались в пяти—шести километрах от родного города, и, чтобы попасть на сборный пункт части, ему следовало двигаться вдоль шоссейной дороги, мимо недавно отстроенных жилых микрорайонов.

Первый раз Лозин прошел дорогой от площадки приземления до расположения дивизии пятнадцать лет назад, будучи еще простым солдатом-контрактником, так что заблудиться он попросту не мог.

Было без четверти десять утра, двадцать девятого апреля 2055 года, когда Лозин отправился в путь.

Эту дату и время он запомнил навечно…

* * *

Снег уже сошел повсеместно, оставив после себя небольшие набрякшие водой островки под кустами. Обочина асфальтобетонного шоссе, снабженная через каждые сто метров дренажными стоками, подсохла после массового таяния снега, и идти по ней было удобно. Ласково пригревало весеннее солнышко, но настроение Лозина омрачали свинцовая усталость, по-прежнему ощущавшаяся в ослабевших мышцах, да тяжелые, совсем не радостные мысли, которые вернулись, как только он втянулся в монотонный ритм ходьбы.

Многое вокруг настораживало, не находило объяснения.

Шоссе, обычно оживленное в это время суток, сейчас выглядело совершенно пустынным. Ни машин, ни прохожих, хотя до города всего два—три километра.

Думая об этом, Иван машинально отпустил ремень автомата, поменяв положение оружия. Теперь ему было достаточно чуть пошевелить плечом, чтобы «шторм» сам соскользнул в руки. При всех странностях произошедших событий такая мера предосторожности показалась ему нелишней, как и патрон, который он загнал в канал ствола, сняв оружие с предохранителя, отчего автоматически сработал электромагнитный привод

затворной рамы.

…Примерно через час ходьбы он смог отчетливо разглядеть окраину города.

Нервы, измотанные длительной неопределенностью, мгновенно и болезненно отреагировали на конкретную, информативную картину, представшую его взгляду: тело вновь напряглось до болезненной судороги мышц, автомат сам собой соскользнул с плеча, но дальше этого дело не пошло… Пораженный увиденным, Иван застыл, глядя на знакомую, но в то же время *неузнаваемую местность*.

Высотные дома спальных районов, с одной стороны примыкавшие к шоссе, выглядели заброшенными, их выбитые окна чернели провалами обгоревших рам, гроздья параболических антенн, неизменно украшавшие крыши жилых многоэтажек, либо отсутствовали вообще, либо выглядели жалкими, мятыми фрагментами покореженных конструкций, да и сама телевышка, возвышавшаяся неподалеку, в данный момент походила на огарок чудовищной свечи: ее решетчатые конструкции искривились, отчего телебашня накренилась к земле, почти касаясь ее своей макушкой…

Пальцы Ивана побелели, сжимая автомат.

Примерно минуту он стоял, напряженно изучая эти признаки непоправимых перемен, произошедших с городом, и опять в сознании появился образ ослепительной вспышки, разлившейся в небесах, память о которой, по сути, являлась его последним осознанным ощущением до пробуждения.

Теперь, глядя на коробки многоэтажек и склонившуюся к земле башню телецентра, он понял, почему его не подобрали на месте приземления. Десантирование его взвода по роковому стечению обстоятельств совпало во времени с каким-то глобальным и непоправимым событием, отсвет которого он увидел перед самой потерей сознания.

Напряжение не отпускало, оно лишь усиливалось с каждой секундой, но Иван уже перешагнул шоковый порог восприятия, и его рассудок пытался выработать сейчас адекватный ситуации план действий.

Их часть располагалась за жилыми массивами. Он мог действовать двояко — либо сразу отправиться в военный городок, либо исследовать крайние дома спального микрорайона…

Иван продолжал внимательно осматриваться по сторонам, пока вдруг не увидел последний, завершающий штрих, который как бы замкнул в его сознании картину окружающего…

У въезда в город, перед воротами коммерческой металлобазы, которая на его памяти работала круглые сутки, сейчас стоял выгоревший остов

БМД-12.

«Война?!»

Это предположение шарахнуло в рассудке, словно взрыв осколочной гранаты.

Не отрывая глаз от сгоревшей боевой машины десанта, Лозин сошел с дороги, машинально перехватив автомат, чтобы в любую секунду открыть огонь навскидку, но стрелять вообще-то было не в кого — вокруг по-прежнему стояла звонкая тишь, в которой зловещие признаки непонятной, но непоправимой беды казались еще более гнетущими…

Хоть бы один живой человек попался навстречу…

Постоянно оглядываясь, Иван заметил вдалеке, за полями, темный контур одноэтажного здания. Судя по всему, это была обыкновенная бревенчатая постройка, сруб, возможно, старый дачный домик или крайняя изба невидимой отсюда деревни, которые еще сохранились в окрестностях бурно растущего современного города.

Внимание Лозина на мгновенье привлек блеск стекол в двух обращенных к городу окнах. Диссонанс между обгоревшими провалами оконных рам многоэтажек и этим тусклым отблеском был столь очевиден, что вывод о вероятной обитаемости дома напрашивался сам собой.

Запомнив этот факт, он осторожно двинулся дальше, направляясь в сторону сгоревшей боевой машины.

* * *

БМД-12 являлась последней разработкой оборонной промышленности России и была предназначена специально для частей военно-космических сил, которые формировались на базе наиболее боеспособных дивизий воздушно-десантных войск.

На Земле медленно, но неотвратимо наступала новая эпоха, когда взгляды прогрессивной части человечества все чаще обращались к звездам, где, без всякого сомнения, лежало будущее цивилизации.

Новые типы вооружений, техники, уникальные разработки в сфере контроля и поддержания человеческого метаболизма — все это вместе взятое, несмотря на военный уклон технологий, тем не менее не рассматривалось как подготовка к некоему противостоянию в космосе.

Иван хорошо понимал суть наступающих перемен, потому что сам являлся непосредственным участником подготовки нового этапа космической эры. Эпоха освоения околопланетного пространства заканчивалась, и далее должны были последовать какие-то глобальные шаги, направленные на достижение ближайших звездных систем. Опыт

межпланетных экспедиций, накопленный за последние десятилетия, ясно свидетельствовал о многочисленности и непредсказуемости тех опасностей, внештатных ситуаций и смертельных для человека явлений, которые постоянно преподносило космическое пространство. Дальнее внеземелье крайне неохотно отдавало свои тайны, стараясь взять за их открытие определенную мзду. Поэтому обыкновенная логика диктовала жесткие меры по защите грядущих экспедиций к удаленным на световые годы мирам от всех мыслимых или немыслимых чрезвычайных ситуаций.

Ученые давно предсказывали наличие планет в ближайших к Земле звездных системах, но даже самые современные, изощренные способы удаленного наблюдения не могли ответить — пригодны ли эти гипотетические миры для человеческого метаболизма, какова жизнь в среде иных биосфер и какого рода препятствия могут встать на пути первопроходцев?

Именно в поисках ответа на эти вопросы формировался костяк Военно-космических сил России. Не ради противостояния в пространстве родной Солнечной системы, как пыталась преподнести некоторые факты, вырванные из общего контекста подготовки первого межзвездного перелета, пропагандистская машина Соединенных Штатов Америки, а во имя продвижения вперед к иным мирам, куда должны отправиться не только научные специалисты, но и люди иного склада, способные морально и физически справиться с любыми чрезвычайными обстоятельствами.

По крайней мере, Ивана Лозина и его товарищей тренировали, ориентируя именно на такие предпосылки. Всем было понятно, что можно исследовать Марс или луны Юпитера, опираясь только на отряды астронавтов-исследователей, но для дальних экспедиций, которые продлятся не одно десятилетие, требовались не только принципиально новые технологии, но и разносторонне подобранный состав участников, который неизбежно включал в себя элиту военно-космических сил.

…Осторожно продвигаясь вдоль высокого бетонного забора неработающей металлобазы, Иван, конечно, не размышлял над глобальными вопросами экспансии человечества к иным мирам и связанными с этой перспективой аспектами собственной подготовки. Сейчас он мыслил узко и конкретно. Безлюдные окраины города заставили его сосредоточить все внимание на покрытой следами копоти бронемашине и прилегающем к перекрестку пространстве.

Вокруг по-прежнему стояла звонкая, ненатуральная тишь. Пустые дома выглядели зловеще, переломленная пополам вышка телецентра, казалось, кричит о чем-то вопиющем, но непонятном, — все это, вместе

взятое, угнетало, до предела натягивая нервы, вычерпывая из организма остатки мобилизованных стимулятором сил.

Подойдя вплотную к корпусу БМД, Иван, не прикасаясь к закопченной броне, обошел машину кругом, отметив, что все люки выпучены наружу, а языки копоти видны только в районах образовавшихся щелей. Создавалось впечатление, что внутри машины возник внезапный пожар, от которого детонировала часть боекомплекта. Никаких внешних механических повреждений на броне не наблюдалось, он не смог найти ни выщербин, ни царапин…

Чтобы окончательно убедиться в возникших предположениях, Лозин открыл задний люк машины, с трудом сдвинув с места деформированный овал брони, и заглянул в сумрачное нутро БМД.

Внутри стоял запах сгоревшей изоляции, оголенные огнем кабели свисали с низкого потолка отсека, перемежаясь застывшими потеками пластика. Особенно сильно пострадала головная часть машины, где располагался бортовой компьютер и органы управления, — значит, пожар, скорее всего, возник там. Убедившись, что решетчатые каркасы, оставшиеся от сгоревших кресел, не содержат человеческих останков, Иван сделал закономерный вывод: машина шла в автономном режиме, под управлением бортового компьютера, когда внутри возникло возгорание. Отсутствие явных внешних повреждений на время отодвигало вопрос об имевших место боевых действиях, не снимая, однако, его остроты.

«Что же в таком случае стряслось? Глобальная техногенная катастрофа?»

Чтобы ответить на заданный себе вопрос, Иван, невзирая на явные признаки трудноодолимой усталости, направился к ближайшему многоэтажному дому, возвышавшемуся напротив ворот металлобазы.

* * *

Разные мысли теснились в голове Лозина, пока он без преувеличения «брел» через перекресток асфальтированных улиц к подъезду двенадцатиэтажного дома.

Вопиющая пустота города давила на разум. Иван все чаще ловил себя на том, что вспоминает картины прошлого: сколько раз он ходил по этим улицам, абсолютно не обращая внимания на окружающие лица, пропуская мимо сознания поток спешащих по своим делам людей. Они были разными: потенциальные друзья и вероятные недруги, которых воспринимаешь как фон, не контактируя, но подсознательно ощущая постоянное пребывание в их обществе…

Распахнутые настежь двери подъезда приближались, и Лозин чувствовал, что, какой бы ни оказалась тайна внезапного исчезновения людей, он, в принципе, не может узнать ничего хорошего…

Лейтенант не ошибся в своих мрачных предположениях.

Первое, на что он обратил внимание, войдя в подъезд двенадцатиэтажного дома, был выветрившийся, но еще уловимый запах гари, к которому примешивались иные, неприятные, хорошо знакомые, сладковатые флюиды.

Прислонившись к стене, он обвел долгим изучающим взглядом площадку первого этажа.

У неплотно сомкнутых створок неработающего лифта валялись брошенные как попало вещи. Беспорядочные груды одежды сразу навели его на мысль о мародерстве.

«Вряд ли испуганные жильцы дома, пытавшиеся вынести свое имущество, стали бы потрошить собственные дорожные сумки», — подумал Иван. Что-то вынудило их бежать, спасая свою жизнь, бросив собранную второпях ручную кладь, а хаос, среди которого он стоял, наверняка возник несколько позже — об этом немо свидетельствовали выломанные двери квартир, выходившие на площадку первого этажа…

«Да, без сомнения, кто-то пытался поживиться в опустевших домах», — сделал лейтенант окончательный вывод.

С трудом перешагивая через груды вещей, он подошел к выломанным дверям ближайшей квартиры и ступил в темную прихожую.

Судя по положению выключателей, первый акт трагедии разыгрался поздним вечером Лампочки в декоративных настенных плафонах лопнули, усеивая пол хрустким крошевом мелких осколков тонкого стекла, видимо по всему зданию имел место резкий скачок напряжения, в чем Иван смог убедиться, пройдя в гостиную.

Взорвавшийся экран стереовизора, обуглившаяся люстра под потолком, подпалины на стенах, в местах расположения расплавившихся розеток, — все складывалось одно к одному… Дом был недавней постройки, в его отделке использовалось много пластиковых элементов, и массовое возгорание не возникло лишь благодаря современной системе углекислотного пожаротушения, которая успела сработать в критический момент.

Осмотрев гостиную, лейтенант переступил порог следующего помещения, ощущая, как резко усилился тошнотворный, сладковатый запах.

В кресле перед сгоревшим компьютером сидел парень лет двадцати.

Зима и воцарившийся в здании мороз на некоторое время законсервировали бездыханное тело, но теперь, с наступлением тепла, его коснулся стремительный тлен, заставивший вздуться и посинеть мертвую плоть.

Глядя на искаженные, обезображенные судорогой черты лица, не нужно было напрягать воображение, чтобы определить причину смерти — она наступила от поражения электрическим током: труп был облачен в виртуальный костюм, к которому от почерневшего системного блока компьютера тянулись оголившиеся провода, разогревшиеся в момент скачка напряжения до такой степени, что на них расплавилась пластиковая изоляция. Лозин не мог определить, каких значений достигала сила тока, но он ясно понимал, что людей и аппаратуру не спасли даже предохранители: высокое напряжение пробило воздушные зазоры и в течение нескольких секунд распространилось по доступным проводникам, взрывая не рассчитанные на подобную мощность электроприборы, нанося смертельные травмы людям, которые оказались в этот момент поблизости от источников высокого напряжения…

Лейтенант не раз видел смерть, в самых неприглядных ее проявлениях, но вид вздувшегося, посиневшего трупа подействовал на него особым, удручающим образом, будто в душе очнулось что-то давно позабытое, утраченное, как казалось, навсегда…

Пришлось мысленно прикрикнуть на себя, чтобы заставить рассудок очнуться.

Он резко обернулся и вышел, понимая, что сейчас главное — восстановить картину событий и по возможности выяснить первопричину случившегося.

…Осмотрев еще две квартиры, Лозин окончательно убедился, что город постигла внезапная, унесшая множество жизней техногенная катастрофа, связанная прежде всего с небывалым перепадом напряжения в бытовой электросети. Однако оставалось неясным, почему выжившие люди не вернулись в свои дома? Куда они направились, бросив имущество на разграбление кучкам подонков, которые в периоды глобальных катастроф вырастают будто из-под земли, появляясь в районах бедствий с одним лишь стремлением — поживиться на чужом горе?..

Ответа на данный вопрос не было, и Лозин начал подъем на верхние этажи. Он не зря избрал для осмотра крайний, самый высокий дом микрорайона. Как бы скверно Иван себя ни чувствовал, физическое недомогание не могло притупить инстинкты, вложенные в его сознание многолетней подготовкой и реальным боевым опытом. Сгоревшая боевая машина не выходила из памяти, именно она явилась знаковым

свидетельством, которое, несмотря на все признаки техногенной катастрофы, безлюдный город и обугленную БМД, немо предупреждало — не все так просто, лейтенант…

Неизвестно, что творится на территории военной части, и идти туда без предварительной разведки в сложившейся обстановке было недопустимо.

…Двигаясь по замусоренным лестничным маршам, он поднялся на верхний этаж жилого здания. Здесь уже наблюдались явные следы пожара, причиной которого являлось отнюдь не возгорание электропроводки. Покоробленные, оплавившиеся пластиковые рамы наводили на мысль о кратковременном, но мощном тепловом ударе, распространявшемся вкупе с ударной волной на высоте сорока—пятидесяти метров от поверхности земли.

Заняв позицию за покоробленным пластиковым подоконником, Иван приник к окуляру оптико-электронного снайперского прицела «шторма». С высоты двенадцатого этажа открывался отличный вид на расположение части, и Лозин долго, внимательно осматривал через прицел доступную взгляду площадь военного городка.

Низкие строения казарм и технических боксов не пострадали от удара, повредившего верхние этажи городских зданий, ворота ангаров были плотно сомкнуты, на пустых улицах ни души… Издали не было заметно явных следов боевых столкновений, лишь в одном месте на центральном плацу лейтенант сумел разглядеть смутно очерченный обожженный круг диаметром в десятки метров…

Опустив автомат, он некоторое время сидел, тяжело размышляя над увиденным.

Бегство мирных граждан, пытавшихся спастись от последствий тотальной техногенной катастрофы, казалось ему понятным и логичным, но как объяснить тот факт, что целая дивизия, относящаяся к элитным воинским формированиям, вдруг испарилась, исчезла?!

Скорее всего, часть была передислоцирована в иное место — этот вывод напрашивался сам собой, но лейтенант не спешил принять его на веру.

Чувствуя подкатывающую к горлу дурноту, Лозин встал и нетвердым шагом направился вниз. Теперь, после визуального осмотра территории военного городка, он мог без опаски пересечь периметр высокого бетонного забора и попытаться выяснить, куда подевался личный состав полнокровной дивизии военно-космических сил.

…За время, проведенное внутри многоэтажки, его состояние заметно

ухудшилось. Цифры на вшитом в манжет униформы крошечном дисплее указывали, что время уже перевалило за полдень, небо хмурилось, низкие облака грозили разразиться дождем, а его поиски так и не увенчались успехом. Иван по-прежнему не мог однозначно ответить на вопрос о причинах постигшей город катастрофы. Осознание того, что прошло как минимум три месяца с момента рокового события, полное отсутствие какой-либо деятельности со стороны экстренных спасательных служб, незахороненные, начавшие разлагаться тела людей, следы мародерства в здании и исчезновение личного состава воинской части — все это порождало десятки новых вопросов, не дав вразумительного ответа ни на один из прежних.

* * *

До запертых ворот КПП Лозин так и не дошел.

Эффект временного прилива сил от принятого стимулятора убывал гораздо стремительнее, чем он рассчитывал.

Едва миновав перекресток подле здания, Иван остановился, чувствуя, что переоценил свои возможности.

Каждый новый шаг давался ему с неимоверным трудом, и из этого следовало сделать вывод.

Он хорошо знал, как действует боевой препарат, и понимал, что необходимо отыскать убежище, где он смог бы перенести кризис, неизбежно связанный с полным истощением жизненных сил…

…Короткая передышка затягивалась, а внезапно обострившаяся немощь тела раздражала его. Инстинкты по инерции толкали разум к действию, поиску, осмыслению зловещих событий, но физическое состояние не позволяло лейтенанту пойти на адекватные шаги.

«Хорош я буду, если завалюсь где-нибудь посреди военного городка…» — с раздражением подумал Иван, обращая свой помутившийся взгляд в ту сторону, где за полем и перелеском он видел отблеск стекол в окнах одноэтажного бревенчатого строения. Лозин понимал: чтобы пережить полное истощение сил, ему необходима хотя бы крыша над головой, и искать убежище следует за городом. Следы, оставленные бандами мародеров, означали, что пустота города обманчива. У лейтенанта имелся определенный опыт, связанный с работами в зонах экологических и техногенных катастроф, и в данном случае невыясненная первопричина бедствия не устраняла иных проблем, которые неизбежно возникали на изолированных территориях, откуда эвакуировано все население.

«Нет… Легкой добычей для какой-нибудь банды я не стану…» —

подумал Лозин, окончательно смирившись с мыслью, что детальное исследование военного городка ему придется отложить как минимум на несколько дней. Он был уверен, что его организм сможет побороть истощение, но в данный момент силы таяли, а ночевать в поле под открытым небом в таком состоянии было столь же губительно, как впасть в кому где-нибудь посреди пустынной улицы…

В конечном итоге здравый смысл возобладал над неодолимым желанием немедленно побывать в штабе дивизии.

«Отлежусь пару дней и вернусь…» — мысленно пообещал он себе, заставив налитые свинцом ноги сделать шаг в избранном направлении…

…Минут через десять, вновь выйдя на шоссе, Иван, стремясь сократить расстояние, сошел с дороги и побрел напрямик, через поля, ориентируясь на раздвоенный ствол кривой сосны, который взял на заметку еще перед тем, как направиться к сгоревшей БМД…

* * *

…Силы стали окончательно покидать его, когда лейтенант прошел три четверти расстояния до незамысловатой бревенчатой постройки.

Начинало вечереть. Сумерки подкрадывались незаметно, с хмурого неба срывались редкие капельки дождя…

Вокруг по-прежнему не было видно ни души, хотя ощущалось незаметное ранее присутствие жизни. Где-то в кустарнике, не обращая внимания на произошедшие гнетущие перемены, щебетала пичуга, вдали слышалось раскатистое карканье — видно, стая ворон кружила над полями и перелесками в поисках привычных для такого времени года свежевспаханных участков, но, судя по хриплым разочарованным птичьим голосам, никто этой весной не возделывал землю…

Создавалось стойкое ощущение, что от непонятных катастрофических событий трехмесячной давности пострадали исключительно люди, оставив после себя пустынный город и ничуть не изменившуюся, пробуждающуюся с весной природу…

Лозин с трудом двигался через раскисшее поле, чувствуя, что окружающая обстановка все более угнетает его. Он не мог заставить свой разум отключиться, не думать о том, что увидел в городе. Машинально переставляя ноги, Иван продолжал мучить рассудок ни к чему не ведущими догадками; его шаги постепенно замедлялись, походка становилась неуверенной, шаткой, словно он передвигался по болоту, в голове, стирая мысли и чувства, разрастался иссушающий звон, а вес экипировки уже казался непосильной ношей.

В конце концов силы окончательно покинули его, и он упал, потеряв сознание, всего лишь в полукилометре от намеченной цели…

…Опять для него наступил период странного безвременья, когда ощущение реальности по собственной прихоти то возвращалось к измученному рассудку, то исчезало вновь.

В какой-то из моментов просветления он увидел звезды. Должно быть, уже наступила глубокая ночь, небо очистилось от туч, и на фоне бесчисленного множества серебристых точек огненными росчерками то и дело срывались, стремясь к поверхности земли, десятки, если не сотни болидов.

Сознание запечатлело эту странную картину непрекращающегося метеоритного дождя и опять угасло.

В следующий раз он пришел в себя от прикосновения.

Иван даже не вздрогнул — на это не было сил, он лишь приоткрыл глаза, чувствуя, что его сотрясает лихорадка, хотя все тело было объято жаром. Прикосновение, которое привело его в чувство, было холодным и влажным.

Мучительно скосив глаза, Лозин увидел огромного пса неопределенной породы, который нависал над ним, внимательно разглядывая беспомощного человека, распростершегося на влажной прошлогодней стерне.

Такое соседство, естественно, вызывало чувство тревоги. Пес показался ему огромным, глаза собаки горели в ночи, словно две холодные фосфоресцирующие пуговицы, влажный холодный нос, который тыкался в щеку, обнюхивая лицо, почему-то порождал ощущение страха. Не было никакой возможности понять, кто перед ним — верный друг человека, имеющий кров и хозяев, или же давно утративший всяческие привязанности одичавший зверь, не ведающий иных инстинктов, кроме того первобытного наследия, что заложила в него природа?..

Иван, несмотря на слабость и озноб, все же попытался одолеть дурноту, дотянуться до автомата, и это слабое движение не укрылось от пса. Он прекратил принюхиваться и опасливо отошел на несколько шагов, как раз в тот момент, когда дрожащие пальцы лейтенанта сомкнулись на пистолетной рукояти «шторма».

Дальше события вдруг начали развиваться не по сценарию. Лозин почувствовал, что не в силах поднять оружие, да и пес, видимо, пришел к аналогичному выводу. Еще раз сверкнув глазами в ярком лунном свете, он обошел беспомощно распростертого на земле человека, и Иван внезапно ощутил жаркое дыхание на своем затылке.

В следующий миг челюсти пса сомкнулись на вороте его полевой формы, и Лозин почувствовал, как зверь рывком сдвинул его с места. Пес пятился, упираясь всеми четырьмя лапами, изредка испуская утробное рычание.

Ивана по-прежнему лихорадило, от жара и озноба мир виделся как в тумане, и даже тот факт, что его куда-то тащит огромный беспородный пес, уже не вызывал в нем страха. Единственное, о чем беспокоился Лозин в эти минуты, — не потерять оружия, чтобы автомат не остался лежать тут на краю поля…

* * *

Пес протащил его метров двести, а затем внезапно исчез, словно растворился в густой весенней ночи.

Иван с трудом воспринимал реальность. Озноб усиливался, его бросало то в жар, то в холод, перед глазами плавали мутные картины полубредового содержания… Наверное, поэтому, когда из плотного мрака вынырнули две серые, трудно различимые человеческие фигуры, он не испытал никаких эмоций, воспринимая их как продолжение галлюцинаций… И лишь когда его осторожно подняли с земли, лейтенант с отрешенностью подумал, что наконец-то видит *живых* людей…

Впрочем, даже эта мысль не смогла расшевелить его оцепеневший рассудок. Некоторое время Иван еще удерживал в себе искру сознания, пытаясь понять, куда его несут, но сориентироваться в кромешной тьме не было никакой возможности, и, в конце концов, сгорая от объявшего тело жара, он невольно отдался убаюкивающему ритму легкого покачивания, провалившись в липкие объятия беспамятства…

* * *

…В следующий раз он пришел в себя спустя изрядный промежуток времени. В помещении, где он лежал, царил мягкий сумрак, пахло деревом, пищей, за занавешенными окнами проглядывал серый свет пасмурного дня.

Все это было до странности нелепо, и треск дров в неказистой печи, и погашенная лучина на столе, закрепленная в специальной подставке из расщепленной дощечки…

Словно время открутилось вспять как минимум на полтора века…

Он не знал, какой нынче день, сколько времени прошло с той памятной ночи, когда громадный черный пес тащил его по раскисшему от дождя полю, но Иван больше не ощущал ни жара, ни озноба, вот только тело вновь не желало повиноваться ему…

Внезапно до слуха Лозина долетели легкие, едва слышные шаги.

Звук босых ступней, касающихся скрипучего деревянного пола, показался Лозину столь необычным, будто он действительно выпал из своего времени…

С трудом скосив глаза, он увидел молодую девушку, наверное, свою ровесницу, которая подошла к изголовью его кровати, поставила на деревянную табуретку пластиковый таз с нагретой, курящейся паром водой и, посмотрев на него, ободряюще улыбнулась.

— Очнулся? — ласково спросила она, будто была давней подругой Лозина, знавшей его не первый год.

Лейтенант не ответил, на это пока не было сил, лишь слегка кивнул, давая понять, что он в полном сознании.

— Вот и молодец. — Она намочила в тазу край полотенца и решительно откинула одеяло. — Давай будем мыться.

Иван поначалу смутился, осознав, что лежит абсолютно нагой, но быстро справился с этим иррациональным стыдом.

Взглянув на себя, он ужаснулся. Одна кожа да кости. Лозин мог видеть лишь свои ноги да впалый живот, но и этого хватило, чтобы вернулось чувство недоумения, а вместе с ним и смущение перед молодой девушкой.

— Ничего, лежи… — мягко произнесла она, касаясь его влажным полотенцем.

Видимо, желая отвлечь Ивана от неприятных для него ощущений, девушка, отирая его иссохшие ноги, продолжала говорить, невольно концентрируя внимание на себе:

— Раз очнулся, давай знакомиться. Меня зовут Настя… — Она вновь намочила и отжала полотенце, осторожными, но, как показалось Ивану, профессиональными движениями обтирая его грудь, плечи и живот.

Он попытался ответить ей, но из пересохшего горла вышел лишь сиплый вздох.

— Не напрягайся — Настя вдруг застенчиво улыбнулась, будто в облике истощенного, едва живого лейтенанта было для нее что-то неизбывно близкое, родное, радостное. — Я знаю, тебя зовут Иван, фамилия Лозин. Мы встречались раньше, — пояснила она. — Я работала в лаборатории, где проводили медицинское тестирование основных и дублирующих групп десанта, задействованных в проекте «Россия».

Иван смог ответить ей лишь слабым кивком. Сил говорить по-прежнему не нашлось, но Настя не настаивала. Справившись с нехитрой гигиенической процедурой, она укрыла его свежим одеялом и,

улыбнувшись напоследок, вышла, унося с собой таз.

Вместо нее в помещении появился мужчина средних лет. Одет он был невзрачно, в серую рубашку и помятые брюки, на плечи накинут застиранный до белесых разводов армейский бушлат, лицо осунувшееся, но тщательно выбритое, в руках он держал пластиковую пол-литровую кружку.

— Rehab`litation… — внезапно произнес он по-английски. — Кушать… Пить… — добавил незнакомец, двумя руками протягивая Ивану кружку, в которой оказалось молоко.

«Так… Значит, все-таки американцы… мать их…»

Мысль гулко ударила в виски яростным током крови, будто внутри организма до этого рокового мига все же оставалась одна-единственная сжатая пружинка, последний резерв сил, который мог быть востребован только вот так, внезапно, спонтанно и болезненно.

Минуту назад, глядя на Настю, он заметил, что его автомат стоит неподалеку от изголовья кровати, в углу, завешенный верхней одеждой, из-под которой торчал лишь краешек магазина. В такие секунды солдат не размышляет, он действует. Это нельзя обосновать, особенно когда речь идет о русском солдате. Да, он мог проваляться несколько месяцев под снегом, сгорать в лихорадке, чудом выкарабкаться с того света, но этот неприкосновенный остаток сил, имя которому — воля, остался, и речь шла не о лейтенанте Лозине конкретно…

Он скатился с кровати, больно ударившись об пол, выпростал руку, с трудом удержав в ослабевших пальцах вес автомата, и, не в силах встать, направил ствол «шторма» в лоб американцу.

У того глаза полезли из орбит, не то от внезапного приступа страха, не то от крайнего удивления, но кружку с молоком он все же удержал, хотя часть белой жидкости плеснула на пол.

— Рашен… Крези… — пробормотал он, непроизвольно попятившись. — Нет!.. Не нужно!.. Learned!..[2] — С английского он снова сбился на русские слова: — Не враг!.. Нет война!..

В этот миг хлопнула дверь, и в помещение вошла Настя.

— Да вы что, с ума посходили? — В ее голосе звучал укор, гнев и… непонятный теплый оттенок. — Иван, Джон, ну-ка прекратите… — Она склонилась к Лозину и ласково накрыла его напряженные пальцы своей теплой ладонью. — Ну, не психуй… Извини, я должна была тебя предупредить. Он не враг, и мы не воюем с Америкой. — Настя обернулась к Джону и вдруг прикрикнула: — Ну, что стоишь? Иди помоги положить

Ивана в постель.

Американец опять что-то пробормотал про сумасшедшего русского, затем поставил молоко на стол и принялся помогать Насте.

Сил на сопротивление не осталось. Ивана вновь уложили на кровать, укрыли одеялом, и теперь уже Настя принялась поить его молоком.

— Ты только не нервничай, ладно? Тебе нельзя, — уговаривала она его, будто маленького капризного ребенка. — Потерпи пару дней, окрепнешь, встанешь на ноги, тогда и поговорим. Ни при чем тут американцы, ты ведь должен знать…

— Нет… — хрипло выдавил Иван. — Ничего не знаю…

— Тем более. Джон Херберт — ученый, он сотрудник НАСА, приехал в нашу дивизию по приглашению, понимаешь? Потом тоже мыкался по лесам, как я. Чего сразу за автомат-то?..

Лозин не ответил, только стиснул зубы. Сколько ни старались ротные командиры, а космополит из него вышел, мягко говоря, хреновый. Не нравилась ему страна, мнящая себя владычицей мирового порядка, хотя умом Иван и понимал, что крики политиков — это одно, а реальный баланс сил — совсем иное. Впрочем, глупо было сейчас думать об этом, после того как Настя ясно сказала: «Мы не воюем с Америкой».

Значит, война все-таки имеет место.

С этой беспокойной тревожащей мыслью он снова постепенно впал в забытье, но теперь это уже был глубокий сон выздоравливающего человека, а не черный провал беспамятства.

* * *

Утро следующего дня было теплым и солнечным.

Иван не ошибся в своих мысленных подсчетах — истекали последние числа апреля, и пока он валялся в длительном беспамятстве, снег сошел повсеместно, земля подсохла, а сквозь пожухлые прошлогодние султанчики травы уже пробивалась свежая, сочная весенняя зелень, почки на деревьях набухли и были готовы вот-вот лопнуть, выпуская клейкие нежно-зеленые листочки.

Когда он проснулся, в доме никого не было. Его выстиранная форма была аккуратно сложена на стуле. Встав с постели, Лозин ощутил резкий приступ головокружения, но, постояв с минуту, опираясь на старомодную металлическую спинку кровати, он сумел справиться с дурнотой, потом самостоятельно оделся и, придерживаясь одной рукой за бревенчатую, конопаченную мхом стену, вышел на крыльцо.

Насти нигде не было видно, зато на нижней ступеньке сидел Джон,

строгая тупым ножиком какую-то дощечку. Напротив, внимательно наблюдая за его движениями, прямо на земле устроился знакомый, черный как смоль пес, ростом чуть пониже теленка.

Заметив Ивана, он повернул голову, потом лениво встал, одним зябким движением отряхнув со своей шерсти налипшие комочки земли, подошел к нему, обнюхал и демонстративно зевнул, показав внушительные белые клыки.

Джон обернулся, прекратив свое занятие.

По его белесым глазам нельзя было с точностью сказать, что за чувства испытывает в данный момент американский ученый.

Однозначного восторга Иван не заметил, но и явного страха тоже. Сев рядом, он спросил:

— Где Настя?

— Пошла в город, — с акцентом, медленно выговаривая каждое слово, ответил Джон. — Сказала, тебе нужны витамины.

— Это опасно? — тут же насторожился Иван.

Херберт откровенно пожал плечами:

— Я не знаю. Я никуда не ходил все это время.

— А что здесь произошло, можешь рассказать? — испытующе глядя на него, без обиняков спросил лейтенант.

Херберт ответил не сразу. Достав из нагрудного кармана рубашки пачку импортных сигарет с незнакомым названием, он жестом предложил Ивану закурить.

Вообще-то Лозину, после перевода из десанта в военно-космические силы, пришлось отказаться от вредных для здоровья привычек, но сейчас он машинально протянул руку, взял сигарету, прикурил и сказал, ощутив приступ головокружения от первой затяжки:

— Давай, Джон, выкладывай, что знаешь.

Американец искоса посмотрел на него, пытаясь вникнуть в смысл обращенной к нему фразы.

— Я плохо понимаю русский, — наконец медленно выговорил он, стараясь не коверкать слова своим чудовищным акцентом.

— Война? — односложно спросил Иван.

— Да.

— Кто и с кем?

— Люди с Чужими, — слишком лаконично и туманно ответил Джон. — Мы уже проиграли, — спустя пару секунд добавил он с глухим, ясно прозвучавшим отчаянием в голосе.

Иван застыл, потрясенно глядя на американца.

«Бредит он, что ли?» — мелькнула в голове лейтенанта шальная мысль.

Суть произнесенной Хербертом фразы попросту не поддавалась мгновенному осмыслению. Два слова, словно тяжелые булыжники, медленно падали сквозь слои сознания, не находя адекватного отклика в рассудке лейтенанта. Они относились к той категории утверждений, которые невозможно принять на слух, сразу и безоговорочно, без солидной доказательной базы, потому что они… противоречат здравому смыслу, укладу психики, той атмосфере, в которой воспитан человек. Для Лозина существовали некие базовые понятия возможного и невозможного, в рамках которых шло привычное восприятие событий, а тут — словно ушат ледяной воды, выплеснутый на голову:

«Люди и Чужие?»

Не Соединенные Штаты Америки, грезящие о мировом господстве, не воинствующие мусульманские секты и даже не обнаглевший коммунистический Китай, в последнее время все чаще поглядывавший на известные регионы России, а «братья по разуму»?!

— Джон, ты, наверное, действительно хреново знаешь русский, — мысленно взвесив все «за» и «против», произнес Иван. — Я спросил тебя: кто и с кем вступил в войну?

— А я тебе ответил, — не поворачивая головы, буркнул американец. — На нас напали. Спейс… — у Джона не хватило словарного запаса, и он попросту ткнул пальцем в небо, видимо рассчитывая расставить этим жестом все точки над «i».

«Рашен крези, говоришь?» — зло подумал Иван, проследив за его жестом. — «А сам в „дурке“ не проверялся?»

Неизвестно, чем бы закончился этот диалог, не появись во дворе Настя.

Она была одета очень бедно, производя впечатление серенькой полевой мышки…

— Настя!.. — Иван порывисто встал, но тут же был вынужден ухватиться за хлипкие, порядком подгнившие перила крыльца.

Она остановилась. В руках девушка держала полиэтиленовый пакет, из которого торчало горлышко плотно укупоренной пластиковой бутылки, а по бокам ясно выпирали какие-то угловатые коробки.

Вид у нее был усталый, измученный, обувь облеплена грязью, налипшей на раскисшем поле, в глазах прятался с трудом скрываемый страх.

— Ты где была?

— Ходила за продуктами, в город, — тихо ответила она, снимая с головы серый, неотличимый от ткани демисезонного пальто платок. — Нас ведь теперь прибыло, верно?

Иван кивнул, молча признавая ее правоту.

— Нам нужно поговорить, — произнес он.

— Да, — согласилась Настя. — Только пойдем в дом, — попросила она. — Озябла я, и ноги гудят.

Джон молча посторонился, освобождая ступеньки, и Иван с Настей прошли внутрь неказистого строения, которое простояло тут еще с прошлого века. Сейчас такие постройки уже не возводили, дерево повсеместно заменили пластик, стекло и бетон, а домики в дачных поселках, как правило, собирались из готовых комплектующих щитов, изготовленных промышленным способом.

— Ну?.. — Она поставила пакет на стол и обернулась к Ивану, расстегивая магнитные липучки верхней одежды. — Ты уже говорил с Джоном? Что он объяснил тебе?

Лозин сел за стол, сцепив руки в замок.

— Веришь — ничего. Нес какую-то чушь про то, что на нас напали из космоса… Какие-то «Чужие», по его словам.

— Это правда. — Настя сняла пальто, повесила его на вбитый в бревенчатую стену гвоздь и, вернувшись к столу, села напротив Ивана.

— Ты сама-то в это веришь? — упрямо переспросил он, не желая мириться с вздорной, не укладывающейся в рамки привычного сознания информацией.

— Верю, — ответила она и вдруг резким, неприязненным движением поддернула вверх рукав платья, обнажая свое запястье, на котором переливался всеми цветами радуги какой-то голографический знак, состоящий из сложного сплетения световых нитей.

— Что это?.. — вздрогнул Иван, который никогда не видел ничего подобного.

— Вероятно, мой серийный номер, — тихо ответила она, глядя в сторону.

— Не понял?!

— На нас действительно напали из космоса, — по-прежнему не глядя на него, глухо пояснила девушка, переживая в этот момент глубоко упрятанные, помещенные под запрет, страшные воспоминания. — Я попала в плен… — Ее голос сорвался. — Нам всем наносили подобные метки, а потом грузили на транспортные корабли и увозили в неизвестном направлении.

От этих слов в груди лейтенанта разлился мертвенный холод.

Он честно пытался принять предложенную информацию, но сознание пробуксовывало, отвергая ее как нелепость, однако взгляд, который буквально примерз к голографической метке на запястье девушки, уже воспринял чужеродность витиеватого мерцающего символа, и вдруг все, виденное им ранее, начало складываться в смутную, недопонятую, но связную картину беды, которая, судя по словам Насти, обрушилась не на город, область или страну, а на все человечество…

— Ты бежала? — глухо спросил он, пытаясь как-то справиться с обрушившимся потрясением.

— Да, перед самой погрузкой в их корабль, — она резко опустила рукав платья, будто светящееся клеймо жгло кожу.

— А где были наши? Где была дивизия, почему они не защитили город, страну, Землю, наконец?!

— Я не знаю. Была объявлена боевая тревога, весь личный состав в течение часа выдвинулся в неизвестном мне направлении, в городке осталось лишь караульное подразделение да вспомогательные службы. А потом начался ад… — Она дрожащими пальцами достала сигареты и прикурила. — Взрывалось и горело все: приборы, распределительные щиты, плавились высоковольтные провода, небо моментально застил дым, вокруг стоял адский грохот, я видела, как из-под туч вниз падают раскаленные болиды и бьют ветвистые молнии, словно во время грозы. — Она нервно вздохнула и добавила: — Вот только дождя не было… Ни капельки.

— И как ты?..

— Чудом… — ответила Настя на полувысказанный вопрос. — Испугалась, выбежала за пределы части, а там паника, люди, все бегут… Меня сбили с ног, едва не затоптали, в общем — потеряла сознание, а когда пришла в себя, Чужие уже вошли в город и сгоняли обезумевшую толпу к месту посадки своего корабля. На КПП воинской части людей пропускали по одному, ставили метку на запястье и вели на плац.

У Ивана мороз продрал по коже от ее скупого рассказа.

— Ты разглядела их? Как выглядят, чем вооружены…

— Я плохо соображала в те минуты. Было страшно… Очень страшно… А выглядят они как люди, примерно одного с нами роста, похожего телосложения, но все в защитных костюмах черного цвета. Ни лиц, ни деталей анатомии разглядеть невозможно. Я едва ли что-то соображала, когда нас повели к кораблю. Он стоял на строевом плацу — такая огромная, чуть загнутая к торцам слоистая конструкция, словно

исполинский фрагмент древесного ствола, скрученный со страшной силой.

— Как тебе удалось бежать? — спросил Иван, с трудом представляя себе тот ад, который, по описанию Насти, творился в городе и на территории части.

— Кто-то напал на Чужих, — ответила она. — Я слышала автоматные очереди, потом несколько разрывов, и их корабль вдруг без предупреждения начал взлетать, совершенно беззвучно, а мы, десятка два человек, просто бросились кто куда. Как бежала, не помню… — созналась Настя. — Пришла в себя уже тут, в лесу. Неделю пряталась, боялась выйти даже на опушку. Там я и встретила Джона… — Ее руки по-прежнему дрожали, и Иван инстинктивно накрыл ее ладонь своей, ощущая лишь холод и дрожь…

Некоторое время они молчали, не глядя друг на друга, переживая в эти секунды свои сокровенные чувства: она — тяжелые воспоминания о событиях трехмесячной давности, а он — глубокое, граничащее с шоком потрясение.

— Ты так и не вспомнил меня? — внезапно спросила она.

— Нет, — честно ответил Иван и тут же добавил: — В медицинские лаборатории нас гоняли реже, чем на полигоны…

Настя понимающе кивнула. Конечно, он не мог запомнить всех младших научных сотрудников.

— Это я вводила микромашины тем, кто проходил подготовку по проекту «Дальнее Внеземелье», — предприняла она последнюю попытку стимулировать его память.

— Нет, не помню… Но я рад, что ты из дивизии.

— Почему?

— Я могу тебе верить.

— А Джону не поверил?

— Нет, — честно признал Иван.

— Потому что Херберт американец?

Лозин кивнул.

— Придется тебе привыкать, Иван, — вздохнула Настя, не отнимая руки, словно его тепло впитывалось ее организмом, и от этого медленно разглаживались напряженные черты лица, она успокаивалась, будто худой изможденный лейтенант одним фактом своего существования вдруг встал между нею и тем ужасом воспоминаний, который не давал покоя ни днем ни ночью.

— Нет больше русских, американцев, англичан, французов… — неожиданно добавила она тихим дрожащим голосом. — Остались люди.

Очень мало людей, тех, кто по каким-то причинам сумел избежать насильственной депортации.

— А сколько нас? — спросил Иван.

— Ты второй, кого я встречаю после бегства. Прошло три месяца, и мне уже казалось, что мы с Джоном остались одни на всей планете… — Ее ладонь медленно выскользнула из-под пальцев Лозина. Настя встала и отошла к бревенчатой стене, чтобы накинуть на плечи пальто. Было видно, как сильно ударили по ней воспоминания, но Иван понимал — то, что она поведала, лишь фрагмент субъективных впечатлений, страшный кусочек непонятной мозаики, которую придется собирать воедино…

— Настя, ты должна рассказать мне все по порядку. — Пальцы Ивана, машинально сцепившиеся в замок, побелели. — Я ничего не знаю, потому что три месяца провалялся в сугробах неподалеку отсюда. Нас тренировали в прыжках с орбиты, и последнее, что я помню, — это ослепительная вспышка и адский грохот. Она, не оборачиваясь, кивнула.

— Да, — чуть помедлив, произнесла Настя. — Я понимаю тебя. — Она обернулась и посмотрела на Ивана. — Думаю, нам стоит позвать Джона, если ты хочешь восстановить всю картину событий…

— Это зачем? — нахмурился лейтенант.

— Я могу подтвердить, что он специалист НАСА. Джон сохранил свой портативный компьютер, хотя ума не приложу, как ему удалось спастись с охваченной пожарами и оцепленной пришельцами территории города.

— А как он объясняет этот факт? Настя пожала плечами.

— Напрямую я не задавала ему такого вопроса, — призналась она. — Но я неплохо владею английским, и пару раз мы действительно беседовали с ним по душам. Одиночество угнетает Джона больше, чем меня, ведь он оказался в чужой стране… Мне кажется, он узнал о грядущей катастрофе чуть раньше, чем мы, — добавила она, возвращаясь к затронутой Иваном теме.

— Из своих источников? — спросил Лозин.

— Понятия не имею. Когда мы встретились с ним в лесу, неподалеку отсюда, Херберт был напуган не меньше меня. Он показал мне свою машину, сгоревшую на проселочной дороге. Говорит, что загорелась система электропроводки, а он едва успел спастись.

— Но он не объяснял, что заставило его срочно выехать за город?

— Нет. Но его портативный компьютер напичкан разными демонстрационными программами, касающимися освоения космоса, а сам Джон хорошо разбирается в астрономии и небесной механике, по крайней

мере, его пояснения показались мне толковыми…

Лозин на некоторое время задумался, потом кивнул и сказал:

— Ладно, Настя, зови его. Постараюсь не цепляться за стереотипы… — мрачно пообещал он.

Глава 2

Май 2055 года. Земля. Территория Российской федерации, дачный поселок, расположенный в непосредственной близости от полигонов дивизии ВКС…

Херберт появился быстро, будто все это время специально топтался в сенях со своим драгоценным ноутбуком. Искоса взглянув на Ивана, он сел за стол и откинул плоский монитор портативного компьютера.

— Джон, ты можешь говорить на английском, я буду переводить, — произнесла Настя, пододвигая к столу третий стул. — Так будет быстрее и проще, — пояснила она Ивану, пока Херберт набирал директивы на сенсорной клавиатуре. Однако что-то не заладилось в системе, и после нескольких неудачных попыток активации Джон с досадой вскрыл боковую крышку, извлекая на свет подсевшие аккумуляторы.

— Прошу прощения… Я сейчас исправлю… — пообещал он.

Настя кивнула и спросила, повернувшись к Ивану:

— Ты слышал что-нибудь об астероидном потоке, обнаруженном в канун Нового года?

Иван отрицательно покачал головой.

— Нас погружали в испытательный низкотемпературный сон, в котором мой взвод провел две недели… — пояснил он, хмуро покосившись на Херберта, возившегося с блоками питания. — Вся программа была полностью автоматизирована: сразу по пробуждении — прыжок вниз с орбиты. Условия, максимально приближенные к боевым.

— Понятно, — вздохнув, ответила девушка. — Откровенно говоря, я тоже слышала о нем лишь краем уха, в каком-то из выпусков новостей. — Она невесело улыбнулась. — У каждого была своя работа, своя жизнь, и никто не думал, что все оборвется в один миг… Основным источником информации для меня стал Джон, когда мы встретились с ним уже после катастрофы.

— Что конкретно он тебе рассказывал? — Иван неприязненно посмотрел на Херберта, который беспомощно вертел в руках севшие элементы питания. — Да постучи ты ими друг о дружку, — не выдержав, посоветовал он американцу.

Тот внял его рекомендации, энергично перетряхивая активное вещество внутри герметичных капсул.

— Херберт только строил предположения, уже задним числом, — ответила Настя. — Он считает, что необычный астероидный поток включал в свой состав Чужие корабли, которые шли под прикрытием каменных глыб…

— Прошу меня извинить… — вмешался в их разговор Джон, которому наконец удалось активировать систему ноутбука.

— Он просит, чтобы ты посмотрел на экран, — перевела Настя последовавшую за извинением фразу американца. — Он будет показывать и разъяснять.

…

На экране переносного компьютера все выглядело схематично и безобидно.

Рой темных угловатых глыб, обнаруженный земными обсерваториями незадолго до наступления нового, 2053 года, двигался в относительной пустоте космического пространства, приближаясь к эклиптике Солнечной системы, как бы «падая» на эту условную плоскость[3] под углом в тридцать градусов.

Иван молча слушал пояснения Херберта, делая из всего сказанного свои умозаключения, не всегда совпадавшие с оценками бывшего сотрудника НАСА.

Скопление блуждающих в пространстве астероидных масс не такое уж и редкое явление. Большинство космических скитальцев давно известны астрономам; все они движутся по определенным орбитам, так или иначе связанным с гравитацией нашего светила, однако в данном случае ядро, сформированное из различных по размерам твердых глыб, демонстрировало заметное отклонение от привычных стандартов.

Тем, кто следил за траекторией сближения астероидных обломков с Солнечной системой, было ясно, что это пришлый космический мусор, не имеющий ничего общего с классифицированными космическими странниками, периодически появляющимися в зоне обращения внутренних планет, к которым принято относить Меркурий, Венеру, Землю и Марс.

Угловатые тысячетонные глыбы неслись со скоростью, превышающей порог «убегания»[4], — они прибыли извне, и по всем канонам должны были проскочить эклиптику Солнечной системы в районе земной орбиты, а затем, преодолевая совокупную гравитацию Солнца и Земли, кануть в бездне космического пространства, чтобы уже никогда более не появляться в границах родной для человечества звездной системы.

Такой расклад предлагала классическая астрономия, но ее

незыблемые законы, справедливые для всех материальных тел Вселенной, в данном случае были нарушены вмешательством посторонних сил.

Траектория движения массы пришлых небесных тел пролегала в опасной близости от околопланетного пространства Земли, пересекаясь с ним в зоне высоких орбит, где базировалась сложная система орбитальных платформ, с установленными на них лазерными устройствами, работающими от мгновенной накачки световой вспышки ядерного взрыва. Это искусственное «ожерелье», уже не первый год окольцовывавшее планету, являлось воплощением американской программы «звездных войн». По официальному определению Пентагона, данные платформы были основными компонентами противоракетного щита, призванного закрыть от внезапного ядерного удара территорию Соединенных Штатов Америки и их стран-союзников.

Этот факт, несомненно, сыграл решающую роль в вопросе оценки потенциальной угрозы внезапно объявившихся космических тел. Собранные обсерваториями данные были переданы на носители кибернетических комплексов Пентагона, которые произвели подсчет вероятностей и выдали свой прогноз: ни один крупный астероид не шел на прямое столкновение с Землей, но до шестидесяти процентов устройств «орбитального щита» так или иначе попадали под удар космических странников.

С точки зрения военных, этого нельзя было допустить. Речь шла не только о миллиардных убытках, разрушение системы орбитальных платформ ставило под угрозу национальную безопасность страны.

Земля доживала последние часы обычной мирной жизни, но никто, кроме узкого круга оповещенных лиц, не подозревал о том, что грядут непоправимые для цивилизации события.

Впрочем, слушая пояснения Херберта, Иван понимал: высший генералитет ВКС США вряд ли осознавал, какие последствия повлечет за собой их решение. На это было как минимум три причины. Во-первых, по словам Джона, чужие корабли до момента атаки скрывало плотное ядро астероидного потока, во-вторых, сценарий разрушения космических скитальцев, грозящих столкновением с Землей или с орбитальными группировками, не раз отрабатывался вооруженными силами США и России, то есть результат воздействия казался очевидным и предсказуемым. Ну и, наконец, в-третьих, по личному убеждению Лозина, в принятии Соединенными Штатами одностороннего решения о нанесении превентивного удара не последнюю роль сыграли те сложные геополитические процессы, что протекали на самой Земле в течение

последнего полувека.

Политики утверждали, что после кризиса в Персидском заливе на Земле сформировалась новая многополярная система сдерживания, определяющими силами которой являлись Россия, Соединенные Штаты Америки, Европейский союз и Китай, однако после упразднения института ООН и затянувшегося внутреннего кризиса НАТО США все чаще стремились действовать в рамках собственных интересов, считая, что любая из запланированных ими акций направлена «на благо человечества», а значит, реализация тех или иных решений сверхдержавы лежит вне сферы каких-либо обсуждений в рамках мирового сообщества.

Это являлось порочной практикой, и единственным сдерживающим фактором непрекращающихся попыток американской экспансии по-прежнему оставалась Россия, которая за истекшие полвека сумела не только защитить собственные геополитические интересы, но и пройти бурный путь экономического развития, не уступая иным государствам как в области высоких технологий, включающих формирование собственной группировки ВКС, так и глобального повышения уровня жизни населения…

…Однако необъявленное противостояние двух держав, напоминающее период «холодной войны» века двадцатого, не помешало принятию военным ведомством США одностороннего решения в вопросе, связанном с угрозой разрушения собственной системы ПРО[5]. Скопление астероидных масс, приближающееся к околопланетному пространству Земли, было решено разрушить массированным ядерным ударом, который раздробит тысячетонные глыбы и собьет массу обломков с нежелательного курса, отправив их в сторону Солнца.

Правительства стран, не входящих в так называемый Американский альянс, были оповещены о назревающих событиях за два часа до реализации утвержденного и уже принятого к исполнению плана…

* * *

— Джон, тебя предупредили о готовящемся ударе? — выслушав вступительные пояснения Херберта, спросил Иван.

— Мне позвонили из НАСА и посоветовали укрыться, — не лукавя, ответил Херберт. — Речь шла о возможном метеорном дожде, который мог вызвать локальные техногенные катастрофы в любой точке земного шара.

— То есть тебе посоветовали держаться подальше от городов?

— Да. Мои коллеги не подозревали, чем на самом деле обернется попытка вооруженных сил сбить с нежелательного курса приближающуюся

астероидную массу.

— Ты внял их совету?

— Да. Я сел в машину и поехал за город… Я не собирался бежать далеко, через несколько километров остановил машину на обочине и вышел подышать, когда в небе вдруг разлился ослепительный огонь, потом накатил чудовищный грохот, после которого наступил настоящий ад…

— В чем это выражалось? — спросил Иван, сознание которого погасло именно в момент ярчайшей вспышки.

Бледное лицо Херберта помрачнело от нахлынувших воспоминаний.

— Повсюду был огонь, — повторил он. — Я поначалу перепугался до смерти, но потом, заметив, как сверкают молнии, понял, что это не ядерные удары и не метеоритный дождь… — Джон говорил, глядя в одну точку, заново переживая самые страшные минуты своей жизни. — Я много лет посвятил изучению космических явлений и сразу понял, что такой эффект мог быть вызван лишь массой огромных астероидных глыб, которые, изменив курс, входили в атмосферу Земли по касательной траектории. В моей машине вдруг замкнуло электропроводку, и в моторном отсеке начался пожар. Я едва успел выхватить из салона ноутбук и отбежать в сторону леса, как машина взорвалась… Это было ужасно… Молнии, гром во время зимы… повсюду сугробы по пояс, а в небе зарево, смешанное с северным сиянием, такое яркое, будто воспламенился сам воздух…

Джон на минуту умолк, а затем, нервно прикурив сигарету, что-то переключил на плоском мониторе компьютера и продолжил:

— У меня было три месяца, чтобы попытаться понять те события… — Он медленно выговаривал слова, чтобы Настя успевала переводить смысл произносимых им фраз. — Вы знаете, что в начале прошлого века над территорией России произошла катастрофа, связанная с падением Тунгусского метеорита?

— Ну да, слышал что-то, — ответил Иван.

Настя лишь утвердительно кивнула, переводя его слова.

— Так вот, ученые разгадали тайну его падения, — сообщил Джон. — Еще в колледже я увлекался разными загадочными явлениями природы, в том числе и тайной малой Тунгуски.

— Это имеет связь с событиями настоящего? — усомнился Иван.

— Только в теории, — ответил Херберт. — От Тунгусского метеорита не нашли ни одного значительного обломка, но тем не менее разрушения, причиненные его падением, оказались чудовищными, а аномалии, порождённые катастрофой, охватили половину земного шара и проявляли себя в течение многих дней с момента события.

— С чем это связано? — Иван честно пытался собраться с мыслями и следовать той логике, что предлагал Херберт.

— Здесь имеет место так называемый рикошет, совмещенный с эффектом электроразрядного взрыва, — пояснил Джон. — Нужно представить, что космическое тело огромной массы входит в атмосферу Земли по касательной траектории, и тогда, согласно установленным закономерностям, происходит не только его нагрев и замедление скорости полета, но одновременно с этим образуются сверхвысокие электрические потенциалы, что в свою очередь приводит к возникновению гигантского электрического «пробоя» между раскалившейся астероидной массой и поверхностью Земли[6].

Он замолчал, заметив, как хмурится Иван.

— Я плохо объясняю, да?

— Да нет… объясняешь ты толково, — ответил Лозин.

— Хорошо, тогда я буду продолжать… — Джон загасил одну сигарету и тут же машинально прикурил другую. — Так вот… — продолжил он прерванную мысль. — После удара военно-космических сил США вся масса астероидных тел внезапно повернула к Земле и, постепенно снижаясь, вошла в атмосферу по касательной траектории, которая сначала пролегала к западу от Гринвича, проходя над территориями обеих Америк, а затем над Восточной Сибирью, Монголией, Китаем…

— Это было падение или управляемая посадка? — задал Иван уточняющий вопрос.

Херберт нахмурился, обдумывая ответ.

— Я пришел к выводу, что отдельные, наиболее крупные астероиды управлялись, но… как это сказать… грубо, без точных корректировок. Они снижались, раскаляясь, и вскоре начались упомянутые мной многочисленные электроразрядные пробои, сопровождаемые ударной волной и катастрофическими разрушениями на земной поверхности. Раскаленные астероиды распадались на отдельные части, и пропорционально этому множились причиняемые их воздействием разрушения, охватывающие огромные площади…

— Джон, ответь мне на один вопрос: по твоему мнению, падение астероидов было спровоцировано ракетным ударом, или…

Херберт прервал его отрицающим жестом.

— Нет. Я так не считаю, — категорично заявил он.

— Почему? — упрямо переспросил Иван.

— Потому что дождь раскаленных болидов и чудовищные

электрические разряды, на мой взгляд, служили оружием, — ответил Херберт. — Каждый электроразрядный взрыв приблизительно равен пятистам мегатоннам в ядерном эквиваленте, к тому же он является источником мощнейших магнитных возмущений. Теперь нужно вспомнить, что поворот астероидов к Земле и направление их входа в атмосферу корректировались с борта чужих кораблей. Видимо, они зафиксировали точки запуска ракет и направили огромные глыбы на мою страну…

Джон горестно замолчал, глядя на экран ноутбука.

Иван попробовал представить, что происходило на территории Соединенных Штатов, Бразилии и Канады, когда этот бич из раскаленных астероидных обломков и порождаемых ими сверхмощных электрических разрядов хлестнул по континенту, но его воображение не смогло отразить и сотой доли действительности.

Наступившую паузу нарушил Херберт.

— Случайность исключена, — убежденно произнес он. — На Землю осуществлено вторжение, а эффект электроразрядных ударов использовался как оружие массового поражения. Превентивный удар, нанесенный по астероидам, лишь указал пришельцам на континент, откуда пытались противодействовать их сближению с Землей.

— Кроме Штатов, кто-то пытался ответить на удар из космоса?

— Китай, — скупо ответил Херберт. — Однако глобальная катастрофа потрясла весь земной шар, — тут же оговорился он. — Можно говорить, что одни континенты пострадали меньше, другие больше, но повсюду в те часы происходили аналогичные явления: огромное количество людей погибло на своих рабочих местах или же дома от перенапряженности магнитного поля и многоканальных электроразрядных взрывов. Все электрические приборы и компьютерные сети были уничтожены в течение нескольких минут, взрывались телевизоры и мониторы, теряли управление самолеты и машины, разряды молний пробивали почву до уровня грунтовых вод и распространялись по ним, поражая током все живое…

Херберт подавленно умолк, а потом добавил:

— Последнее сообщение, которое записал автоответчик моего мобильного телефона, было отправлено через спутник из подземного центра управления в Хьюстоне. В нем абсолютно недвусмысленно говорилось, что в момент поворота астероидов к Земле от общей массы обломков отделилось около сотни объектов, классифицированных как космические корабли неизвестной цивилизации… Они остались на высоких орбитах, в то время как астероидный поток начал входить в верхние слои атмосферы…

— Это сообщение было отправлено тебе лично? — прищурился лейтенант.

— Нет!.. — резко и неприязненно отреагировал Херберт. — Мой номер зафиксирован в базах данных центра Хьюстон, — пояснил он. — Сообщение было адресовано тысячам абонентов, в надежде, что кто-то сможет его принять!

— Извини, — произнес Иван.

Джон лишь сокрушенно кивнул, покосившись на Настю.

Гора окурков в пепельнице росла. Лейтенант, пытаясь осмыслить обрушившуюся на него информацию, также, не замечая того, курил сигарету за сигаретой.

— А что известно про Китай? — наконец спросил он.

— Его больше нет, — ответил Херберт и, не дожидаясь встречных вопросов, пояснил: — Когда я пришел в себя после первой волны взрывов, то в первую очередь попытался связаться с НАСА. Мой ноутбук был выключен и потому не пострадал. Наладить контакт с агентством не удалось, но я сумел выйти на один из известных мне спутников, который вел орбитальную съемку земной поверхности, и, благодаря его видеосенсорам, смог наблюдать, как над Китаем расползается множество «ядерных грибов». Думаю, что там при попытке запуска взорвалось подавляющее большинство баллистических ракет. Возможно, они сбили несколько чужих кораблей или астероидов, но не смогли существенно повлиять на ситуацию, только погубили себя. На них, как и на мою страну, пришелся основной удар разваливающихся в атмосфере астероидных масс. Менее всего пострадали Африка и Европа, хотя электроразрядные взрывы, затронувшие восточную часть Евразии, нанесли громадный ущерб всем без исключения странам. Особенно досталось городам-мегаполисам и разного рода техническим сооружениям.

Заметив, что Иван хмурится, не до конца понимая последнее утверждение, Херберт пояснил:

— В момент многоканальных электроразрядных взрывов происходило громадное выделение энергии в атмосферу. Это породило не только тепловое излучение, но и множественную ударную волну, а также мощнейшие импульсные магнитные поля, которые перемагничивали участки земной коры, нагревали до температур плавления вышки высоковольтных линий электропередачи и приемопередающие станции телекоммуникаций.

— Влияние магнитных полей сохранилось до сих пор? — предположил Иван, вспомнив, как неоправданно менялись показания его

электронного компаса.

На этот вопрос ответила Настя:

— Два месяца я не видела нормальных ночей, — сказала она, вставая из-за стола. — В небе постоянно блуждало северное сияние, иногда такое яркое, что не было видно ни луны, ни звезд. Примерно месяц назад эти явления пошли на убыль… — Она что-то сказала Джону по-английски, а затем обернулась к Ивану: — Думаю, нам стоит прерваться. Нужно поесть.

Иван кивнул, машинально соглашаясь, хотя его мысли были сейчас далеки от таких мелочей, как голод или сон…

* * *

После нехитрого обеда разговор на прерванную тему возобновился.

— Есть предположение, что мы сами спровоцировали внимание к Солнечной системе со стороны чуждой расы, — произнесла Настя, убирая посуду.

Иван, все это время пребывавший в плену мрачных размышлений, удивленно вскинул взгляд на девушку.

— Чем мы могли привлечь внимание Чужих? — скептически нахмурившись, спросил он. — Своими радиосигналами? — Лозин покачал головой, пытаясь рассуждать вслух: — Вряд ли… Самые мощные радиоволны едва ли могут достичь ближайших звездных систем, но даже при невероятном стечении обстоятельств радиосигналы неизбежно погаснут в пределах гелиопаузы[7], — со знанием дела заключил он.

— Речь идет не о попытках волнового контакта с иными цивилизациями, — ответила Настя. — Пускай Джон сам тебе объяснит. Мы с ним уже обсуждали эту тему.

— Ну? — Лозин обернулся к Херберту, который внимательно вслушивался в их диалог.

— Да… Я попробую объяснить. — Джон развернул к себе ноутбук и пробежал пальцами по сенсорным кнопкам, активируя какие-то программы. Судя по мельканию оперативных окон, он распаковывал архивную информацию.

— Вот это… — наконец произнес он, разворачивая переносной компьютер так, чтобы Иван мог видеть картинку, появившуюся на мониторе.

— Что это означает, Джон? — удивился Лозин, посмотрев на два фактически одинаковых снимка, где был запечатлен старт старых жидкотопливных ракетоносителей.

— Это самые удаленные рукотворные объекты во Вселенной —

«Вояджер-1» и «Вояджер-2», — медленно подбирая русские слова, пояснил Херберт. — Они начали свое путешествие с интервалом в шестнадцать дней. Двадцатого августа и пятого сентября 1977 года две ракеты «Титан» вывели космические зонды в открытый космос.

Начало космической эры давно уже стало историей, и Лозин, по долгу службы изучавший современные практические дисциплины, имел лишь поверхностное представление о стартах той далекой эпохи, а что касается американских программ, то тут он мог лишь развести руками.

Заметив его недоумение, Джон пояснил:

— К двухтысячному году скорость «Вояджера-1» превысила семнадцать километров в секунду. Он удалился от Земли на десять миллиардов километров и продолжал разгон, используя сохраненный, благодаря гравитационным маневрам, запас топлива, которого хватило до две тысячи двадцатого года, когда связь с обоими «Вояджерами» была окончательно утрачена, они покинули границы Солнечной системы.

— Хорошо, это я понял. Аппараты ушли за пределы системы, — кивнул Лозин. — Но какую информацию о человечестве могут дать примитивные автоматические зонды, даже если один из них и был обнаружен кораблями Чужих…

— Здесь ты ошибаешься, Иван, — ответил Херберт, сокрушенно покачав головой. — То была… как это сказать… эра романтизма, мы не до конца осознавали, что Вселенная живет по своим законам, никак не соотносящимся с этическими нормами и нравственными постулатами нашей цивилизации. Мы… верили в братьев по разуму, и это явилось роковым заблуждением. Иные цивилизации, по позднейшим предсказаниям, мало отличаются от нас, они, по определению, должны быть экспансивны, как мы, они станут осваивать космос, стремиться к захвату новых жизненных пространств и ресурсов, ну а наши этические ценности могут не совпадать в корне…

— Короче, Джон.

— Да, я отвлекся… — Херберт вернулся взглядом к экрану ноутбука и глухо пояснил: — Ты правильно определил, что оба «Вояджера» являются примитивными, с точки зрения современных технологий, автоматическими зондами. Они были предназначены для съемки Юпитера и Сатурна, однако миссия «Вояджеров» на этом не исчерпывалась. Ученые семидесятых годов прошлого века предусмотрели все, вплоть до возможного контакта с иной расой: на борту каждой станции были размещены закодированные звуки с Земли — шум воды и крики животных, музыка — от Баха и Моцарта до Чака Берри, приветствие Джимми Картера и еще много научной

информации, сосредоточенной на золотом диске. Никто, конечно, не рассчитывал всерьез, что одна из автоматических станций на самом деле попадет в руки иной цивилизации. Путешествие «Вояджеров», скорее всего, рассматривалось как вечный полет, сравнимый с присущей тому времени наивной мечтой человечества о контакте с братьями по разуму…

Херберт умолк, и на некоторое время за столом воцарилась гнетущая тишина…

От всего услышанного впору было свихнуться.

— Значит, слили информацию о человечестве и Солнечной системе на золотой диск и отправили в космос? — Иван смог только покачать головой, выражая свое отношение к такой «романтике». — А твои ученые «семидесятых» вообще о чем-нибудь думали, Джон?

— Я не знаю. Никто не предполагал…

— Не предполагал?! — с досадой повторил его слова Лозин. — Можно ведь было посмотреть на самих себя, чтобы понять — отправлять в космос информацию о местоположении Солнечной системы и наших технических достижениях попросту опасно!.. Если мы — не ангелы, так что ждать от Чужих?! — Лейтенант злым щелчком выбил сигарету из полупустой пачки и закурил, вновь глубоко задумавшись.

Спустя некоторое время он встал, чувствуя, что полученная информация уже переполнила его разум и вот-вот начнет перехлестывать через край. Наступил критический момент, когда отдельные фрагменты мозаики начали складываться в голове, образуя уничтожающую разум картину глобальной катастрофы…

— Пойду подышу свежим воздухом, — произнес Лозин, взяв автомат. — Не волнуйтесь за меня, — добавил он, обернувшись к Насте. — И поблагодари Джона за предоставленную информацию, ладно?

Она посмотрела на его бледное, напряженное лицо и кивнула, не решившись спорить.

Когда за лейтенантом, скрипнув, закрылась дверь, Херберт вопросительно посмотрел на девушку.

— Ему нужно побыть одному, — скупо пояснила она, отвернувшись к окну.

* * *

Выйдя за порог, Иван минуту постоял у крыльца, а затем, погасив окурок, пошел в том направлении, где, по его расчетам, располагались площадки для приземления десантных групп.

«Вот ты и узнал правду, лейтенант…» — думал он, шагая по едва

приметной тропинке.

Сказать, что скупой, но содержательный рассказ Херберта потряс его, означало бы выразить лишь тысячную долю противоречивых мыслей и чувств, теснившихся в голове Ивана, сжимавших спазмом грудь… а вокруг стояла ласковая теплая тишь, под ногами пробивалась молодая трава, клейкие зеленые листочки уже проклюнулись из почек, покрывая ветви кустарника, и небеса казались лазурными, бездонными…

Жутко…

Глаза видели одно, а разум — другое, словно на фон пробудившейся природы кто-то наложил призрачную картину лежащих в руинах городов, где теперь обитали призраки людей, чьи незахороненные тела медленно разлагались среди обломков былого величия цивилизации.

Рассудок не вмещал переполнявших его миражей, хотелось остановиться, крепко сжать руками виски и взвыть… закричать, что это неправда, не могли миллионы жизней оборваться одним мгновеньем, но ни звука не вырвалось из его горла, он не мог опровергнуть реальность или усомниться в правдивости изложенных Хербертом фактов, ведь стоило выйти за густую поросль кустарника, посмотреть вдаль, и сразу за полем увидишь немые свидетельства постигшей Землю глобальной катастрофы.

Высотные здания с обгоревшими, выбитыми глазницами окон, склонившаяся, будто огарок свечи, телевышка, гроздья изувеченных взрывными волнами антенн, обрывки проводов с расплавившейся изоляцией… и тот почерневший, вздувшийся труп в квартире… — все это было рядом, в получасе ходьбы…

Страшный *отголосок* разразившегося над Землей апокалипсиса…

Иван шел, а его душу сжирал незримый огонь.

Прошлое корчилось, будто мелко исписанный бисерным почерком лист бумаги, медленно превращающийся в пепел, который еще хранит отпечаток слов, но рассыпается под прикосновением, не позволяя прочесть написанное на нем…

…Он не заметил, как оказался на краю огромного поросшего травой поля.

Остановившись, лейтенант окинул долгим пристальным взглядом площадку приземления и подумал: «Как ты будешь жить дальше, Иван?..»

Не найдя ответа на внезапный внутренний вопрос, он сел на молодую шелковистую траву, положил автомат на колени и долго смотрел в одну точку, заново переживая свое возвращение из небытия, короткую вылазку в город и рассказ Джона Херберта.

Со стороны могло показаться, что Лозин окаменел, а его взгляд

отражает наступившее безумие, но это было не так.

Он делал то, чему его учили в центре подготовки астронавтов.

Есть разряд критических ситуаций, когда избежать морального срыва можно лишь одним способом: заставить разум принять существующее положение вещей, будто ты только родился, открыл глаза и увидел мир таким, каков он есть, без иллюзий, самообмана, горьких, никуда уже не ведущих воспоминаний и тщетных надежд.

Страшный, уничтожающий душу аутотренинг…

Это походило на моральный мазохизм, он сознательно ставил свой рассудок перед лицом жутких, но уже *свершившихся* фактов, вновь и вновь терзая его словами и образами, пока внутри не потух последний уголек боли, сострадания и нелепой надежды…

Он не осознавал, сколько прошло времени, но когда его побелевшие пальцы разжались, отпустив автомат, в глазах лейтенанта уже не было пустоты.

Их готовили к этому. Ивана предупреждали, что однажды ему придется отбросить прошлое и осознавать окружающий мир с нуля, но тогда речь шла о гипотетических планетах, и ни один из психологов не мог вообразить, что лейтенанту выпадет это бремя — на основе скупой, предельно сжатой, уничтожающей душу информации анализировать гибель человечества.

«Чтобы выжить там и защитить вверенных тебе людей, ты должен будешь отринуть все субъективное, научиться мыслить критериями голых истин, уметь анализировать их и принимать однозначные, взвешенные решения…»

Жуть уже не накатывала волнами бесконтрольной дрожи.

Душа не умерла, но застыла, натянутая, как готовая лопнуть струна.

Разум впитал всю боль свершившихся событий, и рассудок сжался до состояния первых аксиом нового бытия:

«Ты не полетел к звездам, лейтенант».

«Чуждая жизнь сама пришла на Землю».

«Они знали о нас и нанесли безжалостный, точно рассчитанный удар, подрубив основу основ — техногенную мощь цивилизации, но все равно не сумели физически уничтожить человечество».

«У них должна быть конкретная цель…» — думал лейтенант, глядя на нежную весеннюю листву. — «Должны быть средства к ее осуществлению и *мотив*, заставивший Чужих осуществить акт геноцида относительно целой планеты».

Лозин задавал себе фактически неразрешимые в его сегодняшнем

положении вопросы, но даже попытка ответа на них позволяла ему избежать пути безумия либо смирения.

Цивилизация не погибла.

Есть он, Настя, Херберт и еще тысячи, а быть может, миллионы депортированных в неизвестном направлении людей, которые пережили орбитальную бомбардировку и уничтожающую цепную реакцию техногенных катастроф — вот она, та самая точка опоры, которую требовал логичный рассудок лейтенанта, чтобы не сорваться в пропасть безразличия и отчаяния…

Он встал и медленно пошел по полю, наискось пересекая пространство площадки приземления.

От морального насилия, безжалостно произведенного над собственным рассудком, звенело в ушах, будто от контузии, но мысли уже не зацикливались на одном и том же, вращаясь вокруг страшных картин гибели цивилизации.

Для него жизнь продолжалась, и осознание этого было во сто крат тяжелее смерти. Куда проще сойти с ума… или сесть здесь, в этом поле, приставить ствол автомата к груди и коснуться сенсора огня…

«Нет… Яне застрелюсь и не позволю себе свихнуться…»

Шаг за шагом он вырабатывал новую концепцию бытия, уже понимая, что ищет на земле, среди пожухлых султанов прошлогодней травы и пробивающейся к свету молодой зелени.

Он выжил и не собирался умирать во второй раз от собственного безволия и бессилия.

* * *

Скрупулезный осмотр площадки приземления и прилегающих к ней кустарниковых зарослей принес лейтенанту множество находок.

Он обнаружил пять упрятанных в разных местах скафандров и свернутых парашютных систем. Разброс составлял порядка полутора—двух километров, значит, бойцы его взвода потеряли ориентацию еще в воздухе, под ударами множественных взрывных волн. О дальнейшей судьбе приземлившихся оставалось только догадываться, но теперь Иван мог с уверенностью судить, что как минимум пять человек благополучно достигли поверхности земли и сумели выбраться из зоны приземления.

Кроме этих ободряющих свидетельств были и иные, удручающие, находки. На краю поля Лозин наткнулся на брошенную разгрузку, рядом с которой лежал автомат и снятая второпях пластичная броня, сплетенная из прочнейших кевларовых нитей. Все предметы экипировки были покрыты

бурыми, едва приметными пятнышками, в которых Иван безошибочно определил размытые талыми водами застарелые следы крови.

Выходило, что кто-то из ребят получил серьезные травмы. Влажная земля не сохранила никаких следов, они растаяли вместе со снегом, но нетрудно было догадаться, что раненого бойца отыскали товарищи и, сняв мешавшую экипировку, оказали ему первую помощь. Осмотревшись, Лозин увидел, что от основания ближайшего куста отломано несколько молодых стволов, рядом в беспорядке валялись срезанные десантным ножом ветви.

Дальнейший осмотр не дал ему ничего, кроме металлических фрагментов реактивных ранцевых двигателей.

С борта автоматического испытательного модуля вниз ушли двадцать один человек. Его находки подтверждали, что приземлиться смогли лишь шестеро, включая самого лейтенанта, но еще оставалась надежда, что остальные бойцы взвода не сгорели, попав под тепловой удар, — быть может, их отнесло дальше в сторону, за десятки километров от намеченной точки?

Надежда всегда умирает последней, и хотя он запретил своему рассудку апеллировать к ней, в голове все же промелькнула мысль о тех, кто, по словам Насти, внезапно атаковал Чужих у контрольно-пропускного пункта дивизии…

Убедившись в тщетности дальнейших поисков, он вернулся к найденной экипировке, проверил автомат, закинул его за плечо и принялся очищать от налипшей листвы кевларовую броню, когда за спиной раздались неосторожные шаги.

Лозин резко обернулся, вскидывая «шторм».

— Жить надоело? — секунду спустя неприязненно осведомился лейтенант, узнав Херберта.

— Нет… — выдавил побледневший американец.

— Тогда не подходи ко мне со спины, — сухо посоветовал ему Иван.

Херберт не ответил, переминаясь с ноги на ногу.

— Я пришел поговорить, — наконец произнес он.

— О чем?

— Ты не доверяешь мне. Это плохо. Лозин криво усмехнулся.

— Естественно, не доверяю, — согласился он. — И не смогу это сделать при всем желании.

— Почему? — упрямо переспросил Херберт.

— Потому что НАСА и Министерство обороны США не суть одно и то же, — спокойно пояснил Лозин. — Я знаю, сколько времени требуется

для оформления пропуска на выезд за пределы части. Тебя предупредили о превентивном ядерном ударе не за час до катастрофы, а как минимум часа за три, иначе ты бы не успел оказаться вне городской черты.

В скупой лаконичной констатации фактов не прозвучало ни ненависти, ни отвращения, лишь ствол «шторма» холодно смотрел в сторону американца, выдавая запредельное напряжение этих секунд.

Глаза Херберта потемнели, казалось, он борется с самим собой, но эта непонятная внутренняя схватка длилась лишь миг…

— Я боялся… Ты был злым… Но я пришел сюда, чтобы сказать тебе… — Джон мучительно подбирал русские слова, и Лозин, внимательно наблюдавший за ним, внезапно осознал абсурдность ситуации. Имело ли теперь значение, кто и кем являлся в невозвратимом прошлом?

«Да», — мысленно ответил себе лейтенант, а вслух произнес:

— Ты ведь не сотрудник НАСА, Джон?

Херберт вздрогнул.

— Я двадцать лет работал на агентство, — ответил он. — У меня было имя и репутация в кругу научных специалистов. Но год назад… — Он запнулся, а потом безнадежно махнул рукой: — Я совершил… как это сказать? Гражданский поступок…

Иван прищурился, уже догадываясь, куда клонит Джон, но решил не задавать ему наводящих вопросов.

— Ко мне пришли люди, — продолжил Херберт после непродолжительной паузы. — Это были агенты Центрального разведывательного управления. Они сказали, что моя репутация ученого — астрофизика является отличным… — Он опять запнулся, подбирая правильное слово.

— Прикрытием? — подсказал лейтенант.

— Да… Я предвзято относился к твоей стране, Иван, и дал им свое согласие. Меня завербовали. Я получил звание капитана и прошел полугодичную подготовку в штате Флорида… — Он внезапно замолчал, а когда заговорил вновь, в голосе Херберта ясно звучала запоздалая горечь: — Они использовали мое имя, мою репутацию… Я только теперь понимаю это… — Он говорил сбивчиво, но общий смысл его фраз был понятен лейтенанту. — В вашу дивизию не мог проникнуть рядовой агент, а меня как известного ученого не раз приглашали для консультаций и обмена опытом по некоторым специфическим вопросам… — Он вдруг безнадежно махнул рукой. — Я должен был сознаться в этом раньше, но Насте было все равно, кто я, а ты… — Он снова замялся, а затем добавил: — Я испугался, Иван…

— Ладно, Джон… Проехали… — проронил Лозин, опуская автомат.

Лицо Херберта вытянулось. Вероятно, он не ожидал подобной реакции со стороны русского офицера.

Прошла минута, может, больше, прежде чем до него дошел истинный смысл произошедшего.

— Ты не станешь…

— Садись рядом, — перебил его Иван и, невесело усмехнувшись, пояснил: — Я тоже не был космополитом. Все круто изменилось, Джон. Глупо оглядываться на прошлые отношения между странами, когда нашей родиной стала вся Земля.

Херберт молча сел рядом с ним, пытаясь осмыслить новое мироощущение, скупо, но точно изложенное лейтенантом.

Общая беда стерла границы, расовые различия, нивелировала моральные ценности — это следовало понять, прежде чем мыслить дальше, в поисках выхода из сложившейся ситуации.

— Я не знаю, что мне делать… — глухо произнес Херберт в наступившей тишине. — Я устал бояться… Рано или поздно они доберутся до нас…

Лозин кивнул.

— Если будем сидеть сложа руки, непременно доберутся, — согласился он.

— Но мы не можем сопротивляться!.. — вскинув голову, произнес Херберт. — Ты не видел Чужих… Они обращаются с людьми, как со скотом, а тех, кто пытается сопротивляться, убивают. Техника пришельцев в корне отличается от нашей… — Он вдруг заговорил быстро, почти взахлеб. — Их корабли движутся совершенно беззвучно, свободно маневрируя на любых высотах. В качестве оружия пришельцы используют лазерные установки, как ручные, так и стационарные. Это я видел своими глазами. Ты понимаешь меня, Иван?! — Джон вдруг сдавленно закашлялся и умолк, неподвижно глядя в одну точку.

Лозин ничего не ответил ему, лишь надолго задумался, машинально покусывая сорванную травинку.

— Теперь послушай меня, Херберт, — произнес он, нарушая затянувшуюся паузу. — Я действительно не видел Чужих, но у меня есть определенный опыт, связанный с подготовкой межзвездной экспедиции.

— И что ты можешь сказать о пришельцах? — с мрачным скепсисом осведомился Херберт.

— Прежде всего их мало, — ответил лейтенант, не обратив внимания на нотки сарказма, прозвучавшие в словах Джона. — Меньше, чем рисует

тебе собственный ужас, — безжалостно добавил он. — Пришельцы вынуждены жить в условиях потенциально враждебной, неизученной биосферы, об этом свидетельствует тот факт, что они постоянно носят защитные костюмы, верно?

На этот раз Джон был вынужден кивнуть.

— С момента вторжения прошло всего три месяца, — продолжал развивать свою мысль Иван. — За это время Чужие вряд ли успели провести полномасштабные исследования, а тем более овладеть нашими технологиями. Я ясно выражаюсь?

Херберт выглядел в эти минуты крайне подавленным.

— Ты говоришь правильные слова, Иван, но… несколько поздно. Пришельцы уже овладели планетой и продемонстрировали свое превосходство. Мы — всего лишь *уцелевшие*. Те, кому повезло.

— Мы не просто уцелевшие, — резко возразил лейтенант.

У Джона вдруг мелко задрожали губы.

— Ты сумасшедший… — выдавил он. — Сумасшедший…

Иван нахмурился:

— Я это уже слышал. И у меня нет никакого желания командовать тобой, Херберт. Прячься. Может, тебе удастся дожить до старости, скрываясь где-нибудь в таежных чащобах.

— А ты?!

— Я буду искать тех, кого не раздавил ужас.

Лейтенант поднял голову, глядя на первые звезды, робко проявившиеся в сереющих небесах.

Он не ждал от Херберта ответа на свои слова, но Джон после долгого молчания вдруг произнес:

— Позволь мне остаться с тобой… Я устал прятаться.

Лозин искоса посмотрел на него, но ничего не ответил. Встав, он поднял с земли разгрузку, снял с плеча второй автомат, протянул их Херберту вместе с кевларовой броней и произнес:

— Пойдем, Настя будет беспокоиться.

«Кто есть кто — покажет время. Только оно имеет свойство проявлять человеческие характеры, расставляя все на свои места…»

Возможно, данное мысленное утверждение являлось единственным, чему лейтенант мог безоговорочно поверить этим теплым весенним вечером.

Глава 3

27 мая 2055 года

Стоял ясный жаркий полдень. Иван сидел на крыльце, неторопливо разбирая найденный накануне «шторм», рядом, греясь на солнышке, устроился Биш, его косматый спаситель, Настя с Джоном ушли в город, на поиски продуктов. Лозин хотел идти с ними, но его отговорила Настя, в настоятельной форме убедив лейтенанта повременить с физическими нагрузками хотя бы пару дней.

В принципе, Иван не возражал, но запланированного отдыха не получилось.

Он уже осмотрел все детали оружия и начал собирать автомат, когда чуткий слух Биша уловил какой-то посторонний звук.

Пес моментально напрягся, пружинисто вскочив на ноги. От его разморенной сонливости не осталось и следа. Биш не издал ни звука, даже глухое рычание, против обыкновения, не вырвалось из его горла, но взгляд, устремленный к ближайшим зарослям, вкупе с напряженной стойкой, заставил Ивана проникнуться этой неопределенной тревогой, которую демонстрировало умное животное.

Защелкнув крышку ствольной коробки, он машинально присоединил магазин и активировал затвор оружия. Автомат преданно прошелестел электромагнитным приводом затворной рамы, словно доложил этим едва слышным металлическим шорохом: я готов…

Спустя несколько секунд Иван наконец услышал тот звук, что заставил Биша вскочить на ноги. Кто-то бежал через кусты, напрямик, явно направляясь к их убежищу.

Лозин перепрыгнул через низкие перила крыльца и присел, готовясь встретить незваного гостя, но оружие ему не пригодилось — треск ветвей внезапно утих, и на поляне перед домом появилась Настя.

В ее бледном лице не было ни кровинки, грудь часто вздымалась от быстрого, заполошного бега, взгляд девушки метнулся по крыльцу, окнам, пока Иван не привстал из-за укрытия.

Увидев лейтенанта, она молча кинулась к нему.

Неловко полуобняв Настю, Лозин ощутил, как сотрясает ее тело бесконтрольная нервная дрожь.

— Что случилось?! — спросил он, прижав к себе перепуганную

девушку, и приподнял автомат, чтобы мгновенно открыть огонь, если вслед за ней из кустарника появится кто-либо еще, кроме Джона, разумеется.

«Кстати, где наш американский друг?» — промелькнула в голове лейтенанта тревожная мысль.

— Настя, что случилось?! — повторил он свой вопрос, продолжая напряженно фиксировать взглядом окрестности.

— Джон… — задыхаясь, выдавила она. — Чужие… Они вернулись… С ними какие-то люди на машинах… Они схватили… Херберта…

— Тебя видели?

— Не-ет… — Она наконец не выдержала и разрыдалась, уткнувшись лицом в плечо Ивана.

— Так. — Он мягко отстранился, силой заставив ее сесть на ступеньки крыльца. Судя по поведению Биша, за ней действительно никто не гнался. — Успокойся и рассказывай. Где это случилось?

— На окраине города. У перекрестка.

— Там, где стоит сгоревшая БМД?

— Да… — всхлипнула она.

— Откуда они появились? Что за люди, сколько их?

— Много. Десять, может, двадцать человек… На пяти машинах. С ними несколько Чужих… — Голос Насти по-прежнему прерывался судорожными всхлипами. — Я сразу же бросилась в канаву и легла, как ты велел, а Джон побежал…

— Испугался?

— Наверное. Не знаю…

— Что было дальше?

— Машины затормозили, оттуда выскочили люди. Они догнали Джона, сбили его с ног и потащили в машину. Я видела, что они втолкнули его в салон, где сидел Чужой.

— Джон сопротивлялся?

— Нет… Он был… — Настя запнулась, — как тряпичная кукла…

— Ясно. Куда они поехали?

— В военный городок. Я следила за ними, пока машины не свернули к КПП. Потом бегом кинулась сюда…

— Молодец, — скупо похвалил ее Иван. — Иди умойся. И сними это дурацкое пальто и платок! — внезапно приказал он.

Настя недоуменно подняла на него испуганный взгляд заплаканных глаз.

— Делай, что говорю. Ты хочешь освободить Джона? — Лозин избрал намеренно резкий тон, зная, что ее необходимо выбить из состояния

морального ступора; действием, окриком уничтожить страх, прочно угнездившийся в рассудке девушки за долгие месяцы отчаяния и морального одиночества.

— Конечно, хочу… — едва слышно ответила она, вставая, — но…

— Тогда не перечь, — резко бросил Иван, исчезая в сенях. Спустя минуту он вышел оттуда с двумя комплектами эластичной брони — своим и найденным накануне. — Надевай. — Он протянул ей защитный костюм, сотканный из гибких, прочных кевларовых нитей.

Настя молча кивнула и начала переодеваться, машинально закусив губу, чтобы не расплакаться вновь.

Слова Ивана показались ей грубыми, она ожидала от него совсем другого, ну хотя бы сострадания, что ли, а он лишь приказывал — делай то, надевай это…

Однако эти мысли не мешали Насте исполнять распоряжения. Она скинула пальто и надела броню, которая укрывала все тело, будто толстый спортивный костюм. Материал защитной экипировки имел свойство, схожее с качествами синтетической ткани, которая не имеет определенного размера и всегда плотно облегает фигуру, растягиваясь либо сжимаясь в зависимости от телосложения человека.

— На. — Иван протянул ей полушлем с прозрачным забралом и двумя зрачками видеоустройств, укрепленных на выступающем жестком валике.

— Что это? — машинально спросила она.

— Боевой шлем… — не вдаваясь в подробности, пояснил он. — Тебе необязательно сейчас разбираться в его функциях, достаточно того, что я буду видеть все происходящее перед твоими глазами. — Поясняя, Лозин надел точно такую же экипировку и обернулся к Насте: — Из какого оружия ты стреляла раньше?

— «АК-207», — коротко ответила она.

— Держи. — Лейтенант протянул ей только что собранный автомат и добавил: — На всякий случай. Я постараюсь сделать все сам.

— Мы пойдем туда?!

Вопрос был риторическим, но Иван ответил:

— Обязательно.

Проверив, плотно ли подогнана ее разгрузка, он перевел взгляд на крутившегося под ногами Биша и сказал:

— Настя, привяжи его.

— Зачем?

— Чтобы не увязался за нами.

— Мы вернемся?

Иван как раз подтягивал магнитную застежку подсумка с вогами. Услышав ее вопрос, он медленно поднял голову, несколько секунд пристально смотрел ей в глаза, а затем ответил, не желая ни лгать, ни внушать самоуспокоения:

— В крайнем случае, он перегрызет веревку. Настя молча кивнула.

Одному богу известно, насколько тяжело ей было в этот момент. События вновь, как и три месяца назад, обрушились на нее подобно камнепаду, покалечив душу, причинив боль и растерянность. Она откровенно боялась Чужих, переживала за Джона, злилась на холодное, расчетливое поведение Ивана, но, как ни странно, его прямота, поначалу показавшаяся ей грубой и бесчувственной, на самом деле возымела противоположное, успокаивающее воздействие.

Разум медленно выходил из состояния шока, руки еще мелко дрожали, но мысли уже не путались в голове.

«Да, мы вернемся…» — думала Настя, привязывая Биша к хлипкому крыльцу.

— Мы вернемся… — тихо прошептала она на ухо псу, пододвигая его миску с едой. — Ты жди нас, ладно?..

— Готова? — раздался рядом голос Лозина. Она выпрямилась, взяв из его рук автомат.

— Да.

— Тогда пошли. — Он развернулся и, не оглядываясь, направился к тропинке, ведущей через кустарник к окраине поля.

Настя бегом кинулась догонять его.

— Иван… Ваня… Подожди…

Он чуть сбавил шаг, пока она не поравнялась с ним, и сказал:

— Настя, мы должны спешить. Неизвестно, что это за люди, зачем они поехали в городок и, главное, что делают среди них Чужие? Если мы хотим спасти Джона, нужно действовать быстро и не пасовать ни перед чем.

— Что ты имеешь в виду?

— Людей, — коротко и зло обронил Лозин. — Людей, которые привезли Чужих на территорию части. Как ты думаешь, кто они?

— Не знаю.

Лейтенант не стал ничего втолковывать ей.

— Иван, там было страшно, — спустя некоторое время выдавила Настя. — Может, они и не виноваты?

— Может, — кивком согласился он. — Выясним на месте. Только ответь на один вопрос, — не оборачиваясь, произнес Иван. — Что ты

сделала бы, оказавшись в одной машине с Чужими? Пусть тебя запугали, заставили… Ты бы побежала по их указке ловить случайно попавшегося на глаза человека, стала бы сбивать его с ног и волочь в машину? Ответь!

— Не знаю… — честно призналась Настя. — У меня едва хватало духа смотреть на них… Это какой-то животный ужас…

Несколько минут они шли краем поля в полной тишине.

— А что делал бы ты?.. — внезапно задала Настя встречный вопрос.

— Дрался, — без колебаний ответил Лозин.

— Ты так уверен в себе?..

На этот раз Иван промедлил с ответом. Действительно, на чем основывалась его уверенность? Может быть, Настя права, и не следует раньше времени высказывать однозначные мнения, когда сам еще ни разу не видел воочию этих пресловутых тварей?..

На самом деле ответ на честно заданный самому себе вопрос крылся где-то в глубине души. Решимость шла оттуда, и это чувство являлось отнюдь не бесстрашием, а скорее некой производной от безысходности. Тех сведений, что он получил за последние дни, с лихвой хватило, чтобы осмыслить масштаб и непоправимость обрушившейся на Землю катастрофы.

Лейтенант отчетливо понимал, что в данном случае он и Настя — лишь два индивида, случайно выпавшие из общего сценария агрессии, по разным обстоятельствам избежавшие смерти либо плена… Так стоит ли в подобной ситуации рассматривать себя как силу, способную изменить хоть толику в развитии запланированных иным разумом событий?

В голове от этих мыслей пробегал неприятный холодок все той же безысходности, ощущение полной потери общности с остальным миром, тоска глобального одиночества.

…Они вышли на окраину поля, откуда можно было разглядеть серую ленту дороги и невысокий бетонный забор.

— Мы люди… — остановившись, повторил Иван свою фразу, высказанную накануне в разговоре с Хербертом. Он обернулся к Насте и посмотрел ей в глаза. — Страх способен низвести нас до состояния бессловесных тварей, безысходность, в крайнем случае, даст мужество застрелиться… — Он говорил глухо, с непонятным, никогда не проявлявшимся ранее надрывом в голосе. — Каждый боится умереть, в том числе и я. — Иван на секунду умолк, а потом добавил: — Я действительно не видел пришельцев и вовсе не уверен, каким образом отреагирует моя психика на первый контакт с ними… Но я хочу попытаться изменить хоть что-то, понимаешь?!

Настя кивнула, судорожно сглотнув.

— Вот и хорошо. — Иван осмотрелся по сторонам. — Давай не будем сейчас мыслить глобально. У нас есть друг, который попал в беду, и есть враг. Справимся — будем жить. Не сможем побороть свой страх — погибнем.

Дождавшись ее повторного кивка, он указал в сторону белеющего вдали забора:

— Ограждение металлобазы вплотную примыкает к военному городку. Оттуда мы сможем увидеть, что творится на территории части. Если машины все еще там, дадим бой. Мы попытаемся освободить Джона, а заодно посмотрим, так ли страшны Чужие. Все остальное — потом. Согласна?

— Да, — сделав над собой усилие, ответила Настя.

— Все, тогда двигаемся быстро и тихо.

* * *

Им потребовалось десять минут, чтобы пересечь поле и достичь приоткрытых ворот коммерческой металлобазы, над территорией которой царила погнутая решетчатая конструкция установленного на рельсах подъемного крана.

Покатые крыши ангаров, собранные из рифленых листов металлопластикового покрытия, источали тонкое марево, воздух над ними струился, размывая очертания лежащих по ту сторону забора строений. Повсюду на земле высились складированные под открытым небом различные элементы уже затронутых коррозией металлоконструкций.

Осмотрев заброшенные строения, Иван указал на ангары и примыкающий к ним забор, по периметру которого до сих пор сохранились незамысловатые сторожевые вышки. Когда-то эта территория принадлежала армейским складам, но позже, в начале двадцать первого столетия была передана коммерческим структурам в связи с сокращением численности дислоцированных в военном городке подразделений.

Угловая вышка периметра как нельзя более подходила для скрытного наблюдения за происходящим по ту сторону забора, и Лозин прошептал на ухо Насте:

— Двигайся за мной, не отставай.

Пригибаясь, они рывком пересекли открытое пространство и заскочили за угол огромного ангара с покатой крышей. Узкий, заросший травой проход вел к старому покосившемуся посту охраны. Миновав его, они оказались под самой вышкой.

— Я пойду первым, — тихо произнес Иван. — Когда дам знак, поднимайся наверх.

Не дожидаясь ответа, он стремительно и бесшумно вскарабкался по ржавым металлическим ступеням и тут же распластался на деревянном, слегка подгнившем, но еще вполне надежном полу сторожевой вышки.

Выглянув сквозь небольшое отверстие в проржавевшем металлическом листе, лейтенант понял, что находится чуть выше и левее боксов, где в мирное время стояла на консервации боевая техника дивизии. Сразу за приземистыми строениями открывался вид на паркинги, предназначенные для технического обслуживания, к ним примыкал плац, с памятным обожженным кругом посередине, далее, перекрывая обзор, возвышались здания казарм, штаба и две многоэтажные административные постройки.

…Еще по дороге сюда, мысленно анализируя скупой рассказ Насти, Лозин пришел к выводу, что повстречавшаяся ей мобильная группа не ставила себе целью охоту на людей в опустевшем городе. Судя по всему, они ехали в расположение воинской части, имея перед собой конкретную задачу, а пленение Джона оказалось делом случая.

Иван не ошибся в своих интуитивных предположениях: пять одинаковых внедорожников марки «Кресайдер» стояли на ближайшем техническом паркинге, образуя широкий круг, внутри которого разворачивались непонятные события.

Лозин опустил проекционное забрало компьютеризованного шлема, и цифровые видеокамеры тут же выдали на полупрозрачный экран увеличенную картинку происходящего, сопровождая ее аудиорядом, снятым с чувствительных микрофонов боевой экипировки.

Вообще полупрозрачное забрало боевого шлема, оснащенного лазерной и телевизионной системами визирования, предназначалось прежде всего для операций, связанных с наведением на цель управляемых реактивных снарядов, но встроенная в экипировку аппаратура подходила и для решения иных задач, в зависимости от обстоятельств, в которые попадал боец.

Лозин, не шелохнувшись, лежал на старых досках, впитывая рассудком дикую картину, которую предлагали ему системы наблюдения.

В кольце внедорожников находились пять человек, там же стояли два складных стула, позаимствованные из полевого штаба. На них восседали два гуманоидных существа, облаченные в глянцевито-черные защитные костюмы. Их черты были скрыты дыхательными масками, но все равно лейтенанта охватила короткая неподконтрольная разуму дрожь…

Несколько показавшихся вечностью секунд он неотрывно смотрел на них, впитывая чуждый образ каждым нервом, каждой клеткой своего тела…

Моральный прессинг был очень силен. При взгляде на этих существ кровь вдруг начала глухо и ритмично ломиться в виски, но сознание Лозина помутилось не от отвращения или страха, вызванного вопиющей чуждостью иной жизненной формы, а от короткой, пожирающей разум вспышки ненависти — ведь это они убили миллионы людей, превратив тысячи городов в обугленные руины…

«Спокойно, лейтенант… Ты должен взять хотя бы одного из них живым».

Возможно, он ставил перед собой сверхзадачу…

Чтобы вернуть ощущение реальности, Иван с усилием оторвал взгляд от двух неподвижных фигур, сосредоточив внимание на людях, которые сопровождали пришельцев.

Он насчитал двенадцать человек. Все как один зрелые, не моложе тридцати пяти лет, в гражданской одежде, с автоматическим оружием в руках. Трое из них находились внутри замкнутого внедорожниками пространства, остальные охраняли внешний периметр импровизированного укрепления.

Напряжение лейтенанта возрастало с каждой секундой. Он не имел права ошибиться, оценивая этих людей, и потому его взгляд задержался на каждом из девятерых мужчин, контролировавших внешние подступы к основному месту событий.

В их позах и лицах не ощущалось напряжения, скорее наоборот, они демонстрировали сонную разморенность и абсолютное безразличие к тому, что происходило внутри замкнутого машинами пространства. За несколько секунд взгляд Ивана подметил десяток отличительных черт их поведения — в присутствии Чужих оказалась важна каждая мелочь, такая, например, как небрежный плевок на теплый асфальтобетон, негромкая фраза, адресованная соседу, ответная усмешка или зажатая между пальцами тлеющая сигарета…

Нет, они не походили на запуганных или, хуже того, зомбированных людей.

Сделав этот болезненный, но очевидный вывод, лейтенант перевел взгляд внутрь замкнутого пространства.

Кроме Чужих, там находилось еще пять человек: один из них, скорчившись, ничком лежал на нагретом асфальтобетоне. Судя по порванной, испачканной кровью одежде, это был Херберт, избитый, но

живой. Его даже не связали — очевидно, как и сказала Настя, Джон с первых минут повел себя совершенно безвольно, не пытаясь оказать ни малейшего сопротивления.

Второй пленник выглядел столь необычно, что судить о его неравном положении относительно иных представителей человеческой расы можно было лишь по «строгому» собачьему ошейнику, с обращенными внутрь шипами, и длинному поводку, привязанному к бамперу внедорожника. Неестественная поза, одутловатые черты лица, не несущие осмысленного выражения, и тонкая струйка слюны, стекающая из уголка губ, ясно свидетельствовали, что он совершенно не осознает ни самого себя, ни окружающей его реальности…

Эти наблюдения, занявшие не более десяти—пятнадцати секунд, заставили лейтенанта похолодеть, превратиться в напряженный до предела комок нервов.

В этот миг один из троих вооруженных людей, находившийся неподалеку от Чужих, внезапно повернулся, пнув ногой лежащего на асфальте Херберта.

— Ты будешь отвечать на вопросы, тварь? — резко, с придыхом спросил он.

Джон глухо застонал от боли.

— Я не могу объяснять… — прохрипел он, захлебываясь выступившей на губах кровавой пеной. — Я не русский солдат. Мне ничего не понятно тут!..

— Врешь, паскуда… Я видел тебя на территории городка, — спокойно констатировал жилистый, сухопарый, смутно знакомый Ивану человек, вновь ударив Херберта ногой в живот.

Джон сдавленно застонал, и в этот миг лейтенант вдруг вспомнил…

В кольце внедорожников стоял бывший капитан ВДВ по фамилии Заулов, уволенный из части в прошлом году по неполному служебному соответствию. Позже, наверное за месяц до роковых событий, Иван несколько раз случайно встречал его в городе и еще тогда с недоумением подметил, что бывший капитан, пойманный за руку на краже войскового имущества, вместо того, чтобы сидеть в следственном изоляторе, спокойно разъезжает на дорогой иномарке, в компании хмурых типов, похожих на тех, что стояли сейчас во внешнем оцеплении машин…

Вспышка памяти, больно задевшая за живое, мгновенно устранила всякую двойственность в восприятии ситуации.

В том, что существа иной расы, оккупировав Землю, станут подбирать себе пособников из среды людей, он не сомневался ни на секунду. Если они

хотели овладеть технологиями человечества, использовать уцелевшие инфраструктуры, то им было жизненно необходимо подобное сотрудничество…

«Вот, значит, кого они привлекли…» — мелькнула в голове у лейтенанта ледяная мысль. — «Логично с их стороны».

Бывший офицер военно-воздушных сил вполне мог предоставить им определенный объем полезной информации, касающейся современных вооружений и некоторых видов техники…

Однако Чужим требовались не просто пособники, им следовало заставить работать на себя квалифицированных специалистов, полностью владеющих теми или иными аспектами человеческих технологий…

— В последний раз спрашиваю, будешь говорить? — прервал мысль Ивана зычный голос Заулова.

— Я ничего не знаю. Я гражданин США, — попытался в очередной раз убедить его Джон.

Двое Чужих, сидевших до этого момента абсолютно бесстрастно, внезапно повернули головы друг к другу, и до слуха лейтенанта долетели щебечущие звуки их речи.

Парень, прикованный к бамперу машины, слабо зашевелился.

— Они… спрашивают… зачем… ты… его… бьешь?.. — медленно, словно живой автомат, произнес он, даже не повернув головы в сторону Заулова.

— Скажи им, что этот ублюдок — ценный специалист. Вот только не хочет разговаривать по-хорошему, урод.

Как бы ни пытался Иван подготовить свой рассудок к подобной встрече, все блекло, стушевывалось, теряло значение и смысл перед лицом тех чувств, что нахлынули на него в эти мгновенья.

Теперь он понимал Настю.

Он думал, что уже давно познал цену настоящей боли, но ошибался. *Настоящая* боль пришла сейчас, при виде скорчившегося Херберта, циничной усмешки Заулова и отсутствующего, бессмысленного выражения на лице прикованного к бамперу машины изуродованного человека.

В эти секунды сознание перерождалось. Взгляд, брошенный на чуждых существ, уже не вызывал такого потрясения, как минуту назад. Иван вдруг с содроганием понял, что его ненависть к ним стала холодной, будто призрачный огонь… а вот людей, которые измывались над себе подобными, не столько в угоду инопланетным существам, сколько по привычке, оставшейся от прежнего образа жизни, он сейчас воспринимал как *личных* врагов.

В этом заключалось потрясение, поскольку до последней секунды Лозин подсознательно не хотел верить, что беда, постигшая все человечество, оставит после себя равнодушных подонков, которые пойдут на сознательное предательство своей расы…

Лейтенант мог понять и простить многое, он сам не раз рисковал жизнью и на собственном опыте испытал, сколь трудно побороть страх перед смертельной опасностью… но, глядя, как двое людей Заулова вполголоса обмениваются шутками, стоя рядом с изуродованным, прикованным к бамперу машины, потерявшим собственное «я» человеком, он не находил им оправдания…

Что-то ломалось в сознании, словно сильнейший моральный удар едва не подрубил тот внутренний стержень, на который опиралась его воля…

Страшные, запредельные для рассудка секунды.

Мгновения выбора, который по сути уже сделан и теперь болезненно приживается в душе, не обещая более никаких иллюзий.

Земля еще не пала, но готова сделать это. Чужих от полного господства над остатками человечества отделяет всего несколько шагов, и эти шаги будут легко пройдены при содействии таких, как Заулов…

Мгновения жизни, сконцентрировавшие в себе вечность.

Старый бетонный забор, ветхий лист ржавого железа, с одной стороны которого были они — лейтенант ВКС и простая русская девушка, тревожно застывшая под вышкой, а с другой… неисчислимая мощь иной цивилизации, вкупе с теми, кто добровольно пошел на осознанное предательство…

Мог ли он изменить существующее положение вещей, или все-таки единственным выходом для них остается бежать, прятаться, пытаясь сохранить среди чуждого окружения хотя бы частицу того, что совсем недавно носило гордое имя «Цивилизация»?

Ивану вдруг представились глухие таежные дебри, где их до самой смерти не сыщет ни один Чужой, а рука уже непроизвольно подтягивала автомат, будто возникшую дилемму решал не рассудок, а рефлекс.

Нет, скорее душа, тело и разум работали в унисон, по-прежнему оставаясь единой, осознающей себя личностью Ивана Лозина…

Заулов вновь занес ногу для очередного удара, и Иван понял — медлить дальше нельзя.

— Настя, потихоньку поднимайся наверх… — едва шевельнув губами, приказал он. — Откроешь огонь только в том случае, если меня совсем прижмут, поняла?..

Дождавшись тихого утвердительного ответа, лейтенант рывком

привстал на колено, и «шторм» в его руках злобно врезал короткой, прицельной очередью, полоснувшей по ногам Заулова.

«С тобой мы еще поговорим, тварь…»

В тесном пространстве, образованном плотно подогнанными друг к другу внедорожниками, раздался истошный крик, а Иван, на долю секунды показавшись в поле зрения охраны, намеренно обозначил себя и тут же соскользнул на территорию городка, отвлекая внимание охраны от покосившейся вышки, куда взбиралась Настя.

Вслед его движению хлестнуло несколько длинных автоматных очередей, но они лишь высекли едкую бетонную крошку, оставляя глубокие выщербины на посеревшем от времени ограждении воинской части. Лейтенант к этому моменту уже находился вне зоны прямого огня. Проскользнув между забором и пустой емкостью для слива отработанного машинного масла, он застыл, вжавшись в кирпичную стену технического бокса.

— Найти его! — раздался чей-то выкрик. — Не стоять на месте, двигаться! Он где-то рядом!

Лозин левой рукой вытащил из нагрудного клапана разгрузки десантный нож.

Торопливые, отчетливые шаги приближались к нему сразу с двух сторон. Ощущая спиной шероховатую стену, он медленно отступил за угол, в сумеречный тупиковый зазор между забором и крайним консервационным боксом.

Чья-то тень возникла на выходе из тупика; человек с автоматом в руках резко повернулся, шаря вокруг себя взглядом, но едва ли он успел различить распластавшуюся по стене фигуру лейтенанта, — мгновенье спустя его последним, предсмертным впечатлением стал холодный блеск десантного ножа, который, разрубив кадык, вошел глубоко в горло охранника, вырвав короткий булькающий хрип.

— Он здесь! — Еще одна тень метнулась в проход, пытаясь использовать медленно оседающую фигуру в качестве щита, но Иван предугадал этот маневр и ничком рухнул на землю, пропуская над головой выпущенную по нему очередь.

Пули звонко взвизгнули в замкнутом пространстве, а медленно оседающее тело уже превратилось из прикрытия в обузу, оно надавило своим весом на руку стрелявшего, не давая прицелиться; тот грубо выругался, отталкивая от себя неожиданное препятствие, а когда проход открылся, в тупике уже никого не было, за отпущенные ему секунды лейтенант успел вскарабкаться на двухметровую высоту и теперь лежал,

распластавшись на покатой крыше бокса.

«Только бы не вступила Настя…» — подумал он, подтягиваясь к краю крыши, но в этот миг, как он и опасался, со стороны вышки сухо щелкнул одиночный выстрел.

Охранник, только что освободившийся от мешавшего ему груза, теперь медленно оседал, схватившись за простреленную навылет грудь, а остальные вдруг прекратили поиски, остановились, оборачиваясь на отчетливый звук.

Ивану не оставалось ничего иного, как вновь обнаружить себя.

— Настя, не высовывайся!.. — выдохнул он в коммуникатор, выпустил короткую, прицельную очередь по двум появившимся слева от него фигурам и откатился вбок, заметив, как ответные выстрелы вспарывают пластиковый слив на краю крыши. Еще одна очередь, чей-то болезненный вскрик, резкий перекат, и Иван вдруг понял, что дальше уходить некуда — скат обрывался, за ним простиралось голое пространство строевого плаца, на котором остались лежать двое людей Заулова, пытавшихся обойти его с фланга.

Это был критический момент скоротечной схватки, но охотившиеся на лейтенанта стрелки, потеряв четверых, упустили свой шанс, — они уже не пытались рисковать, высовываясь на открытое место: укрывшись в узком пространстве между пустой емкостью для слива масла и плотно припаркованными машинами, пять человек вели ураганный огонь по крыше технического бокса, в то время как двое, находившихся рядом с Зауловым, спешно оказывали ему первую помощь.

Пули с визгом дробили кирпич, жадно выгрызали куски нагретого солнцем пластика, не давая возможности ни поднять голову, ни огрызнуться огнем…

Сориентировавшись, Иван начал медленно отползать назад. Нервный неприцельный огонь зачастую бывает опаснее рассчитанных, экономных очередей — это он знал на личном опыте и потому не стал совершать сложных маневров.

Когда расстояние между ним и изрешеченным пулями пластиковым сливом достигло трех метров, он лежа достал ручную осколочную гранату, сжал заглубленный в рифленую «рубашку» сенсор активации и точным движением метнул ее в поржавевший резервуар, с таким расчетом, чтобы она отскочила от закругляющейся металлической стенки и упала за машинами, где сгруппировались стрелки.

Несколько мгновений спустя черно-оранжевый султан разрыва взметнулся в пятнадцати метрах от бокса; осколки со звонким лязгом

ударили в стенки пустой емкости и глянцевитые борта внедорожников, автоматный огонь моментально стих, сменившись чьим-то протяжным, нечеловеческим воем.

Иван, не теряя ни секунды, соскользнул с крыши и, пригибаясь, метнулся вдоль закругляющегося периметра машин, постоянно фиксируя взглядом двоих не участвовавших в перестрелке людей. Бросив возиться с раненным в ноги капитаном, оба дико озирались по сторонам; их побелевшие пальцы сжимали оружие, а в глазах читался откровенный ужас — они не видели противника, не могли предугадать, откуда он появится в следующий миг, и оттого смертельная бледность превращала их лица в уродливые маски ненависти и страха.

Лейтенант, не колеблясь, срезал обоих короткой очередью и метнулся дальше, зная, что теперь за спиной не осталось ни одного способного к сопротивлению врага.

— Настя… Чужих не трогай. Лежи смирно… — едва шевельнув губами, выдохнул он в микрофон коммуникатора.

Дождавшись ее ответа, он стремительным перекатом ворвался в тесное пространство между пустой, изрешеченной емкостью и периметром машин. Резко привстав на колено, Иван огляделся, но стрелять не потребовалось: асфальтобетон технического паркинга был густо испятнан кровью, а изодранные осколками тела пятерых охранников лежали, застыв в неестественных позах, в нескольких метрах от неглубокой воронки.

«Все, с этими покончено…» — не ощущая ни жалости, ни брезгливости, мысленно отметил он, лишь машинально сосчитал трупы, убеждаясь, что вне периметра плотно пригнанных друг к другу машин в живых остались только он и Настя.

— Спускайся! — коротко приказал он девушке.

Разум лейтенанта еще не остыл от короткой, яростной схватки, но нервное напряжение играло на руку, давало ему короткий отрезок *морального иммунитета*, чтобы успешно довести до логической развязки стремительную динамику отгремевшего боя…

Он перехватил «шторм» одной рукой, собираясь перепрыгнуть через капот внедорожника, когда внутри замкнутого машинами пространства внезапно ударила длинная, трескучая автоматная очередь, за ней еще одна… тонко взвизгнуло несколько срикошетивших пуль, и Лозин, машинально отпрянув, вдруг *ощутил* зловещую тишину.

«Заулов…» — метнулась в голове у лейтенанта запоздалая догадка, но мгновением позже, оказавшись внутри замкнутого периметра, Иван понял, что жестоко ошибся.

Тело бывшего капитана ВДВ еще подергивалось в конвульсиях, из многочисленных ран пульсирующими толчками била кровь, а напротив, привалившись спиной к колесу машины, сидел Херберт. Его разбитые в кровь губы мелко дрожали, автомат, до которого Джон сумел дотянуться, пока Лозин осматривал трупы охранников, был неловко опущен между колен, но самое скверное ожидало Лозина впереди…

Проследив за полубезумным взглядом Херберта, лейтенант увидел Чужих.

Мысленно он готовил себя к первой встрече с представителями иной, враждебной расы, но на поверку все вышло абсолютно иначе, чем рисовало воображение.

Оба существа были мертвы.

Он понял это сразу, заметив, что гуманоидные тела безвольно оползли и теперь уже не сидели, а полулежали в раскладных пластиковых креслах, один — запрокинув голову, а второй — свесив ее так, что заостренная оконечность дыхательной маски касалась темной пластины, которая закрывала его грудь.

— Джон!.. — Лозин обернулся, не в силах скрыть свою злость и разочарование. — Что ж ты сделал?!

Херберт поднял голову.

— Они били меня, Иван!.. — прохрипел он. — Я боюсь… Я ненавижу их!.. — На губах Херберта выступила кровавая пена, и лейтенанту осталось лишь безнадежно махнуть рукой. Что толку в словах, когда сделанного уже не вернешь? Трудно было требовать от избитого до полусмерти американца железной выдержки…

Взглянув на прекратившее вздрагивать тело Заулова, он с досадой подумал, что мертвых уже ни о чем не спросишь…

— Отвратительно все вышло… — Иван все-таки не сдержал раздражения, помогая Херберту встать. — Я понимаю, ты испугался, но в следующий раз думай, прежде чем нажать на сенсор огня!.. — Он резко повернул его в сторону мертвого капитана и двух инородных существ. — Их надо было допросить, понимаешь?!

Тот упрямо молчал, вцепившись в трофейный автомат.

* * *

Первые минуты после боя всегда трудны, неважно, наполняет их радость победы или горечь поражения.

Нервное напряжение понемногу отпускает, освобождая из-под своего гнета множество разных, противоречивых ощущений и чувств.

Настя уже спустилась по эту сторону забора и теперь, перебравшись через капот преградившей путь машины, судорожно согнулась у переднего колеса.

«Крови, что ли, никогда не видела?» — подумал Иван, но тут же мысленно одернул себя, вспомнив, как сам реагировал на первый увиденный труп.

Разговаривать с ней сейчас было бесполезно, равно как и с Джоном. Оба должны прийти в себя сами, побороть испытанный шок, иначе им никогда не оправиться от потрясений; для каждого человека вид насильственной смерти — это таинство, которое нужно пережить внутри себя, одолеть полученный стресс или навсегда остаться его рабом…

Иван, с определенного жизненного момента, не переставал ощущать ту грань, которая отделяет осознанное действие от психоза, ничем не оправданной, истеричной жестокости, и потому он мог держать себя в руках.

Оставив на минуту Настю и Джона разбираться с собственными проблемами, он подошел к трупам Чужих.

Памятуя об обращавшихся в его крови микромашинах, Иван понимал, что произвести необходимую операцию с минимальным риском для здоровья может только он.

Защитные костюмы инородных существ, выполненные из темного глянцевитого материала, полностью скрывали их телосложение, но, перевернув грузное тело Чужого, Лозин заметил, что жесткие, негнущиеся сегменты его экипировки все же имеют стык.

На сложные операции не было ни времени, ни сил, и он, действуя обыкновенным десантным ножом, вскрыл защитный костюм инопланетного существа, будто панцирь двустворчатого моллюска.

Мерзкий холодок инстинктивного отвращения вкрадчивой дрожью прополз вдоль позвоночника, когда лейтенант, выпрямившись, посмотрел на плод своих пятиминутных усилий.

Перед ним на забрызганном кровью асфальтобетоне лежал гуманоид со слабо выраженными признаками инсектоидной расы. По земным меркам (а у лейтенанта не нашлось иных критериев для сравнения) эволюционные предки Чужих вероятнее всего принадлежали к разновидности насекомых. Ивана неприятно поразил влажный блеск хитина на отдельных участках обнаженного тела, но, присмотревшись внимательнее, он понял, что в облике инородного существа все-таки доминируют иные особенности. Лицо гуманоида смутно напоминало человеческое: у него были такие же глаза, затянутые в кожистые складки век, плоский нос с дыхательными

отверстиями, тонкая, почти прямая и абсолютно бескровная линия губ, совершенно не похожая на ороговевшие жвала насекомых.

Волосяной покров на голове Чужого отсутствовал вовсе — вместо него вытянутый яйцеобразный череп покрывали толстые складки кожи. Внешний вид инопланетного существа и исходящий от него смрад вызывали стойкое подсознательное отвращение, но Иван не дал воли иррациональным чувствам. Поборов дурноту, он заставил себя прикоснуться к обнаженному участку кожи и ощутил слабое тепло — значит, Чужие могли поддерживать собственную температуру тела, вне зависимости от условий окружающей среды.

Все это резко контрастировало с явно рудиментарными фрагментами хитиновых покровов и ороговевшими четырехпалыми конечностями, наводя на мысль о том, что данные существа однажды совершили крутой поворот на каком-то из отрезков своего эволюционного развития.

Конечно, сделать глубокие и верные выводы Лозин не мог, но он внимательно осмотрел Чужого, не пропустив ни одной детали его внешней анатомии, одновременно фиксируя изображение посредством двух закрепленных на шлеме цифровых видеокамер, чтобы позже иметь возможность вернуться к записи.

Покончив с этой процедурой, потребовавшей всей его выдержки, лейтенант, не без внутреннего содрогания, заново «экипировал» Чужого и только после этого отошел в сторону.

Достав сигареты, он прикурил и сделал несколько нервных, глубоких затяжек, медленно приходя в чувство после отвратительной операции…

От напряжения ломило мышцы, в горле стоял непонятный ком, острый мускусный запах чуждого существа, казалось, въелся в кожу и от него теперь будет трудно отмыться…

«Значит, когда-то их предки шли эволюционным путем насекомых…» — подумал он, чувствуя, как обжигает пальцы быстро истлевшая сигарета. — «Квалифицированному биологу это может поведать о многом, вот только вопрос: где взять специалиста для консультаций?..»

Отшвырнув окурок подальше от места схватки, он обернулся в поисках Насти и Джона, но взгляд лейтенанта внезапно остановился на сидящем в двух шагах от него втором пленнике, о существовании которого Иван попросту позабыл.

«С ним-то как быть?» — подумал Лозин, присев на корточки подле глубоко травмированного человека. Пытаясь понять, что за насилие совершили над ним Чужие, Иван внимательно присмотрелся к одутловатым чертам лица и вдруг ощутил, как кожу на затылке начало стягивать

крупными мурашками.

В первый момент ему показалось, что это ошибка… недоразумение, кошмарный, застивший разум морок…

Нет… То была реальность, такая же страшная, материальная, как все окружающее.

Перед ним, скорчившись в неестественной для нормального человека позе, сидел жутко изменившийся, но все-таки узнаваемый лейтенант Логинов — командир второго взвода, роты компьютерной поддержки, по прозвищу «Дым»…

— Дима?! — хрипло выдавил Иван.

Опустившись на колени, он потрясенно смотрел в мутные глаза лейтенанта, чувствуя, что сейчас взвоет…

Логинов сидел абсолютно неподвижно, никак не реагируя на происходящее, его тело было полностью расслаблено, а во взгляде не угадывалось даже проблеска мысли.

Ивана вдруг начало трясти. Перерезав веревку, он стал отстегивать металлический ошейник с шипами, на какие обычно сажали норовистых сторожевых псов, и только теперь разглядел, что отросший ежик волос на затылке лейтенанта скрывает два чужеродных включения, словно в его черепную коробку через крохотные отверстия были внедрены тончайшие, упругие шунты из неизвестного органического материала, похожего на китовый ус…

— Дима… Ты меня слышишь?! — Иван отбросил в сторону отстегнутый ошейник и насильно повернул Логинова лицом к себе, по-прежнему с надеждой заглядывая в его глаза. — Ты узнаешь меня, «Дым»?!!

Логинов не ответил, но что-то промелькнуло в потухшем взоре, будто в глубинах подсознания еще сохранились остатки уничтоженного эго…

Хотелось уповать на это…

Иван с трудом встал на ноги. Если минуту назад он строил какие-то планы, то теперь все рухнуло, смешалось в его голове, а доминантой поведения вдруг стала невыразимая душевная мука, которую он уже не мог загнать в железные тиски самоконтроля…

Подойдя к Херберту, который, воспользовавшись паузой, опять сел, прислонясь спиной к колесу машины, Лозин рывком поднял его на ноги и ощутимо встряхнул, приводя американца в чувство.

— Ну?! Пришел в себя?! — с хриплыми, яростными нотками в голосе спросил Иван.

— Да… — выдавил Джон, не понимая той перемены, что вдруг

произошла с лейтенантом.

— Тогда подбери автомат! Считать синяки будешь позже…

Херберт молча повиновался, страшась смотреть на перекошенное лицо Лозина.

— Следи за небом! — коротко приказал ему Иван.

Обернувшись, он отыскал глазами Настю. Девушка шла к ним, старательно обходя трупы.

Ее взгляд будто оледенел, но от лейтенанта не укрылось, что она избегает не только мертвых тел, — приблизившись, Настя тихо произнесла, не поднимая глаз:

— Зачем все это, Иван.?!

Он не стал отвечать на очередной риторический вопрос, а взял ее за плечи и молча развернул в сторону скорчившейся человеческой фигуры.

— Узнаешь его, Настя?

Она нахмурилась, мучительно припоминая изменившееся лицо, а потом вдруг потрясенно выдохнула:

— Логинов?!

— Да, это Дима Логинов… Они влезли в его мозг, внедрили туда какие-то шунты, сделали дебилом, ради того, чтобы превратить в куклу-переводчика. Ты считаешь, что я жесток? — резко спросил Иван, с трудом контролируя свой гнев. — Да, я на твоих глазах убил десяток подонков, продавшихся инопланетным тварям!.. Если ты думаешь, что все они, вместе взятые, стоят Димы, то можешь считать, что это я кровожадный отморозок, а они — ангелы!..

— Зачем ты так?! — вскрикнула Настя.

— Ты должна сделать выбор… — устало произнес Лозин. — Не между Человечеством и Чужими, а между своим страхом и волей к жизни, — добавил он, адресуя последние слова не столько ей, сколько Херберту. — Нам предстоит убивать или быть убитыми, лоботомированным, не знаю, что еще… — Он встряхнул головой, не в силах изгнать из своего сознания витающий в нем морок. — А сейчас мы должны уходить… Срочно…

— Почему? — спросил Джон. — Они мертвы. — И красноречиво покосился в сторону Чужих.

Иван лишь покачал головой, с трудом сдерживая душивший его гнев.

— Сюда непременно нагрянут их сородичи, и это вопрос ближайших минут или часов… Я не знаю, насколько мобильно они реагируют на события.

— Куда же нам идти?! — растерянно спросила Настя, оглядываясь по

сторонам. Ее взгляд остановился на лейтенанте Логинове. — Он не сможет передвигаться сам. Ему нужна помощь…

— Понесем, — отрезал Лозин.

— Здесь есть машины, — попытался напомнить Джон.

— Нет, — осадил его Иван. — Ничего не трогать. Пусть все остается на своих местах. Чужие вряд ли разберутся, что нападение произошло извне. Я хочу, чтобы они сочли виновником инцидента его. — Лейтенант указал на труп капитана Заулова.

— Но нам не скрыться с беспомощным человеком на руках, — вновь повторила Настя. — К тому же есть только один шанс нейтрализовать внедренные шунты…

— Микромашины?

— Да, — кивнула она. — В лабораториях госпиталя должен остаться неприкосновенный запас кровяной плазмы с их культурой.

— Думаешь, они уцелели?

— Не знаю, — покачала головой Настя. — Нужно проверить.

— Тогда не будем терять время. — Иван обернулся к Херберту: — Джон, ты поможешь мне нести лейтенанта.

— А если Чужие станут обыскивать городок? — забеспокоился Херберт.

— Тогда нам придется принять еще один бой. Иного выхода я не вижу, — ответил Иван, направляясь к Логинову. — Давай, Джон, берем его на руки и пошли!..

* * *

Военный городок отдельно дислоцированной дивизии ВКС России занимал внушительную площадь, но от технических боксов до здания госпиталя, где раньше работала Настя, было всего метров пятьсот, не более.

Иван рассчитывал нести Логинова на руках, но лейтенант внезапно начал проявлять самостоятельность. Его образ мышления был в данный момент полнейшей загадкой, по всем признакам он неадекватно воспринимал реальность, однако вмешательство Чужих, по-видимому, не затронуло основных рефлексов, что и продемонстрировал Дым, как только к нему подошли Лозин и Херберт.

Поначалу, заметив приближающихся людей, лейтенант дернулся, будто его ударило током, потом рефлекторно попытался отползти назад, схватился за шею, где от мерзкого поводка остались глубокие ссадины с запекшейся кровью, но стоило Ивану присесть на корточки и заглянуть ему в глаза, как он вдруг успокоился.

— Дым, ты меня слышишь? — спросил Лозин, намеренно используя «второе имя» Логинова, которое одновременно являлось позывным его взвода, когда их полк принимал участие в разрешении Каспийского кризиса.

Дима несколько секунд смотрел в глаза Ивану, а потом медленно кивнул.

На сердце Лозина вдруг потеплело.

«Может, еще не все потеряно», — с надеждой подумал он, глядя, как лейтенант неуклюже встал, опираясь о борт машины, и принялся озираться по сторонам, постоянно дотрагиваясь рукой до израненной шеи.

— Пойдем, Дима. — Иван осторожно подтолкнул его в нужную сторону, и тот без сопротивления шагнул вперед.

…До госпиталя они добрались минут за десять.

— Я поведу его в лабораторию, — произнесла Настя, оглядевшись в пустом сумеречном вестибюле. — Это на втором этаже, Иван.

— Знаю, — откликнулся Лозин. — Мы с Джоном поднимемся на крышу, потом я загляну к тебе.

Настя кивнула, беря лейтенанта за локоть.

— Пойдем, Дима.

Логинов, не сопротивляясь, покорно пошел вместе с ней, а Иван, обернувшись к Херберту, указал на вторую лестницу.

— Нам туда.

Они поднялись на третий этаж, потом прошли еще один лестничный пролет, который оканчивался площадкой с расположенным над ней металлическим люком. Он был не заперт, и Лозин машинально покачал головой. — «Старшина хозвзвода ни хрена службу не тащит», — мелькнула в голове мысль и тут же ушла, оставив после себя осадок горечи. Где теперь старшина и его взвод? Нет замка, и то хорошо, меньше шума, меньше проблем.

К люку вела сварная металлическая лестница. Поднявшись по ней, Иван с усилием откинул массивную плиту, которая протяжно скрипнула на прихваченных ржавчиной петлях.

— Залазь, — произнес лейтенант, стряхивая с колен рыжую пыль.

Джон последовал за ним, и через минуту они уже сидели у чердачного окна, которое выходило в нужную сторону, — отсюда хорошо просматривался технический паркинг перед боксами.

— Сиди тихо и следи за обстановкой. Заметишь гостей, не дергайся, понаблюдай за их действиями. Если начнут прочесывать здания, бегом ко мне, я пока спущусь в лабораторию, это семнадцатый кабинет на втором

этаже. Ты хорошо меня понял?

Джон кивнул, устраиваясь у окна.

— Не забудь, у тебя есть оптика. — Иван выразительно постучал согнутым пальцем по электронно-оптическому прицелу, закрепленному на автомате.

* * *

Оставив Херберта на наблюдательном пункте, Лозин спустился на второй этаж. Отыскать лабораторию, где ему полгода назад делали инъекцию микромашин, не составило особого труда. Дверь была приоткрыта, электронный замок не работал, но изнутри помещения на пол коридора падала узкая полоса рассеянного ультрафиолета, значит, Настя сумела подключить автономные источники питания, не пострадавшие при глобальной катастрофе.

Войдя внутрь, Иван увидел разительную картину: создавалось впечатление, что кто-то поделил лабораторию на две неравные, резко диссонирующие между собой части. Там, где раньше располагался основной комплекс аппаратуры, сейчас чернели обугленные обломки, но в глубине помещения, за оплавившейся пластиковой перегородкой, сиял источник голубоватого света и монотонно попискивал невидимый от входа прибор.

…За покоробленной ширмой был развернут полевой медицинский томограф. Судя по спокойному узору огней на сложном диагностическом оборудовании и запыленному чехлу, который Настя откинула в сторону, этот автономный компьютерный узел давно не использовался и потому не пострадал в момент резких перепадов напряжения.

Обнаженный лейтенант Логинов лежал на жестком диагностическом столе, для страховки пристегнутый к нему ремнями. Тонкая зеленая линия сканера скользила по его изможденному телу, передавая на контрольный монитор изображение внутренних органов.

— Как он? — спросил Иван, обнаруживая свое присутствие.

Настя вздрогнула. Углубившись в работу, она не слышала, как в лабораторию вошел Иван.

— Пока не знаю, — ответила девушка, справившись с внезапно окатившим ее холодом. Въедливое чувство страха не проходило, незаметно трансформируясь в постоянное напряжение, когда каждый посторонний звук кажется зловещим признаком опасности.

— Нужно подождать, пока сканер окончит свою работу, — добавила она, зябко поежившись. — Не подкрадывайся так тихо, ладно?

Иван кивнул.

— Хорошо, не буду. Но и ты не нервничай, — произнес он, посмотрев на Логинова. — Джон следит за паркингом, я буду поблизости, так что работай спокойно.

Она сдержанно кивнула.

— Можешь присесть вон туда. — Настя кивком указала на кушетку. — Я позову, когда окончится процесс сканирования.

Иван не стал спорить. Он бы мог пойти к Херберту, на которого сложно было полагаться после всего произошедшего, но внезапно решил, что лучше останется тут. Судьба Логинова интересовала его в данный момент не меньше, чем вероятное появление Чужих.

Усевшись на кушетку, он по привычке пристроил «шторм» между колен и спросил:

— Это помещение экранировано?

Настя, не оборачиваясь, кивнула.

Несколько минут прошло в напряженном молчании. Зеленая световая полоса медленно ползла вдоль обнаженного тела, но даже Ивану, с его минимальными познаниями в медицине, было понятно, что изумрудная линия — это лишь видимая часть тех волн, что пронизывали в данный момент организм Логинова, передавая на анализаторы не только изображение внутренних органов лейтенанта, но и полный отчет об их структурном состоянии. Далее специальные программы обрабатывали полученные данные, сравнивая их с архивными сведениями, сохраненными после плановых медосмотров, и в конечном итоге этот анализ должен был показать, какие изменения претерпел организм…

Сканирующая полоса доползла до подбородка, и тут же на контрольных панелях заморгало несколько тревожных сигналов. Изумрудное свечение почти остановилось, теперь световой росчерк полз так медленно, что его движение едва ли воспринимал человеческий глаз…

Иван терпеливо сидел, не отвлекая Настю вопросами, но дождаться окончания сканирования ему не удалось: стены госпиталя внезапно передали ощутимую вибрацию, словно над крышей здания в этот миг пронеслось звено сверхзвуковых истребителей, и он вскочил, схватив автомат.

— Работай. Я к Джону, — уже в дверях произнес Иван.

Настя нашла в себе силы кивнуть, хотя в ее глазах читался откровенный, так и не изжитый страх.

* * *

Выскочив из лаборатории, Иван бегом бросился к ведущему на чердак люку.

Нужно отдать должное Херберту — после событий на паркинге он вдруг перестал дергаться и сейчас сидел у небольшого окна, пытливо вглядываясь в небеса.

— Что тут? — спросил Иван, стараясь не показываться в окне.

— Чужие, — коротко ответил Джон. — Смотри в небо.

Лозин последовал его совету и увидел, как над военным городком медленно разворачивается летающий объект, имеющий глянцевито-черную окраску. Его формы не находили никаких аналогов среди известных лейтенанту образцов авиационной и космической техники, казалось, что само понятие «аэродинамика» так же чуждо этому аппарату, как существа, его создавшие, были чужды людям.

По форме этот «корабль» напоминал покрытое длинными шипами узловатое образование, четко демонстрирующее слоистую структуру, словно в небе над городком кружил перекрученный самым неестественным образом фрагмент исполинского обугленного корневища…

Корабль Чужих не издавал уловимого на слух звука двигателей, только поднявшийся вслед за ударной волной ветер распространял неясный шум, похожий на отдаленный гул прибоя.

— Он появился на сверхзвуковой скорости, — объяснил Джон, стараясь подбирать скупые, понятные формулировки. — Резко затормозил. Здание качнулось.

— Я почувствовал, — отозвался Иван, напряженно провожая взглядом чужеродный корабль, который, описав круг над прилегающей к военному городку территорией, начал снижаться, явно намереваясь совершить посадку на плац, где уже имелся опаленный круг…

Лозин посмотрел на часы. С момента гибели двух представителей иной расы прошло немногим более двадцати минут. Если корабль был вызван ими в начале перестрелки и все время двигался на сверхзвуковой скорости, то расстояние до базы Чужих исчислялось тысячами километров.

— С какой стороны они появились? — спросил Иван.

Джон молча указал приблизительное направление.

Пока Лозин размышлял над вероятным местоположением их базы, корабль Чужих окончательно затормозил и завис в нескольких метрах над потускневшей разметкой строевого плаца.

По-прежнему не было слышно ни звука, поэтому появление темных, теперь уже хорошо узнаваемых гуманоидных фигур оказалось для Лозина и Херберта неожиданностью. Они покинули корабль вне зоны видимости и

теперь двигались, растянувшись цепью, в сторону технических боксов.

Иван приник к снайперскому прицелу «шторма».

На первый взгляд Чужие не отличались от тех, чьи трупы он осматривал на техническом паркинге, но со спины было трудно судить, разнятся ли в чем-то детали их экипировки…

«Не хотелось бы сталкиваться с ними, пока Настя не закончила свою работу…» — подумал Лозин, считая высадившихся врагов.

Получилось двадцать восемь особей, не учитывая тех, кто, без сомнения, оставался на борту корабля.

Электронный прицел «шторма», вкупе с системами визирования боевого шлема, давал детальное представление о передвигавшихся в полукилометре существах, и Иван, несмотря на неудобный угол наблюдения, смог разглядеть зажатые в их руках эбеново-черные трубки диаметром не более сантиметра, с двумя загнутыми отростками в утолщающейся задней части.

— Джон, посмотри, это лазеры?

Херберт молча кивнул, не отрываясь от прицела своего оружия.

Чужие двигались медленно и осторожно.

С высоты трех этажей было отлично видно, как тщательно они осматривали тела людей, оружие, похоже, даже фиксировали положение трупов при помощи какого-то носителя информации.

Обследование местности и погибших длилось минут двадцать, после чего с десяток Чужих дружно навалились на одну из машин, колеса которой были вывернуты в нужном направлении, и вручную откатили ее в сторону, разомкнув периметр и освободив проход.

Мертвые тела своих сородичей они доставили на корабль, о людях же никто не побеспокоился.

— Как ты думаешь, пронесет? — спросил Иван, глядя, как инородные существа один за другим скрываются из поля зрения.

Джон лишь пожал плечами.

Через некоторое время инопланетный корабль плавно воспарил над плацем и, набирая высоту, начал удаляться в том направлении, которое недавно обозначил Херберт.

* * *

«Не пронесло».

Черный корабль уже скрылся из виду, растворившись в лазурных небесах, когда повторный осмотр местности показал, что десяток Чужих все же остались на территории военного городка.

Внезапно появившись из-за здания казармы, они вернулись к месту недавней схватки. Некоторое время Чужие повторно осматривали трупы, явно в поисках кого-то конкретного, а затем, разделившись на два отряда, принялись прочесывать прилегающую к парковочной площадке территорию, не забывая при этом заглядывать в здания.

Иван, следивший за их действиями, опустил «шторм» и сказал, полуобернувшись к Херберту:

— Они ищут Логинова.

На этот раз Джон спокойно выдержал пристальный, испытующий взгляд лейтенанта.

Фигуры Чужих уже показались в дальнем конце примыкающей к госпиталю улицы военного городка. Теперь их можно было различить невооруженным глазом, но Херберт, вопреки мрачному предчувствию Лозина, лишь едва заметно вздрогнул.

Иван не мог прочесть мысли американца, но с ним явно произошли радикальные перемены — по крайней мере, после событий на паркинге он перестал дергаться… хотя сумеречная замкнутость Джона могла иметь двоякие последствия. Он наверняка понимал, что Лозин скорее встанет тут насмерть, нежели выдаст инопланетным существам изуродованного друга, и в преддверии близящейся развязки эта непонятная молчаливость грозила вылиться чередой непредсказуемых действий.

— Надо подпустить их близко… — внезапно произнес Херберт, перечеркивая этой фразой обуревавшие лейтенанта сомнения.

«Вот это номер… Вспомнил, что ли, чему его учили во Флориде?» — подумал Иван, перемещаясь к соседнему чердачному окну, которое располагалось как раз над входом в здание госпиталя.

— Я открываю огонь первым, — долетел до слуха Херберта его приказ. — Ты отсекаешь тех, кто попытается укрыться за углом здания.

Джон кивнул, но спустя минуту заметил:

— Они прилетят опять.

— Семь бед — один ответ, — процедил Иван.

Неизвестно, понял ли Херберт смысл русской поговорки, но больше он не задавал вопросов, пытливо всматриваясь в доступное взгляду пространство.

Чужие то исчезали в зданиях казарм, то появлялись вновь, но Иван не открывал огня, а Джон не обладал навыками снайперской стрельбы и вступать первым не решался. «Слишком далеко», — лихорадочно думал он. — «Пусть подойдут поближе…»

Не подошли.

В какой-то момент Чужие прекратили поиски и вновь сгруппировались на площадке технического паркинга. О чем-то посовещавшись, они сели в тесный кружок, опустившись на корточки, и по непонятной причине замерли в таком положении.

Иван невольно покосился на обтекаемую головную часть тридцатимиллиметровой гранаты, которая чуть выступала из жерла подствольника.

«Вот бы сейчас шарахнуть по этой куче и снять вопрос…» — Это был первый, инстинктивный позыв, но разум быстро возобладал над чувствами. Поведение Чужих лишь частично поддавалось объяснению, и идти на открытое столкновение с ними было преждевременно. Еще оставалась реальная возможность выйти из городка без боя. Будь Иван один, он бы не задумывался над возникшей дилеммой, но Настя и Дима Логинов сковывали его свободу выбора. «Нужно вывести их в безопасное место, а уж тогда и потолкуем…» — подумал он, опуская «шторм».

— Джон, следи за ними. Я спущусь к Насте.

— О’кей…

* * *

В полуразрушенной лаборатории к резкому ультрафиолету добавился не менее острый запах медикаментов. Лейтенант по-прежнему лежал на диагностическом столе комплексного сканера, пристегнутый к жесткому ложу страховочными ремнями. Его глаза были плотно закрыты, лицо посерело, мышцы правой ноги отчего-то конвульсивно подрагивали.

Настя упаковывала в специальный кофр герметичные капсулы с препаратами. Увидев Ивана, бесшумно возникшего на пороге, она прервала свое занятие, вопросительно взглянув на Лозина.

Нетрудно было угадать, что тревожит девушку.

— Они пока что не вычислили нас, — поспешил успокоить ее Иван. — Прилетал корабль, высадил десант, сейчас десяток Чужих все еще находится в районе паркинга.

Настя продолжала смотреть на него, и Иван добавил, чтобы окончательно успокоить ее:

— Мы попытаемся уйти без шума. — Лозин перевел взгляд на лейтенанта и спросил: — Как он?

— Я ввела ему микромашины, — ответила Настя будничным, усталым голосом, будто речь шла об обыкновенной прививке, но Иван уже имел возможность испытать на себе действие этих загадочных кровяных телец, и потому его реакция оказалась не столь спокойной:

— Ты считаешь, они ему помогут?

— А ты сомневаешься? — вопросом на вопрос ответила она, одергивая рукав лабораторного халата, который накинула поверх одежды. Несмотря на быстрое движение, Иван успел заметить, что на ее запястье темнеет небольшая ранка.

— Как видишь, я сделала инъекцию и себе и собираюсь привить микромашины Джону, как только смогу сделать анализ его группы крови, — сказала Настя, перехватив его взгляд.

Лозин сел на кушетку.

— Ты можешь вкратце описать принцип их работы? — неожиданно спросил он. — Когда мне делали инъекцию, то не удосужились полностью раскрыть «государственную тайну». — Иван криво усмехнулся, вспомнив свое болезненное пробуждение от длительного небытия. — С определенностью я знаю лишь одно — благодаря им мой организм впал в крионическое состояние…

— И ты не понял, отчего это произошло? — с нотками недоверия в голосе поинтересовалась Настя.

— Ну, положим, первопричину я знаю, — кивнул Лозин. — Я уже говорил тебе — моим последним осознанным воспоминанием была ярчайшая вспышка в небесах…

— Которая разрушила твою парашютную систему, — напомнила Настя и добавила: — Падение со стометровой высоты, пусть и в сугроб, не проходит бесследно.

— Ты хочешь сказать, что если бы не травмы…

— …то микромашины продолжали бы обращаться в твоей кровеносной системе, не активируя ни одной из своих функций, — закончила его мысль Настя. — Но они включились, погасили твое сознание и ввели организм в состояние низкотемпературного сна, следовательно, ты получил серьезные ранения, несовместимые с понятием «жизнь».

Для Ивана последняя часть пояснений прозвучала как явное откровение.

— Ты хочешь сказать, что микромашины продержали мой организм в состоянии крионического сна только во имя излечения полученных при падении травм?

— Именно, — кивнула Настя, присаживаясь рядом с ним на край кушетки. — И время года тут не имеет решающего значения. Тебя заставило очнуться не наступление весны и не воздействие солнечных лучей. Это сделали все те же микромашины, когда раны затянулись, а переломы срослись. — Она вдруг тяжело вздохнула, искоса посмотрев на

лейтенанта. — Ты должен понять, Иван, я была лишь младшим научным сотрудником и тоже не владею вопросом в полном объеме…

В наступившей вдруг тишине сдавленно пискнул какой-то зуммер.

Настя встала, подошла к Логинову, взглянула на показания приборов и, погасив тревожный сигнал, вернулась к Ивану. Посмотрев на его осунувшееся лицо, она разжала свою ладонь, продемонстрировав лейтенанту маленькие непрозрачные ампулы.

— Внутри в физиологическом растворе законсервированы микромашины, — пояснила она. — Я рассудила так: если уж принято решение драться, то пусть мы будем вооружены разработкой наших лучших биологов, генных инженеров и кибернетиков. Микромашины — уникум, которому нет аналогов, но все их свойства трудно предугадать. Я с точностью могу назвать лишь некоторые из них: насколько мне известно, микромашины способны очищать организм от избыточных доз радиации, ускорять процесс регенерации тканей, анализировать инопланетные микроорганизмы и передавать инструкции иммунной системе о тех химических соединениях, которые способны их уничтожить. Не забывай, они созданы в рамках программы межзвездного перелета, потому я и рассчитываю, что их инъекция поможет организму Димы справиться с воздействием инородных имплантантов.

Иван, внимательно выслушав ее пояснения, кивнул.

— Какие-то изменения уже наступили? — спросил он, имея в виду состояние Логинова. — Мне нужно знать, насколько он транспортабелен?

— Мы не можем немедленно уйти отсюда, — ответила Настя. Вернувшись к блоку аппаратуры, она жестом позвала Ивана, предлагая присоединиться к ней. — Процесс уже начался, но Диму нельзя трогать до его окончания. Вот посмотри сам… — она указала на два контрольных монитора.

Первый, судя по графическим линиям, отражал состояние биоритмов лейтенанта, а второй являлся дисплеем томографа[8], разделенным на десятки оперативных окон. Каждое отдельное изображение демонстрировало подробную структуру головного мозга на определенной глубине сканирования. Судя по количеству изображений, прибор был настроен на шаг в один миллиметр.

Лозин пристально смотрел на послойные «срезы» головного мозга, одновременно прислушиваясь к сторожкой тишине, царящей вне стен лаборатории.

Ни звука, ни шороха…

«Надо было отдать Херберту боевой шлем…» — подумал Иван. — «Тогда не пришлось бы гадать, чем заняты в данный момент Чужие…»

Тревога не отпускала, но Иван усилием воли задавил ее, заставив себя сосредоточиться на показаниях томографа.

Все пошаговые снимки, сделанные чутким прибором, объединяла одна, бросающаяся в глаза деталь: два тонких инородных включения пронзали кору головного мозга, уходя в глубь нервных тканей. Они имели столь малый диаметр, что при имплантации фактически не повредили клетки серого вещества. Сейчас вокруг каждого шунта Иван мог наблюдать медленное перемещение темных точек, резко контрастирующих со светлым фоном снимков.

— Томограф передает данные в режиме реального времени, — пояснила Настя. — Черные точки, которые ты видишь, — это микромашины. Они уже обнаружили чужеродное включение и теперь пытаются локализовать его.

— Они смогут вернуть Диму в нормальное, человеческое состояние?

— Думаю, да, — ответила Настя. — Если потребуется, я сделаю повторную инъекцию, для увеличения численности микромашин.

— Настя, мне важно знать, сколько времени займет вся операция?

— Не знаю, — откровенно призналась она. — Не забывай, я лишь младший научный сотрудник, которого никто не посвящал в суть большинства экспериментов. Мои познания в области практического применения микромашин больше походят на поверхностную эрудицию. — Она посмотрела на экран томографа и добавила: — Работая в лабораториях, невозможно не слышать, о чем разговаривают вокруг. Информация накапливалась по крохам, в основном с чужих слов, из приватных бесед специалистов, которые мало обращали на нас внимания, зная, что все сотрудники лаборатории дали подписку о неразглашении государственной тайны. Поэтому мне сложно прогнозировать, как скоро закончится процесс, — я лишь надеюсь, что он завершится успехом.

— Понятно… — Иван с трудом оторвал взгляд от экрана, где микроскопические точки пытались плотно облепить инородную ткань шунтов. — Постарайся подготовить к транспортировке все препараты, содержащие культуру микромашин. Если услышишь звуки боя — не уходи отсюда. Как бы ни развивались события, мы с Хербертом будем держаться… — Он обернулся, нашел взглядом ее боевой шлем и добавил: — Я ухожу наверх. Когда закончишь, немедленно свяжись со мной по коммуникатору.

Настя кивнула, потом порывисто повернулась, на миг прижалась к

Ивану и вдруг горячо шепнула:

— Только береги себя, ладно?..

* * *

Поднимаясь наверх, к наблюдательному пункту Херберта, лейтенант надеялся, что Чужие не предприняли за время его отсутствия никаких радикальных шагов, но, проходя мимо выбитого окна на втором этаже здания, он вдруг услышал едва различимое, низкоутробное урчание работающего где-то неподалеку двигателя. По характерному, ни с чем не сравнимому звуку он моментально понял, что его издает установка водородного синтеза…

Скверное предчувствие заставило Лозина перейти с быстрого шага на бег.

Поднявшись на чердак, он тут же бросился к наблюдательному пункту.

— Что происходит, Джон?!

Херберт обернулся, неопределенно пожав плечами.

— Они открыли бокс, — ответил он, уступая место у небольшого окошка. — Завели какую-то машину.

«Какую-то машину?» — Лозина вдруг окатило жаром. — «Да это же БМК, новейшая разработка двойного предназначения», — подумал он, припав к снайперскому прицелу «шторма».

Заметив фигуры Чужих, копошившихся подле распахнутых ворот консервационного бокса, Иван ощутил, как им вновь овладевает невыносимое напряжение, — в этот миг он остался один на один с внезапной проблемой, которая требовала от него немедленных и решительных действий.

Он уже понял, что техника Чужих в корне отличается от человеческой, но даже по совокупности известных фактов Иван не смог сделать для себя однозначный вывод — стоят они на ступень выше, или же технологическое развитие иной расы в своей сумме уступает человеческим достижениям научно-технического прогресса?

Внезапный оборот событий вынуждал лейтенанта дать себе немедленный ответ на вопрос: в чем скрыта истинная причина падения земной цивилизации — в подавляющем техническом превосходстве Чужих или в их временном успехе, вызванном тотальной бомбардировкой материков обломками астероидных масс?

Вопрос отнюдь не риторический, потому что урчание водородного двигателя наконец указало на конкретную цель, которую преследовали

Чужие на территории части: основываясь на информации, полученной от капитана Заулова, они пытались овладеть наиболее продвинутыми, сверхсекретными образчиками боевой техники, разработанной специально для Военно-космических сил России.

До последнего момента Иван полагал, что две боевые машины космодесанта ушли вместе с основными силами дивизии, но на поверку это оказалось не так…

Обе БМК все это время оставались тут, в консервационных боксах, и вскрывшийся факт ставил лейтенанта перед жесткой дилеммой: вступить в бой с Чужими, рискуя при этом жизнью Херберта, Насти и беспомощного Логинова, или тихо отсидеться на чердаке госпиталя, позволив существам иной расы завладеть уникальными образцами планетарной техники, равной которой не было ни в одной стране мира?

Сомнения, полуправда, полузнание — все это не способствовало здравому принятию решений. Казалось бы, что может быть проще для солдата, защищающего свою землю, какая дилемма способна возникнуть в его рассудке при виде врага?

Лозин вдруг отчетливо понял, что с определенного момента на его плечи легла не только ответственность за Настю, Херберта и Логинова, но и жесточайшая необходимость выяснить все относительно дальнейшей судьбы людей, которые выжили в техногенном аду спровоцированной пришельцами катастрофы, а затем были схвачены ими и перемещены в неизвестном направлении.

«Что стало с ними и не приведет ли смерть десятка чуждых созданий к гибели сотен, а может, и тысяч людей? Соизмерима ли цена риска?..»

В этот миг БМК выехала из консервационного бокса и, не сумев вовремя затормозить, врезалась в глянцевитый борт внедорожника, перевернув его кверху днищем.

Огромные, похожие на фрезы литые колеса боевой машины космодесанта проехали по трупам людей Заулова, сминая мертвую плоть.

Иван побледнел, опуская автомат. Смотреть, как Чужие пытаются освоить БМК, превращая в кровавое месиво человеческие тела, было выше его сил.

Кто-то должен сделать первый шаг, рискнуть жизнью, взять на себя этот груз, иначе все пойдет по задуманному Чужими сценарию, и вскоре на Земле уже не останется даже горстки способных к сопротивлению людей…

— Ну что, Джон, — обернувшись, тихо спросил Иван, — прикроешь спину русского лейтенанта?

Херберт судорожно сглотнул.

— О’кей, — хрипло выдавил он. — Потом быстро уходим, да?

— По возможности. — Лозин выглянул в окно и добавил: — Эту позицию использовать нельзя. Будем атаковать их с другой стороны, чтобы не подставить под удар Настю.

* * *

Здание госпиталя и приземистые боксы разделяло не более пятисот метров, но Иван намеренно избрал обходной маршрут. Он повел Херберта к расположенным левее казармам, заставляя его передвигаться короткими перебежками, от укрытия к укрытию. Контактный бой в век высоких технологий явление редкое, незаурядное, Далеко не каждый готов к нему, и потому лейтенант не слишком уповал на своего напарника. Чему бы там ни обучали Херберта во Флориде, боец из него был, мягко говоря, никудышный, а рваная одежда не шла ни в какое сравнение с боевой экипировкой Лозина…

…В ста метрах от цели они затаились, присев за подстриженным декоративным кустарником, который рос между крайней казармой и небольшой спортплощадкой. Теперь справа от них простиралось пустое асфальтированное пространство плаца с потускневшей разметкой для построения рот и взводов, а слева в полусотне шагов протянулась прерывистая линия невысоких бетонных блоков, ограничивающая площадки технического обслуживания.

— Останешься тут, — тихо произнес лейтенант. — Особо не высовывайся, стреляй только в том случае, когда ясно увидишь цель. Постоянно меняй позиции после каждой очереди, понял?

Херберт кивнул, озираясь по сторонам, и вдруг коснулся плеча Лозина, жестом обращая его внимание на фигуры двух Чужих, которые маячили на границе между строевым плацем и технической зоной обслуживания.

Лейтенант ободряюще кивнул, хотя заметил инопланетных существ еще минуту назад, когда они с Джоном огибали угол соседней казармы.

— Видишь их? — сдавленно шепнул Херберт.

— Да, — так же тихо ответил ему Иван. — Боевое охранение.

«Причем скверное», — мысленно добавил он, глядя на застывшие в рост фигуры. — «Впрочем, чего им опасаться? Сбежавшего в неизвестном направлении лоботомированного переводчика?» — Горький вывод напрашивался из простого наблюдения: выходит, Чужие не ощущают опасности, чувствуют себя хозяевами захваченной территории, а значит, сопротивление, если оно и было, уже давно подавлено.

— Не стреляй… — тихо предупредил он Джона. — Я сам. — Лейтенант медленно поднял «шторм», припав к снайперскому прицелу.

Оружие Лозина, в отличие от «АК-190», которым был вооружен Херберт, имело систему бесшумной стрельбы. «Чем дольше проработает фактор внезапности, тем лучше…» — подумал Иван, втайне надеясь, что Чужие еще не поняли, какую мощь таит в себе захваченная боевая машина.

«Не факт…» — тут же мысленно поправил себя он, плавно касаясь сенсора огня. — «Не зря ведь Заулов привел их именно к этим боксам…»

Одиночные выстрелы «шторма» походили на сиплый вздох простуженного человека. Иван целился в головы, и оба Чужих повалились на разогретый солнцем асфальтобетон, даже не дернувшись, — просто вдруг ноги отказались держать их огрузневшие тела, и лишь глухой, мягкий звук стал свидетельством падения двух тел.

— Все, Джон, работаем…

Лейтенант резко привстал и, пригибаясь, рывком пересек открытое пространство, присев под защиту одного из бетонных блоков, ограждающих площадки технического обслуживания.

Водородный двигатель БМК невнятно урчал метрах в пятидесяти от него, и Иван, осторожно выглянув из-за укрытия, сразу же увидел боевую машину.

Он знал это чудо двойных технологий как свои пять пальцев. БМК, помимо высокоточного оружия, несла на борту еще множество подсистем и могла использоваться как для ведения боевых операций, так и для нужд сельского хозяйства. Толстые скаты герметичной брони скрывали сложнейший комплекс оборудования, каждый прибор которого являлся уникальным в своей области.

«Нельзя отдавать такую машину врагу, но и разрушать ее нет смысла», — мысленно рассудил Иван, наблюдая за неуклюжими маневрами БМК. Он знал, что оборонной промышленностью было выпущено всего лишь пять рабочих образцов подобной техники, два из которых попали на испытания в их дивизию…

…С точки зрения затаившегося в кустах Херберта, поведение лейтенанта выглядело как нерешительность, но Лозин сознательно задержался, в надежде, что Чужие оставят свои попытки овладеть управлением и вылезут наружу, но ничего подобного не произошло: БМК проехала еще десяток метров, потом действительно неожиданно дернулась и заглохла. Шли томительные секунды ожидания, а в проеме распахнутого настежь кормового люка так никто и не появился…

«Упрямые, твари…»

Лейтенант приподнял голову, намечая направление следующего рывка, когда воцарившуюся тишину внезапно вспорола звонкая автоматная очередь, в ответ на которую раздался странный, шипящий звук.

В лицо Лозину вдруг дохнуло жаром — нестерпимо-яркий, рубиновый луч впился в соседний фрагмент бетонного ограждения, и массивный поребрик, не выдержав моментального нагрева, внезапно брызнул осколками, словно рядом рванула граната…

«Лазер…» — Иван машинально бросился в противоположную сторону, заметив, что Джон своими выстрелами все-таки умудрился свалить двух чужаков, неожиданно появившихся из-за угла приземистого ангара.

«Патруль…» — мгновенно понял он. — «Сейчас поднимется тревога…»

Точно… Из-за перевернутого внедорожника показались две темные фигуры, а секунду спустя, перебегая к очередному укрытию, лейтенант внезапно увидел третьего Чужого, застывшего в напряженной, выжидательной позе по другую сторону бетонных блоков, всего в нескольких метрах от его новой позиции. Судя по повороту головы, ксеноморф не заметил Лозина — его взгляд был прикован к кустарнику, откуда только что стрелял Херберт. Тонкая трубка, зажатая в руках инопланетного существа, источала зримое марево нагретого, струящегося воздуха.

Зная принцип работы лазеров, нетрудно было догадаться, что в данный момент шла перезарядка устройства накачки, расположенного в утолщении испускающей трубки, но предугадать, сколько секунд осталось до очередного разряда, Иван, естественно, не мог…

Резко оглянувшись, лейтенант понял: еще секунда, и Херберту не жить — он переползал, меняя позицию, но делал это так неуклюже, что поросль кустарника не скрывала, а выдавала его…

— Джон! — чувствуя, что уже не успевает выстрелить, выкрикнул Иван, отвлекая внимание инородного существа от подрагивающих ветвей живой изгороди.

Реакция у Чужого оказалась отменной: рубиновая вспышка прошила проем между двумя бетонными блоками, оставив длинный, дымящийся шрам в том месте, где секунду назад промелькнула человеческая фигура, но лейтенант ощутил лишь волну горячего воздуха, а в следующий миг со стороны казармы наконец ударила длинная автоматная очередь…

Иван резко присел, услышав, как Чужой испустил короткий болезненный звук, похожий на оборвавшийся клекот…

«Этот готов…»

Мысль в такие секунды всегда запаздывает за движениями тела, которые годы тренировок превратили в рефлекс. Наверное, именно так выражается степень боевой подготовки, когда разум интуитивно выбирает лучший вариант действий из сотен возможных, а руки работают машинально, в темпе, который позже покажется нереальным…

Херберт еще не убрал палец с сенсорной гашетки, когда подствольный гранатомет «шторма» с глухим звуком, одну за другой, выплюнул две гранаты, послав их в ту сторону, где несколько секунд назад лейтенант видел фигуры Чужих.

Два взрыва полыхнули почти одновременно, выбив кустистые сполохи огня в метре от перевернутого внедорожника; звонко ударили осколки, и лишь только кончился их свистящий разлет, Иван рывком поднялся с земли и побежал, стремясь зайти в корму БМК.

Огибая перевернутую кверху колесами машину, он едва не споткнулся об агонизирующее тело Чужого, который еще содрогался в конвульсиях, пачкая асфальтобетон бледной кровью, больше похожей на человеческую сукровицу.

Сбоку вдруг отчетливо прошипел лазерный разряд, что-то с треском вспыхнуло за спиной Лозина, но он не остановился, продолжая короткими перебежками продвигаться к заветной цели.

«Херберт, не тормози…»

Джон, к сожалению, не мог читать мысли лейтенанта — он в этот момент отползал от подрубленного лазерным лучом куста, ощущая, как нестерпимый жар заставляет потрескивать мелкие веточки, превращая юную, едва распустившуюся листву в увядшие бесформенные комочки…

Его состояние балансировало на зыбкой грани между паникой и шоком… поэтому, увидев Чужого, который медленно крался вдоль бетонных блоков, Херберт, вместо того чтобы выстрелить, инстинктивно вжался в горячую, влажную землю, полностью отдавшись во власть подсознательного ужаса, овладевшего его рассудком.

Чужой остановился в нескольких шагах от человека и начал медленно оборачиваться.

Враг был так близко, что Джон мог разглядеть мельчайшие детали его экипировки… и это зрелище оказалось столь невыносимым, что в следующую секунду скопившееся внутри нервное напряжение внезапно разрядилось совершенно непредсказуемой реакцией: по-прежнему пытаясь слиться с землей, он вдруг сипло закричал, судорожно сжав сенсор огня, и автомат в его руках преданно отозвался длинной, разящей в упор очередью.

Ксеноморфа отшвырнуло назад, ударив о бетонный поребрик, он конвульсивно задергался, выронив оружие, но пули продолжали рвать обмякшее тело, выбивая из него бледно-розовые клочья, пока в механизме автомата не сработал отсекатель, установленный на пятисекундную задержку[9].

Изуродованное тело Чужого все еще подрагивало в агонии, пачкая асфальт плаца розовой сукровицей, а вокруг внезапно воцарилась ватная, ненатуральная тишина…

К горлу Херберта подкатился удушливый ком. Мир двоился перед глазами, под онемевшим от напряжения пальцем явственно ощущался вспухший бугорок предохранителя — «умное» оружие требовало повторного, осознанного нажатия на сенсор для возобновления огня.

Это наваждение длилось всего несколько секунд — разрушая иллюзорную тишь, неожиданно заурчал заглохший было двигатель БМК, и Херберт, еще не очнувшийся от пережитого потрясения, увидел, как боевая машина космодесанта начала разворачиваться на одном месте, нацеливая носовые орудия в сторону живой изгороди…

…Иван уже достиг дальнего края парковочной площадки, теперь он отчетливо видел открытый кормовой люк, через который Чужие проникли внутрь боевой машины.

Не останавливаясь, лейтенант закинул «шторм» за спину и выхватил из запасного клапана разгрузки десантный нож, взамен того, который остался торчать в горле одного из людей Заулова.

БМК уже развернулась в нужную сторону, тонко завыли сервомоторы точной наводки, и в сознании Лозина счет сразу же пошел на секунды. Жизнь Херберта сейчас висела на волоске — если боевые эскалаторы орудий загружены боекомплектом, то вслед за ноющим звуком приводов неизбежно последует автоматический залп…

Иван преодолел последние метры, отделявшие его от распахнутого люка, и кубарем вкатился в сумеречный десантный отсек, который отделялся от кабины герметичной переборкой.

Как он и предполагал, овальная дверь, ведущая в носовую часть БМК, была открыта, а за подголовниками Двух кресел отчетливо просматривались непривычные Для человеческого глаза ребристые яйцеобразные шлемы, снабженные дыхательными масками.

Действия Лозина не несли в этот миг ничего, кроме смерти.

Ворвавшись в кабину, он ударил водителя в зазор между яйцеобразным шлемом и прикрывающей плечи броней. Сталь десантного

ножа с хрустом пробила какое-то препятствие, но Иван не обратил внимания ни на сопротивление удару, ни на сопровождавший его чавкающий звук, — обратным движением руки он вырвал лезвие из горла Чужого и, развернувшись, с силой вонзил его в дыхательную маску второго врага, который, растерявшись, не успел предпринять каких-то ответных действий.

Короткий сиплый звук, пульсирующий фонтанчик розовой сукровицы, и Чужой обмяк в кресле стрелка-оператора, так до конца и не осознав, кто ворвался в кабину боевой машины.

Иван выдернул нож, машинально отер лезвие об экипировку одного из убитых врагов и взглянул на забрызганную сукровицей приборную панель.

Электронные счетчики орудий показывали нули.

…

Спустя минуту он выбрался из БМК и увидел Херберта, который с бледным перекошенным лицом шел к нему от истекающих дымом кустов.

Его изорванная одежда окончательно превратилась в лохмотья, взгляд Джона бессознательно блуждал по мертвым телам людей и Чужих, но, несмотря на явные признаки аффекта, Иван понимал, что к нему приближается совершенно иной человек, уже не имеющий ничего общего с тем Джоном Хербертом, который пару часов назад извивался, будто червяк, под ударами капитана Заулова.

Лейтенант был уверен в этом, потому что жизнь давно заставила его усвоить простую, но непреложную истину: солдатами не рождаются, ими становятся, проходя через жестокие, запредельные испытания.

Херберт только что прошел через схватку с собственным ужасом и, похоже, победил его.

* * *

Они молча вышвырнули тела Чужих из кабины БМК, Иван сходил в бокс, нашел там кусок прелой ветоши и тщательно вытер оба сиденья от испачкавшей их розоватой крови.

Опять вокруг воцарилась тишь, лишь было слышно, как где-то неподалеку мирно щебечет невидимая птаха. Для нее все шло своим чередом, звуки напугавших ее выстрелов стихли, и маленькая птичка вновь залилась обычным весенним пересвистом.

— Что будем делать, Иван? — спросил Херберт, подавленно оглядываясь по сторонам. Тела людей и Чужих лежали вповалку, одно на другом, и такое начало вовсе не обнадеживало.

Лозин достал сигареты и посмотрел в лазурные небеса.

— Будем ждать гостей, Джон, — ответил он, протягивая пачку Херберту. — Сейчас отгоним БМК к складу вооружений, а потом, если позволят обстоятельства, попробуем ускользнуть в леса. Есть у меня одна мысль… — добавил он, прикуривая сигарету.

— Поделишься? — скупо спросил американец. Иван пожал плечами. Скрывать что-либо от Херберта не имело смысла, но как объяснить Джону свое интуитивное предчувствие? Не рассказывать же ему историю формирования взвода, направления марш-бросков и местоположение излюбленных тренировочных объектов? Долго и вряд ли эффективно, мысленно рассудил Иван, глубоко затягиваясь сигаретой.

— Я думаю, что бойцы моего взвода не погибли, — все же ответил он на заданный вопрос. — Часть людей должна была уцелеть, и я догадываюсь, где они могут находиться в данное время.

— Традиционное место сбора? — предположил Джон.

— Да, было у нас такое. Старая точка, где раньше базировались войска ПВО. Помнишь, наверное, наши ракеты, которые вы называли «Сатана».

Херберт кивнул.

— Они ведь ликвидированы по договору? — полуутвердительно произнес он.

— Ликвидированы, — кивком подтвердил Иван, по привычке смяв окурок. — Ракеты и оборудование вывезли, а сама система бункеров осталась. Вокруг глухой лес. Ни на одной секретной карте эта точка уже не отмечена, так что Чужие о ней наверняка не знают. Идеальное место, чтобы укрыться на пару дне, й, пока тут все утихнет.

— Далеко?

— Километров сто пятьдесят. По лесным дорогам, разумеется.

— Мне нужен мой ноутбук.

— Не проблема, — ответил Иван. — Заскочим. Там остался не только твой компьютер, но и Биш, не забыл?

Херберт кивнул, хмуро посмотрев на небеса.

— Нам бы поскорее выбраться отсюда… — вполголоса пробормотал он.

Часть 2. Огневой контакт

Глава 4

Склады длительного консервационного хранения

Пять минут спустя боевая машина космодесанта оставила позади здания военного городка, двигаясь по внутренней дороге к ровному участку местности. Издали огромное целинное поле, принадлежащее территории части, походило на старое стрельбище: повсюду вились змейки бетонированных учебных траншей, напротив огневых рубежей стояли сваренные из тонких металлических листов макеты разнообразной техники, дорогу в нескольких местах преграждали пустующие блокпосты с характерными надписями «Стой. Стреляют».

Уверенно направляя БМК к известной ему цели, Иван включил коммуникатор.

— Настя, слышишь меня? Ответь!

Дорога плавно пошла под уклон, постепенно превращаясь в бетонный пандус.

— Да, Иван!.. — Голос девушки выдавал крайнее волнение. — Что произошло? Вы целы? Я слышала стрельбу…

— Мы в порядке, не волнуйся, — ответил лейтенант, плавно выруливая на площадку, прикрытую от посторонних глаз толстым железобетонным козырьком. — Как Дима?

— Пришел в сознание. Говорить пока не может, но мне кажется, что микромашины справились с задачей.

Это была добрая новость.

— Готовьтесь к эвакуации. Мы с Джоном подъедем минут через двадцать. Собери побольше медикаментов, — передал ей Иван, останавливая БМК между двумя эстакадами, на которых высились неподвижные погрузочные устройства. Путь вперед преграждали массивные ворота, на которых четко выделялась надпись:

«Склад оперативного вооружения».

— Здесь есть все, что нам нужно, — пояснил Лозин, заглушив двигатель машины. — Сначала загрузим боекомплект, потом займемся личным оружием.

— Я думал, это старое стрельбище… — изумленно проговорил Херберт, глядя на мощные железобетонные перекрытия, поверх которых росла трава и вились змейки учебных траншей.

— Многие так думали. — Иван дружески похлопал его по плечу. — Пошли, у нас мало времени.

…

Несколько минут у лейтенанта ушло на борьбу с обесточенными механическими запорами огромных ворот, но в конце концов ему удалось открыть небольшую бронированную дверь, предназначенную для караула.

Херберт, настороженно озираясь по сторонам, вслед за ним вошел в сумрачный бункер.

Размеры подземного хранилища поражали своими масштабами: здесь, в отдельных зонах, разграниченных друг от друга сетчатыми перегородками, было складировано самое разнообразное вооружение, начиная от покрытых консервирующей смазкой реликтов, оставшихся еще со времен Второй мировой войны, и заканчивая суперсовременными образцами стрелкового оружия и боеприпасов.

— Джон, иди сюда, — окликнул Херберта лейтенант, отвлекая его от потрясенного созерцания ящиков, на которых стояла маркировка одна тысяча девятьсот сорок четвертого года.

— Вы что, храните все производимое когда-либо оружие? — не удержавшись, спросил американец.

— На всякий пожарный, — кивнул в ответ Иван. — Давай не будем терять времени, займемся делом. — Он прошел по длинному коридору, вручную открывая бронежалюзи, за которыми прятались похожие на амбразуры окна, выходящие на уровень эстакад, протянувшихся вдоль погрузочной площадки.

— Работать будем вручную, — кратко пояснил Лозин, отыскав нужное складское отделение. — Бери эти ящики и неси их к открытым окнам.

Джон подчинился. Пластиковые кофры с удобными ручками можно было назвать «ящиками» с большой натяжкой. По сути, они являлись не упаковками хранения, а огромными коробчатыми магазинами, с уложенной в них лентой для полуавтоматических пушек. Достаточно было вставить такой контейнер в соответствующее гнездо, как механизмы перезарядки сами вскрывали его, заправляя ленту боепитания в казенную часть орудий. Сейчас эти операции вручную выполнял Иван, Джон только успевал подносить кофры, которые лейтенант аккуратно вставлял в гнезда боевых эскалаторов, смонтированных между двумя корпусами машины.

В конструкции БМК был использован принцип, изначально практиковавшийся на подводных лодках: два корпуса — легкий и прочный — обеспечивали полную герметизацию и повышенную живучесть машины. В боевом режиме доступ к механизмам перезарядки

осуществлялся изнутри, через специальные технические люки.

— Что теперь? — спустя некоторое время осведомился Херберт, вытирая выступившие на лбу бисеринки пота. Пустых гнезд для коробчатых магазинов уже не осталось, и Иван молча указал на округлые выступы, расположенные на башне БМК, по бокам от смятого в гофру гнезда основного орудия.

— Ракеты?

— Да.

Короткие пусковые трубы, жестко закрепленные под углом в сорок пять градусов, могли производить одновременный залп десятью тактическими ракетами с интервалом перезарядки всего в двадцать секунд — такой вывод сделал Джон, прочитав надписи на решетчатых лотках, куда они с Лозиным аккуратно устанавливали оперенные полуметровые реактивные снаряды.

— Послушай, Иван, — произнес Херберт, когда они, окончательно вымотавшись, присели перекурить, — к чему ты готовишься?

— Не понял? — искоса посмотрел на него Лозин.

— Я хочу знать… мы предпримем попытку повлиять на ситуацию коренным образом или просто станем уничтожать Чужих по мере сил и возможностей?.. — уточнил Херберт, старательно подбирая русские слова.

— Хороший вопрос, Джон, — криво усмехнулся лейтенант. Он немного помолчал в раздумье, а затем ответил: — Для глобального противостояния нас слишком мало, не находишь? — Он посмотрел на оснащенную БМК, ласково скользя взглядом по выступам активной брони, предохраняющей машину от прямых попаданий кумулятивных снарядов. — Нет… — внезапно покачал головой Иван. — Просто убивать, не ставя перед собой иных целей, — бессмысленно. Думаю, прежде всего нам следует обеспечить собственную безопасность. Мы должны держаться вместе, не разбредаясь кто куда. БМК создавалась как автономный модуль, предназначенный для исследования иных планет, и ее вооружение — лишь малая часть имеющегося на борту оборудования. В машине достаточно места, она комфортна, отлично защищена и может противостоять различным угрозам. Значит, она подходит нам на все сто процентов. Далее… — Лейтенант на секунду задумался, облокотясь о покатый бронированный борт. — Далее следует заняться не истреблением Чужих, а сбором информации. Кто они, откуда прилетели, по каким причинам напали на Землю, собираются ли они колонизировать нашу планету и какие изменения претерпит биосфера, если ее начнут перестраивать под иной метаболизм?

— Как ты намереваешься добыть эту информацию? — скептически поинтересовался Херберт.

— Традиционно, — ответил Иван. — Мы попытаемся захватить и допросить энное количество Чужих. Это реально, учитывая, что в сознание Димы Логинова насильно внедрено знание их языка. Ты сам видел, что они использовали его в качестве переводчика.

— Хорошо… А дальше? — настаивал Джон.

— Как я могу прогнозировать? — пожал плечами Иван. — Нужна информация, от которой можно будет отталкиваться, строить какие-то далеко идущие планы. Сейчас у нас одна задача — по возможности исчезнуть из поля их зрения. Пока мы не выясним, куда переправлены уцелевшие после катастрофы люди, мне кажется, вообще нельзя предпринимать радикальные шаги. Боюсь, в распоряжении Чужих оказалось огромное число заложников, и не факт, что нашим противникам чуждо такое понятие, как шантаж.

— О’кей… — Херберт опять сбился на родной язык, и это, как успел заметить Иван, являлось признаком сильного волнения. — Допустим… мы нашли и даже сумели освободить значительную часть переживших вторжение людей. Пусть события развиваются по наилучшему сценарию. Что тогда?

— Джон, зачем гадать? Это шкура неубитого медведя…

— Мне важно знать твое мнение… — глядя в одну точку, упрямо повторил Херберт.

— Ну ладно… — Иван пожал плечами, как бы говоря этим, что ему несложно предсказать развитие событий при предложенных Хербертом условиях. — Тогда мы поднимем масштабное восстание, чтобы вышвырнуть Чужих с нашей планеты.

— Это реально?

— Ты задаешь некорректные вопросы, Джон… — ответил лейтенант. — Конечно, можно строить шаткие прогнозы на основе уже имеющейся информации, но ее мало, а я не любитель полагаться на «авось».

— И все же?..

Иван посмотрел на Херберта с явным недоумением. Ему была непонятна внезапная настойчивость американца, но все-таки он ответил:

— У нас есть три неоспоримых преимущества. Во-первых, пришельцы лишились возможности нанести повторный удар по площадям. На мой взгляд, астероиды, взрывающиеся в атмосфере, — это не многоразовое оружие, а лишь изученное и использованное в боевых целях

природное явление. Для повторной акции такого масштаба им придется проделать немалую работу — как минимум достичь пояса астероидов Солнечной системы и изменить траектории какой-то части образующих его глыб. Задача не на один месяц и даже не на год, согласен?

Джон кивнул.

— Второй фактор я тебе уже обозначил вчера вечером, — продолжал Иван. — Наша биосфера опасна для пришельцев, иначе они не носили бы защитные костюмы и дыхательные маски. Это делает их уязвимыми — малейшее повреждение экипировки, и в дело тут же вступает микрофлора Земли, что, на мой взгляд, равнозначно летальному исходу при любой царапине. И, наконец, третье: я по-прежнему убежден, что их мало, и эффективно противостоять полномасштабному восстанию Чужие не смогут. Им придется свернуть свои действия на Земле и убраться в космос.

— Вот этого я и опасаюсь, — внезапно признался Джон, внимательно выслушав лейтенанта.

— Почему?

— Они получат самое драгоценное — время, — пояснил Херберт. — Время, чтобы систематизировать, осмыслить информацию, полученную о человечестве, и выработать новую, действенную тактику против разобщенных остатков цивилизации. Мы же будем отброшены назад, нас уже столкнули на путь регресса, уничтожив единое информационное поле…

— Ты имеешь в виду компьютерные сети?

— Да, прежде всего их, — ответил Джон. — Многие склонны недооценивать роль киберпространства, но именно «всемирная паутина» и мощная система телекоммуникаций позволили нам ощутить себя цивилизацией, перешагнувшей рамки государственных границ…

Иван сокрушенно кивнул.

— Все, что ты говоришь, Джон, правильно. Но твои рассуждения абстрактны. Надо смотреть правде в глаза, не загадывать наперед. Выжить и понять, что представляют из себя Чужие, — вот наша главная задача. А дальше — посмотрим по обстоятельствам… — Лозин погасил сигарету и хотел встать, но Херберт удержал его за плечо.

— Подожди, Иван.

— Ну? — Он повернул голову, вопросительно посмотрев на американца.

— Я должен тебе признаться. — Джон вновь заговорил, медленно и тщательно подбирая русские слова, видимо боялся, что лейтенант превратно истолкует какую-нибудь нелепо сформулированную фразу. — Я

сказал тебе вчера, что являюсь агентом Центрального разведывательного управления…

Иван молча кивнул. Он уже обдумал данный вопрос и пришел к убеждению, что признание Джона в сложившейся ситуации не переводит его в разряд врагов, наоборот, честность Херберта могла служить поводом для взаимного доверия.

— Ты не спросил меня, с какой целью я был послан в вашу дивизию.

Иван пожал плечами:

— Джон, откровенно говоря, мне не хотелось лишний раз напоминать тебе, что Соединенных Штатов больше нет. Какие бы секреты ты ни выведал, сейчас это уже не играет роли. Тебе некому их передавать, это потеряло смысл, потому что среди нас больше нет друзей и врагов — остались только *выжившие*.

— Это этическая сторона вопроса, — возразил Херберт, упорно настаивая на продолжении разговора. — Я осознаю ее со всей полнотой. Но есть еще и иной аспект — информационный.

Иван лишь покачал головой:

— Джон, не хочу тебя расстраивать, но, на мой взгляд, ты не смог ничего узнать о нашей дивизии.

— Почему? — насупился Херберт.

Лейтенант усмехнулся.

— Ты просто не видел себя со стороны, — ответил он. — Когда мы начали загружать БМК, выражение твоего лица было, мягко говоря, потрясенным. А эта машина далеко не самый показательный из секретных образчиков техники, предназначенной для двойного космического использования.

— Ты прав. Я немного растерялся. Но дело не в этом.

— А в чем?

— В моем задании… — собравшись с духом, ответил Джон. — Я должен был либо подтвердить, либо опровергнуть попавшие к нам сведения о том, что Россия имеет резервную систему, состоящую из нескольких космодромов и средств управления орбитальными группировками.

— Это так?

— Не знаю, — покачал головой Херберт. — Я действительно ничего не сумел выяснить, но исходные данные… — Он запнулся, а затем вдруг процитировал: — «Нет дыма без огня»… — Он вскинул взгляд на Лозина. — Я правильно сказал?

Иван сумрачно кивнул.

Последние слова Херберта заставили его глубоко задуматься. Естественно, лейтенант ВКС России не был посвящен в государственные секреты такого масштаба, но, взвесив утверждения Джона, он был вынужден мысленно согласиться с тем, что ЦРУ располагало какими-то вескими предпосылками, формулируя задание своему агенту…

«Если наши создавали автономную резервную систему, то она должна заработать именно в таких условиях», — логично рассудил он, — «когда разрушено все, и уже несостоятельны ни глобальная компьютерная сеть, ни резервные линии связи… Но где и на каких носителях эта система базируется? Как отыскать ее и получить к ней доступ?»

— Что ты еще знаешь, Джон, выкладывай все.

Херберт отрицательно покачал головой:

— Я же сказал, что ничего не успел выяснить.

— Тогда это иголка в стогу сена, — невесело проронил Лозин.

— Ее нужно искать, Иван, — с непонятной убежденностью произнес Джон.

— Мотив?.. — резко и односложно осведомился лейтенант.

— До того как попасть в ЦРУ, я действительно работал в структуре НАСА, — ответил Херберт. — В секретном отделе, разрабатывавшем нашу космическую систему противоракетной обороны, которую вы называли программой «звездных войн».

— Ты имел отношение к противоракетному щиту?!

— Я руководил отделом программирования и связи, — не без оттенка гордости сообщил Херберт.

— То есть?.. — прищурился Иван.

— Я знаю все коды доступа к компьютерам платформ противоракетного щита. Единственное, чего у меня нет, — это надежной связи с орбитой. Ноутбук с одним маломощным каналом тут не годится. Подумай, Иван, если нам удастся активировать резерв твоей страны и соединить его каналами связи с орбитальными платформами…

— То мы получим полный контроль над околопланетным пространством Земли, — закончил его мысль Иван.

— По крайней мере, мы будем знать, что происходит на орбитах, и сможем попытаться дистанционно воздействовать на ситуацию, не прибегая к прямым столкновениям с Чужими.

Откровенно говоря, лейтенант не ожидал такого оборота событий. Перспектива, обрисованная Хербертом, была туманна, но в случае успеха в их руках, несомненно, появится весомый козырь. Одно дело вести контактные бои с неизвестным тебе противником на разоренной

техногенными катастрофами Земле, другое — получить доступ к двум мощнейшим системам глобальной обороны. Это уже не бои местного значения. Имея в руках совокупную мощь орбитальных группировок двух стран, можно повлиять на ситуацию в совершенно иных масштабах…

— Хорошо, Джон, твои предположения? Считай, что я проникся важностью момента. Если резервная система существует, как должны выглядеть ее компоненты?

— Это, вне сомнения, компьютеры. Надежно укрытые компьютеры, отрезанные от всех мыслимых внешних воздействий. Мертвая аппаратура, ждущая своего часа.

«Да», — подумал Иван, — «наличие подобного резерва оправдано прежде всего с точки зрения возрастающей на протяжении последних десятилетий угрозы третьей мировой войны».

Было очевидно, что уровень современных технологий предполагал, в первую очередь, ядерный конфликт. Но какой смысл создавать дублирующую систему, призванную ожить, когда ядерный апокалипсис уже грянул?

На ум приходил лишь один весомый аргумент: «спасение». Эвакуация выживших.

А где не будет зон свободных от радиоактивного и химического загрязнения, если рассматривать глобальную ядерную катастрофу, в результате которой планета должна была превратиться в радиоактивную пустошь?..

Иван чувствовал, что истина где-то рядом…

Зона эвакуации… Он попытался мысленно представить опаленный ядерной войной земной шар, окруженный тысячами искусственных спутников, орбитальных станций и…

«Орбита!»

Мысль заработала лихорадочно…

Значит, резервная система связана прежде всего со средствами доставки людей на орбиту, где пагубные последствия ядерного конфликта теряют свое значение… Вот почему в словах Херберта проскользнула информация о гипотетических космодромах…

«Куда?» — размышлял Лозин, мучительно собирая в памяти те крохи информации, которые, как и в случае с Настей, перепадали ему то тут, то там в случайно услышанных разговорах, из слухов, что так или иначе циркулировали в среде непосвященных…

Колониальный транспорт «Россия», космическая верфь и связанные с ней орбитальные станции — вот куда могли быть эвакуированы люди,

случись на Земле ядерная катастрофа!..

— Значит, так, Джон… — Иван порывисто встал, пытаясь подвести черту под своими рассуждениями. — Если система существует, то она предназначена не для войны. Не перебивай. Думаю, существовал план эвакуации, предусматривающий глобальный ядерный конфликт на Земле. Именно на спасение остатков человечества ориентирована та гипотетическая система, которую ты искал.

— Не на войну?! — потрясенно переспросил Херберт.

— Нет, — уверенно ответил Лозин. — Для эффективного ведения боевых действий, при самых жестких раскладах ядерного конфликта, достаточно тех технических средств, о которых я осведомлен. Мы создали множество изощренных средств для взаимного истребления, так не логично ли будет предположить наличия среди них хотя бы одной системы, направленной на *спасение человечества*?!

Херберт не нашелся, что ответить, но Иван не обратил внимания на его внезапную подавленность. Охваченный внезапным возбуждением, он продолжал рассуждать, теперь уже вслух:

— Такая система не могла находиться в ведении Министерства обороны. — Он сделал несколько шагов вдоль борта БМК и добавил: — Думаю, нам придется задержаться с отъездом из города.

— Ты считаешь, что бункер расположен здесь, на территории части? — вскинул голову Херберт.

— Нет, но я знаю подходящее место поблизости. Не забывай, Джон, что я сказал тебе о вероятном предназначении искомого комплекса. Повторяю: он ориентирован не на эскалацию боевых действий, а на спасение выживших людей, скорее всего путем их эвакуации на борт орбитальных станций и колониального транспорта «Россия».

— Я думал… — Херберт вдруг осекся, испугавшись сболтнуть лишнее, но его взгляд говорил сам за себя, отражая крайнюю степень смятения и растерянности.

— Что русские не сдаются? — с горькой иронией спросил Иван.

— Ну… да.

— Это верное утверждение, Джон, — кивнул лейтенант. — Но ваши средства массовой информации привыкли искажать некоторые понятия, подгоняя их под определенные штампы и тем самым доводя до степени абсурда.

Херберт подавленно кивнул. Отвернувшись, он смотрел вдаль, стараясь побороть внезапно накатившие чувства.

Все сейчас казалось нелепым, неправильным — и действительно

дрянная пропаганда, и недавний образ собственного мышления, который привел его в ряды агентов разведывательного управления…

Ему казалось, что он служит великой, могучей, справедливой стране, которая не алчет мирового господства, но пытается удержать мир на грани катастрофы, однако за всю свою бытность в НАСА Херберт ни разу не слышал о каких бы то ни было планах спасения тех, кто чудом сумеет выжить, если третья мировая все же опалит Землю. Было горько услышать от простого русского лейтенанта, что орбитальная группировка России направлена не против его страны, а нацелена к звездам…

Случилось то, чего никто не мог предвидеть, и это стало запоздалым уроком… Мог ли Херберт представить, что на Землю вдруг обрушится неведомый враг, а его самого станет спасать от неминуемой смерти едва знакомый русский офицер?

Старое мировоззрение рухнуло, а новое еще не пришло, не успело сформироваться…

— Пойдем, Джон, — прервал его мысли голос Лозина. — Нужно загрузить рационы выживания, воду и кое-что из ручного стрелкового оружия.

— Да, иду…

* * *

Они заканчивали погрузку, когда в небесах над военным городком появились два черных корабля пришельцев.

— Вот сволочи… — выругался Иван, глядя, как чужеродные аппараты беззвучно сбрасывают скорость, заходя в пологий вираж над приземистыми постройками. — Так и знал, что не дадут спокойно уйти. — Он бегом кинулся в сумеречные глубины огромного склада и вскоре вернулся, неся на плечах увесистый кофр. — Помоги, Джон. Осторожно.

— Что это?

— ЗРК «Сокол»[10], — лаконично ответил Иван, вскрывая пломбы на замках контейнера.

Внутри в пористом наполнителе была уложена пусковая труба, компьютерная система наведения и три реактивных снаряда, со снятыми, упакованными отдельно головными частями.

— Прикручивай. — Иван указал на конусообразные ГСН[11].

Джон быстро сообразил, что делать, и когда Лозин защелкнул последний фиксатор пусковой трубы, закрепив на ней основную систему захвата цели, первый реактивный снаряд уже был готов к пуску.

— Заряжай через тыльную часть! — приказал лейтенант, припав на одно колено.

Подле уха раздался характерный скользящий звук, потом щелчок вставших на места фиксаторов, и на электронном блоке управления комплексом вспыхнул изумрудный индикатор готовности.

— Посторонись, — процедил сквозь зубы Иван, глядя на миниатюрный дисплей вариатора целей. Визуально поймав медленно скользящий в небесах корабль пришельцев, он коснулся сенсора предварительной активации и вдруг почему-то замешкался, теряя драгоценные секунды.

Джон отошел в сторону, напряженно ожидая, что сейчас произойдет запуск, но Лозин, к его крайнему изумлению, внезапно оторвал взгляд от вариатора целей, затем осторожно приподнял комплекс, снял его с плеча и бережно положил на бетон.

— Не работает… — зло осведомил он Херберта.

— То есть… как?! — ошеломленно переспросил Джон.

— Молча, — огрызнулся лейтенант. — Компьютер не воспринимает их корабль как цель. Ему не за что зацепиться, — с досадой пояснил Иван, лихорадочно соображая, что предпринять в сложившейся ситуации.

— Нет, я не понимаю, — недоумевал Херберт. — Это же современный зенитный комплекс!

Иван внимательно следил за плавными перемещениями двух кораблей, одновременно отвечая на заданный Хербертом вопрос:

— Не работает система наведения. Эти штуки не излучают тепла, у них нет электромагнитного поля, компьютеру не за что зацепиться, даже лазерная подсветка не берет цель… Такое ощущение, что они сделаны из полимерных материалов, *поглощающих* лазерный луч, а заодно и тепловую часть спектра… — Иван, не удержавшись, выругался. — Разница температур между окружающей средой и чужим кораблем всего два градуса!.. — взглянув на застывшие показания электронной системы, с досадой сообщил он, продолжая лихорадочно размышлять над создавшимся положением. — Современный комплекс… — зло повторил Иван фразу Херберта. — Смотри, сколько вокруг ложных целей, — он жестом указал на металлические макеты боевой техники, от которых струилось знойное марево.

— Я понял… — подавленно ответил Джон, осознав, наконец, о чем толкует ему Лозин. Головные системы самонаведения реактивных снарядов были полностью компьютеризированы, человек после запуска уже не управлял траекторией полета «умной» боеголовки, а значит, корабли

Чужих, не излучающие, по словам Ивана, ни тепла, ни ярко выраженного электромагнитного поля, будут попросту проигнорированы снарядом «Сокола», который, в лучшем случае, перенацелится на один из раскаленных солнцем металлических макетов…

…За время их краткого диалога два инопланетных корабля завершили плавный вираж и повели себя очень странным образом — вместо того чтобы осуществить посадку, они стали медленно продвигаться над военным городком, притормаживая до полной остановки над каждым из зданий.

Лозин еще несколько секунд, прищурившись, смотрел на инородные корабли, а затем, без объяснений, метнулся назад к БМК.

Распахнув кормовой люк машины, он исчез внутри десантного отсека, куда они с Джоном перенесли изрядное количество стрелкового вооружения.

Херберт следил за ним лишь краем глаза — все внимание Джона поглощали два темных асимметричных контура. Он быстро сообразил, что корабли Чужих не просто так зависают над зданиями, они явно сканировали постройки, применяя при этом неизвестные системы обнаружения, работа которых не сопровождалась ни выделением тепла, ни каким-то иным излучением, иначе электроника ЗРК не расписалась бы в собственном бессилии.

Впрочем, компьютеру все равно, а вот Джон вновь испытывал в эти мгновенья отступившее было отчаяние. Злой оптимизм Ивана успел заразить его, но техника пришельцев оказалась настолько чуждой, что высокотехнологичная электронная составляющая реактивных комплексов вдруг превратилась из преимущества в помеху. Системы наведения ЗРК проектировались для борьбы с невидимыми глазу целями, движущимися на околозвуковых скоростях, а на поверку выходило, что реактивный снаряд, способный догнать и поразить сверхзвуковой истребитель, бессилен перед медленно перемещающимися кораблями пришельцев…

Пока он мучительно размышлял над этим, пытаясь предугадать, что произойдет, когда корабли Чужих доберутся до здания госпиталя, люк БМК вновь распахнулся, и из машины вылез Иван. В одной руке он держал короткую пусковую трубу, в другой матерчатый чехол, поделенный на три сегмента, в которых были упакованы обтекаемые корпуса реактивных снарядов, гораздо меньшего калибра и длины, чем стодвадцатимиллиметровая ракета комплекса «Сокол».

— Джон, возьми мой автомат и не отставай! — не тратя время на пояснения, приказал он, бегом рванувшись к чахлой поросли кустарника,

росшего на границе между основными постройками городка и заглубленными под землю складами.

Херберту ничего не оставалось, как последовать за ним.

Добежав до кустов, они одновременно присели под прикрытием их ветвей.

Иван уже расстегнул магнитные липучки и достал из чехла обтекаемый реактивный снаряд, на корпусе которого не было даже намека на электронные датчики систем самонаведения.

— Что это? — хрипло спросил Джон.

— А ты не знаешь? — отозвался Иван, заряжая пусковую трубу. — Слишком много вопросов, Джон.

— Я не профессиональный военный, — огрызнулся Херберт.

— Это ручной противотанковый гранатомет, сокращенно «РПГ-40М»… — Иван снял резиновую заглушку с прицела.

— Ты сумасшедший. Тут же нет никаких приспособлений для захвата воздушных целей.

— Поэтому они будут спокойно кружить у меня над головой? — язвительно поинтересовался лейтенант, изготавливаясь к выстрелу.

«РПГ-40», снятый с вооружения десять лет назад, считался морально устаревшей моделью — ручной противотанковый комплекс имел лишь визуальную систему наведения на цель, но в данной ситуации лишенный электроники реактивный снаряд, предназначенный для стрельбы прямой наводкой, получил неоспоримое преимущество перед любым высокотехнологичным аналогом.

Джон с трудом мог понять действия Лозина — его идолом давно стал компьютер, без участия которого

сложные операции казались немыслимыми, заранее обреченными на провал, но Ивана это, похоже, не трогало. Он был зол, но подобное внутреннее состояние только придавало сил. Если Херберт, глядя на побледневшее лицо лейтенанта, подумал в эти мгновенья о загадочной русской душе, то, скорее всего, он ошибался — решающую роль тут играли не национальные особенности склада мышления, которые принято обозначать термином «менталитет», а скорее степень психологической подготовки русского солдата.

Иван прошел суровую школу, усвоив среди жизненных уроков несколько непреложных истин. Во-первых, нет невыполнимых задач, есть люди, неспособные их решить. Во-вторых, при правильном осмыслении ситуации всегда найдутся адекватные меры борьбы с любым противником. И, наконец, в-третьих — никогда нельзя останавливаться на полпути.

Решил драться, значит, дерись, выкручивайся как угодно, но сделай — это были не его слова, но инструктор, который обучал Лозина сбивать воздушные и наземные цели из примитивных, по современным меркам, образцов оружия, на поверку оказался тысячу раз прав…

Череда лихорадочных, обрывочных мыслей вихрем промелькнула на периферии рассудка, в то время как глаза, разум уже слились с тонкой линией визирования цели.

«Поймай его в момент зависания…» — голос шел из глубин памяти, он походил на подсознательное нашептывание. — «Помни, что снаряд будет снижаться по баллистической траектории…»

Черный корабль плавно подлетел к расположенному неподалеку от госпиталя зданию и на секунду завис, сканируя постройку.

Иван слегка приподнял пусковую трубу, сместив линию визирования выше инопланетного корабля, и, задержав дыхание, коснулся сенсора запуска.

Раздался глухой хлопок, затем короткий протяжный вой, и неуправляемый противотанковый снаряд, сияя пламенем реактивной струи, зримым росчерком устремился к цели.

Еще секунда, и точно посередине вражеского корабля сверкнула ослепительная, режущая глаз вспышка, грохот разрыва прокатился над притихшим военным городком, сотрясая строения тяжкой судорогой ударной волны. Черный корабль вдруг начал разламываться, оседать, подминая под себя крышу двухэтажной казармы.

Иван перезарядил горячую, курящуюся сизым дымком пусковую трубу, но повторного выстрела не потребовалось — там, куда рухнул летательный аппарат Чужих, внезапно взъярился столб пламени… и в этот миг немого торжества они увидели второй корабль пришельцев.

Резко набирая высоту, он появился над крышами зданий и вдруг выпустил десяток ярко-вишневых лучей, которые полоснули по зарослям кустарника, с треском подрубая ветви и поджигая траву. Неприцельный лазерный залп лишь обдал жаром их лица, но половина кустарника была срезана будто ножом, в нескольких местах мгновенно занялся пожар, и Лозин резко отшвырнул перезаряженный «РПГ», принимая из рук Джона свой автомат.

— Уходим! Они засекли точку запуска!

Херберт метнулся вслед лейтенанту. Иван, умело маскируясь возникшей дымовой завесой, короткими перебежками устремился назад, к оставленной под прикрытием бетонного козырька боевой машине.

Повторяя его движения, Херберт не мог понять одного: почему Иван

бросил оказавшееся столь эффективным оружие посреди объятых пламенем кустов?

Они преодолели больше половины расстояния, отделявшего их от железобетонных укрытий, когда в районе оставленной ими позиции раздалось шипение, мгновенно превратившееся в короткий вой, и там один за другим грянули два взрыва, выметнув в лазурные небеса массы земли, перемешанной с горящими ветвями.

Корабль Чужих на минуту скрыла густая завеса дыма, а когда ветер отнес дым в сторону, то смысл рискованного маневра, который проделал Иван, мгновенно дошел до сознания Херберта.

Инопланетный корабль плавно удалялся, явно намереваясь совершить посадку на плацу военного городка. Два взрыва, прогремевших в точке запуска, очевидно, убедили Чужих, что огневая позиция противника поражена потоками когерентного излучения.

Джон, задыхаясь от быстрого бега и дыма, плотно застилающего окрестности, ощущал себя будто в полусне. Ему казалось, что все происходит не с ним. «Неужели нужно было так рисковать», — лихорадочно думал он, стараясь не упустить из виду спину лейтенанта, — «ведь неуправляемые ракеты могли не просто детонировать, а до этого пролететь некоторое расстояние…»

Впрочем, у него уже не осталось времени на какое-то осмысление стремительно развивающихся событий.

Забравшись вслед за Иваном в тускло освещенный десантный отсек БМК, Джон вопросительно посмотрел на лейтенанта, а Лозин вдруг усмехнулся в ответ и коротко приказал:

— В кабину управления, быстро. Они, похоже, решили высадить десант.

— И что?

— Забираем Настю, лейтенанта и уходим отсюда.

— А Чужие?

Иван уже сел в кресло водителя, не обращая внимания на подсохшую сукровицу, что выделялась на материале сидений розовыми разводами.

— Тебе не кажется, что мы с полудня только и занимаемся их уничтожением? — зло произнес он, активируя расположенные полукругом экраны внешнего обзора. — Перед тобой два целевых монитора, связанные с носовыми и башенным орудиями. Рядом два манипулятора ручной наводки, — выдал Иван краткую инструкцию, одновременно скользя пальцами по сенсорным раскладкам клавиатур. — Я ввел бортовой компьютер в режим автоматического огня, но не уповай на него,

неизвестно, какие еще системы стоят на вооружении Чужих. Если вдруг откажет электроника, огонь будешь вести ты с пульта ручного управления. — Иван завел двигатель и спросил: — Готов?

Джон сглотнул.

— Да.

— Тогда держись.

БМК рванула с места и устремилась сквозь плотные клубы дыма к приземистому зданию госпиталя.

* * *

Херберт не лгал Ивану, отвечая на последний вопрос, но он не представлял той степени потрясения, которое придется испытать ему минуту спустя.

Нередко в жизни человека возникают обстоятельства, требующие полного перерождения рассудка, когда все прошлое резко конфликтует с настоящим, и кажется, выхода нет, судьба приперла тебя к стенке, взяв в такой оборот, к какому не готовы ни душа, ни разум.

Именно такие перемены происходили в мироощущении Джона Херберта. Страшные по своей значимости события давно превысили порог его психической устойчивости, но сегодня, начиная с самого утра, они еще и спрессовались во времени, оставляя на здравые размышления ничтожные мгновенья…

Какое-то время он держался. Неожиданное пленение, встреча лицом к лицу с чужаками, физическая и моральная боль — все это заставило Джона прожить несколько часов в состоянии непрекращающегося стресса. Он дрался за свою жизнь, убивал, но потом, когда они с Иваном оказались у консервационных складов, наступила короткая пауза, и нервное напряжение вдруг сменилось оглушающей депрессией.

И вот события вновь сорвались в бешеном темпе, который, по сути, задавали уже не Чужие, а они сами…

Принять локальную победу оказалось так же тяжело, как и глобальное поражение.

Впрочем, времени на глубокий самоанализ у Херберта попросту не было — рванувшая с места БМК стремительно преодолела дымовую завесу, и Джон увидел, как со стороны пылающей казармы к зданию госпиталя движется цепь чужеродных существ, которых высадил второй корабль пришельцев.

Он не испугался — скорее оцепенел от неожиданности, но его мироощущение уже не играло никакой роли в развитии дальнейших

событий… по крайней мере, до той поры, пока работала автоматика бортового компьютера.

Лейтенант, не снижая скорости, заставил боевую машину вписаться в крутой поворот, выводя ее на прямой отрезок дороги, с обеих сторон зажатый зданиями казарм; фигуры Чужих угрожающе росли, множились на экранах обзора, мимо промелькнуло несколько лазерных лучей, и вдруг с явственной, ритмичной вибрацией заработали три автоматических орудия БМК…

Их звонкий, лающий звук, казалось, идет издалека, с трудом прорываясь через изоляцию герметичного корпуса, но Херберту на секунду почудилось, что он попал в ад…

Боевая машина резко покачнулась и внезапно застыла на одном месте, поливая шквальным огнем узкое пространство между двумя приземистыми зданиями.

Техногенная война, в представлении Джона, не предполагала ничего подобного, он привык к тому, что зона боевых действий является абстракцией, спроецированной на мониторы следящих систем, а сейчас на его глазах творилось нечто неописуемое, совершенно неадекватное укоренившемуся мировоззрению.

Разрывные снаряды прошивали задымленное пространство короткими трассами, оранжевые сполохи рвали тела Чужих, выгрызали асфальтовое покрытие, оставляя в нем глубокие воронки, осколки крошили пластиковую облицовку зданий, наполняя воздух воем и мелкой, острой щепой, — все это мелькало перед глазами, словно калейдоскоп отдельных, избирательно выхваченных сознанием картин…

Сквозь звонкую скороговорку работающих орудий он услышал голос Лозина, но не смог разобрать слов. Взгляд Херберта был прикован к двум целевым мониторам, где разворачивалось страшное, уничтожающее действо, которое казалось совершенно неуправляемым…

Опровергая эти субъективные ощущения, БМК вдруг с пробуксовкой попятилась назад — это Иван включил реверс двигателей, резко уводя машину из-под множественных разрядов когерентного излучения, хлынувших вдруг слепящими росчерками со стороны контрольно-пропускного пункта, над которым медленно поднимался темный контур корабля Чужих.

Несмотря на резкий маневр, несколько лучей все же задели машину, снаружи что-то взорвалось, ощутимо покачнув БМК; со стены соседнего здания, корчась, начал сползать целый пласт полимерной отделки, асфальт пузырился, вспухая вишневыми волдырями, — все это по-прежнему

спрессовывалось в краткие мгновенья реального времени, но рассудок Херберта уже втянулся в ритмику боя: ощущение шока отпускало, давая разуму возможность осмыслить стремительные события.

Контрольные мониторы немо свидетельствовали, что большинство Чужих уничтожено, но уцелевшие ксеноморфы демонстрировали завидное хладнокровие — они медленно отступали к прикрывающему их отход кораблю, грамотно укрываясь от бесноватого огня автоматических орудий.

— Не уйдете… — Рука Ивана рванулась к той части пульта, которой, по идее, должен был манипулировать Херберт. — У них есть собственная температура тела… я проверял, — отрывисто проговорил он, пробегая пальцами по сенсорным кнопкам.

На контрольных мониторах боевого компьютера, в результате вмешательства Лозина, внезапно появились строки текстовых сообщений:

Тип боеприпаса: «Дымовой».

Вид огня: «Заградительно-маскирующий».

«Переход на систему тепловидения. Одиночное распознавание целей».

Секундой позже носовые орудия БМК выстрелили двумя длинными очередями, и узкое пространство между зданиями тотчас заволокло молочно-белыми клубами дымовой завесы. Изображение на мониторах мгновенно сменилось: вместо реальной цветной картинки появился нежно-салатовый фон с угловатыми, мерцающими контурами утонувших в дыму строений и резкими, режущими глаз источниками изумрудного света, расположенными в тех местах, куда упали дымовые шашки.

Казалось, мир вдруг потонул в ватном саване, но это ощущение было обманчивым — ломая наступившую тишину, звонко ссыпались в специальный бункер горячие гильзы отстрелянного боекомплекта, с ноющим звуком привода повернулось башенное орудие, вторя ему, загудел эскалатор перезарядки, и Херберт, не отрывавший глаз от экранов, внезапно увидел, как на целевом мониторе прорезался мерцающий контур Чужого, который осторожно пробирался сквозь дым.

Короткая очередь башенного орудия располосовала экран зримой трассой ослепительно-зеленых росчерков, отшвырнув назад крадущуюся вдоль стены здания фигуру.

Расчет лейтенанта был безошибочным. Световое оружие Чужих оказалось заблокировано густой дымовой завесой, но для боевого компьютера БМК молочная пелена не являлась помехой — сенсоры систем тепловидения отслеживали слабые термальные всплески, и короткие очереди тут же били по ним, не оставляя чужакам ни единого шанса

прорваться сквозь растекшееся между зданиями молочно-белое облако.

Все закончилось меньше чем за минуту: башенное орудие БМК постоянно поворачивалось, отхаркиваясь короткими очередями в пять-шесть снарядов, пока из зоны действия сенсоров не исчез последний активный сигнал.

…

Сколько раз в течение этого долгого, жаркого дня ощущение победы сменялось ледяным предчувствием смерти?

Вряд ли Иван задумывался над этим, а уж Джон тем более…

Откинувшись на спинку водительского кресла, Лозин машинально отер крупные градины пота, выступившие на лбу…

Он хотел что-то сказать Херберту, но в этот миг над тающими клубами молочно-белой завесы вдруг появился бесшумно скользящий в небесах корабль Чужих.

Все системы БМК по-прежнему работали на полную мощность, но ни один сканер не зафиксировал асимметричный черный объект, поднявшийся над облаком дымовой завесы, лишь видеокамеры смогли передать на экраны обзора его изображение…

Иван не успел ни испугаться, ни толком оценить возникшую ситуацию, как по машине ударили несколько параллельно направленных лучей.

БМК содрогнулась, внутри сразу же стало невыносимо жарко, что-то загорелось в десантном отсеке, и там с шипением включились углекислотные огнетушители, изображение на мониторах внезапно «зависло», покрываясь мозаикой наложенных друг на друга кадров, тонко и тревожно взвыл ревун, и Херберт внезапно понял, что сейчас наступит конец.

Эта мысль заставила его окончательно очнуться от того оцепенения, в котором он пребывал в течение первых минут боя.

Жить хотелось — хоть кричи, но хриплый, сдавленный звук, не несущий членораздельного смысла, застрял в пересохшем горле…

Автоматические орудия БМК запоздало взвыли приводами, реагируя на видеоряд, но черный корабль уже находился вне зоны огня — он плавно скользил над дымящейся машиной, а секунду спустя бортовой компьютер окончательно «завис»…

В кабине один за другим гасли экраны, Иван что-то лихорадочно переключал на пульте, пытаясь вернуть БМК в режим ручного управления, но исход этой страшной минуты предрешил Херберт.

— Куда?! — заорал Лозин, увидев, как Джон вскочил с кресла, но тот

будто не слышал его. Отмахнувшись, он исчез в залитом красным светом аварийных ламп десантном отсеке.

Попытка выскочить из БМК граничила с самоубийством, но лейтенант, тщетно пытавшийся сдвинуть заклинившие приводы ручного управления, внезапно услышал, как вместо чавкающего хлопка кормового люка в десантном отсеке прозвучали отчетливые скребущие звуки, и понял, что Херберт взбирается по лестнице в орудийную башню.

В этот миг приводы наконец тронулись с мертвой точки, заработал аварийный источник питания, и на пульте перед лейтенантом осветился резервный экран обзора.

Крохотный зрачок внешней видеокамеры повернулся в гнезде, отслеживая противника, и Лозин увидел медленно скользящий в небесах черный корабль, который плавно разворачивался для повторного залпа.

Угол съемки был неудачным, половину изображения занимал укрупненный фрагмент орудийной башни, но досадовать было поздно, нужно как-то уводить машину из-под губительного залпа…

Лозин едва успел подумать об этом, как корпус боевой машины передал тонкую, едва ощутимую вибрацию, в которой лейтенант мгновенно распознал работу электропривода, и на фоне укрупненного фрагмента орудийной башни вдруг появилось отчетливое изображение разворачивающихся в сторону чужого корабля спаренных стволов зенитной установки, приводы которой питались от автономных аккумуляторных источников.

Иван не слышал грохота выстрелов — он *видел*, как ритмично задрожали стволы, изрыгая длинные хоботки оранжевого пламени, тугие снарядные трассы хлестнули по чуждому кораблю; вниз посыпались бесформенные осколки черной брони, и асимметричный летательный аппарат вдруг начал крениться на один борт, теряя Управление.

Секунда тишины сменилась новой очередью — снарядные трассы хлестали по врагу, невзирая на явный крен и стремительное снижение последнего, словно спаренные стволы зенитной установки извергали в этот момент не огонь, а человеческий страх, ненависть, боль…

— Джон!.. Хватит, Джон, ты сбил его!.. — Голос Лозина был едва слышен из-за ритмичного грохота непрекращающейся очереди, и Херберт вряд ли воспринимал его: скорчившись в неудобной позе внутри орудийной башни, он провожал ненавидящим взглядом чужой корабль, машинально отклоняя манипуляторы ручной наводки в ту сторону, куда стремительно снижалась черная громада.

Еще секунда, и угол наклона стволов опустился до уровня крыш,

несколько снарядов взорвали полимерную черепицу, рассыпая ее веером осколков, и вдруг все стихло: в коробчатых кофрах закончился боекомплект…

Лейтенант встал с кресла и, выйдя в десантный отсек, полез по вертикальной лестнице в тесное помещение орудийной башни.

…Джон, бледный как полотно, сидел на корточках подле вспомогательного пульта управления огнем, в его расширенных зрачках медленно проступало осмысленное выражение. Во рту он чувствовал железистый привкус крови, в ушах стоял звон, но даже эти ошеломляющие ощущения не могли полностью переключить разум Херберта на окружающую реальность: он не воспринимал ни запаха дыма, сочащегося из пораженного лазерными лучами десантного отсека, ни обращенных к нему слов Ивана, пока в полукилометре от военного городка землю не поколебал ощутимый толчок, вслед за которым грянул взрыв…

— Все… — едва шевельнув губами, выдохнул Херберт и вдруг почувствовал, как режет грудь болезненным спазмом, будто он не дышал на протяжении последних минут.

Обернувшись, он наконец посмотрел на Лозина, потом, ни слова не говоря, заставил свои онемевшие пальцы разжаться, отпустив джойстики ручного управления огнем, и, пошатнувшись, встал.

Это была война…

Не та война, которую еще недавно рисовало его воображение.

У каждого человека есть свои незыблемые, воспитанные с детства понятия, включающие в себя целую систему моральных ценностей, некую почву под ногами, на которой строится все мироощущение личности.

Херберт потерял эту почву в тот день, когда на Землю обрушилась катастрофа, он утратил свою страну и все связанные с ней идеалы, ему пришлось скитаться на территории, которую он с детства считал вражеской, его спасали люди, против которых он совсем недавно работал, — все это шло вразрез с осознанным прошлым, под ногами разверзлась пропасть, он долго и мучительно падал в нее и вот, похоже, достиг ее дна.

Один стресс сменялся другим, и на фоне изматывающего морального напряжения он вдруг ощутил, что борется вопреки всему, а рядом с ним есть люди, чье плечо он постоянно ощущает в этой борьбе…

…До обоняния Херберта наконец дошел кисловатый запах оплавившегося пластика и сгоревшей проводки. Его дыхание уже успокоилось, шум в ушах постепенно исчез, и Джон осмотрелся по сторонам с таким выражением, будто только что родился на свет.

Зависшее изображение на контрольных мониторах орудийной башни, пустое кресло, осунувшееся лицо Лозина, несколько тревожных сиротливых огней на приборных панелях…

— Жить будем, Джон, — произнес лейтенант, дружески хлопнув его по плечу. — А ты здорово сработал.

Губы Херберта тронула слабая улыбка.

Сегодня они вдвоем заглянули в глаза собственной смерти, и это уже не забудется никогда, как никогда не вернется в сознание та чушь, что твердили ему про русских.

Они отбили первую серьезную атаку Чужих, но оба понимали, что очаг напряженности уже создан, место событий известно, а значит, следует ждать нового, теперь уже массированного налета. Поведение чужаков ясно показывало, что они не терпят противления и будут давить любую попытку противодействия в самом зародыше.

…Когда они вернулись в кабину, дымовая завеса уже полностью рассеялась, и Иван, манипулируя ручным управлением, развернул БМК, направив ее к зданию госпиталя.

— Забираем Настю и Логинова, а потом двигаем отсюда, — сказал он. — Нужно взять тайм-аут, затаиться на время, иначе они найдут способ стереть нас в порошок.

Джон кивнул.

Все было понятно и без слов…

* * *

Долгий, кровавый, жаркий день медленно клонился к закату…

Обещая прохладу, тихо подкрадывались сумерки, хотелось верить, что все уже позади и на сегодня смерть окончила свою безумную пляску…

Могут ли в такие дни рождаться какие-то иные, не связанные со смертью и ненавистью чувства?

БМК подкатила к крыльцу госпиталя и остановилась.

…

Настя встретила их у дверей. Ее лицо совершенно осунулось, черты заострились, будто она не спала несколько суток. Рядом с ней стоял Дима Логинов с автоматом в руках, за ними, на ступенях, высились поставленные друг на друга контейнеры.

Иван открыл люк и выбрался на лобовой скат брони.

Настя, не отрываясь, смотрела на лейтенанта, и в ее глазах предательски блестели слезы.

— Хоороошаая раабоота, Иваан… — немного растягивая слова и

заикаясь, произнес Логинов, раскрывая объятия.

— Ну, как ты, Дым? — Лозин похлопал его по спине.

— Вв поорядкее… Гооворииить ттрудноо…

— Тогда молчи. Главное, мы вместе. Остальное утрясется.

— Я ээтиих суук давить бууду…

— Здесь уже некого, — успокоил его лейтенант. — Потом поговорим. Сейчас надо убираться отсюда. — Он обернулся, отыскал глазами Настю, которая отчего-то стояла в стороне, не решаясь подойти.

— Испугалась? — спросил он, поднимаясь по ступенькам, и вдруг понял, что она беззвучно плачет.

Острая боль вдруг скомкала сердце.

— Ну, успокойся… — Иван обнял ее, и Настя с облегчением прильнула к нему, стараясь унять струящиеся по щекам слезы.

— Я думала, вам конец… — всхлипнула она, глядя поверх его плеча на боевую машину, с которой была сорвана часть активной брони, а на обнажившихся участках корпуса четко просматривались глубокие шрамы лазерных ожогов.

— Ладно тебе… — Иван еще не отошел от горячки боя, его душа, заблудившаяся в смертельном танце разрывов, с трудом находила дорогу назад, а Настя и не требовала чего-то особенного — просто, прильнув к нему, вдыхала пряный весенний воздух, разбавленный запахом мужского пота и прогорклого дыма, ощущая в этот момент, что не было в ее жизни более острого чувства, чем это, возникшее здесь и сейчас…

Она понимала, что нужно ехать, но как не хотелось даже пошевелиться, чтобы не разрушить внезапно подкативший к самому горлу сладкий, удушливый ком…

Секунды тишины нарушил Логинов.

Он молча подхватил пару контейнеров с медицинским оборудованием и понес их к кормовому люку БМК, Джон, помедлив, последовал за ним, и Настя со вздохом отстранилась от Ивана, украдкой заглянув в его выцветшие от усталости и напряжения глаза.

Не лучшее время и место для вспышки чувств, но разве она могла что-то поделать с собой?..

— Пойдем… — тихо произнесла девушка.

Иван кивнул, ничего не ответив. Секунды внезапного забвения прошли, отхлынули, будто волна… вновь вернулось острое беспокойство, сознание нашептывало: «Надо уходить…»

…

Пока они носили контейнеры с медицинским оборудованием и

расходными материалами, Логинов забрался внутрь БМК. Через минуту его голова и плечи появились в открытом люке.

— Главный интерфейс поврежден, — произнес он. Дима говорил медленно и потому почти не заикался. — Я подключил резервную линию.

— Добро. — Иван на секунду задумался, а потом добавил: — Дима, мы уже не можем полагаться на электронику в той мере, как раньше. Пойдем на ручном управлении, я займу место водителя, со мной Настя, Джон в орудийной башне, ты в десантном отсеке.

Логинов кивнул, соглашаясь.

— Активная… броня… — Он указал на фрагменты вырванных микровзрывами сегментов. — Может, снять?

Мысль была верной, но время поджимало, и Иван лишь отрицательно покачал головой:

— Некогда. Все изменения произведем позже.

— К-куда мы поедем?

— Сейчас заскочим к техническим боксам, я заложу взрывчатку во вторую БМК, а потом прямиком на базу МЧС. — Лозин посмотрел на медленно сереющие небеса и добавил: — Все, по местам.

* * *

Выехав за ворота части, Иван направил боевую машину к противоположной окраине города.

Наступал период белых ночей, затянувшиеся сумерки никак не желали переходить во мрак, и от этого небо казалось серым, выцветшим, а неосвещенные, безлюдные улицы походили на угрюмые ущелья…

— Ты знаешь дорогу? — спросила Настя, когда Иван коротко поделился с ней своими соображениями.

Он кивнул:

— Я однажды уже бывал там. Это недалеко от городской черты. База расположена в небольшом лесу на берегу озера.

— Не слишком ли все просто? — усомнилась Настя.

— Нет, — отрицательно качнул головой Иван. — Конечно, гарантировать, что под расположением базы находится бункер, я не могу, но есть один веский аргумент, который следует проверить. — Он на минуту умолк, сворачивая на перекрестке, а затем пояснил: — Когда мы с Джоном обсуждали проблему «резерва», я сразу вспомнил, как ездил туда по делам прошлым летом. Мне еще тогда показалось странным, что региональный центр Министерства по чрезвычайным ситуациям расположен не в крупном городе, а тут, на периферии, да к тому же в лесу.

— Да, странно… — согласилась Настя. — Ты прав, ведь по определению столицей Северо-Западного региона является Санкт-Петербург…

— Вот и я подумал об этом. Конечно, при современном уровне технологий связи координирующий центр может располагаться где угодно, но в нашем случае вступает в игру иная логика.

— Ты считаешь, базу перенесли на периферию, чтобы уберечь ее в случае внезапной войны?

— Да. Подальше от крупных городов, промышленных центров, которые при начале боевых действий автоматически становятся «целями номер один», — кивнув, ответил Иван. — Только такая логика согласуется с моими предположениями об истинном предназначении «резерва». Впрочем, гадать осталось недолго… Еще километров пятнадцать, и мы будем на месте.

Пока они говорили, БМК продолжала двигаться по захламленным улицам. Обзорные экраны демонстрировали обезлюдевший, изменившийся до полной неузнаваемости город: везде, куда ни посмотри, взгляд находил свидетельства внезапно обрушившейся катастрофы.

Закопченные оконные проемы многоэтажек, оборванные линии электропередачи, обугленные остовы машин, оттаявшие из-под снега полуразложившиеся человеческие тела — все это низводило разум до состояния острой шоковой ненависти к тем существам, что вторглись на Землю, превратив цветущие города в мрачные кладбища.

Только позолоченные купола собора, расположенного на территории древнего кремля, не пострадали в момент катастрофического удара, будто их хранила от разрушительных потрясений неведомая сила…

…Спустя десять минут БМК беспрепятственно выехала на противоположную окраину города и свернула на асфальтированное шоссе, идущее вдоль реки.

Опять по правую сторону потянулись невспаханные поля, над ними царил естественный холм, на вершине которого возвышалась многометровая скульптурная группа, изображавшая князя Александра Невского с воинством. Памятник был установлен в честь победы русского оружия во время Ледового побоища…

Иван, мельком взглянув на скульптурную группу, вдруг вспомнил древний кремль и слова, принадлежавшие князю Александру, увековеченные на, огромном символическом щите, укрепленном на стене у главных ворот:

«Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет».

«Проще ли им было восемьсот лет назад, когда сошлись собранные под знаменами князя ополченцы с рыцарями Тевтонского ордена?» — вскользь подумал он, сворачивая в сторону на очередной развязке.

Теперь БМК ехала по ровной открытой местности, справа тянулись бесконечные поля, и лишь слева темнела узкая полоска леса, за которой пряталась озерная гладь.

Дорога была тупиковой, она оканчивалась в небольшой деревне на берегу озера, и Иван, знакомый с этой местностью, свернул на ближайший проселок, уводящий к протянувшемуся вдоль берега лесному массиву.

Под сенью сосен они почувствовали себя в некоторой безопасности, хотя, скорее всего, это являлось лишь субъективным ощущением.

Наконец впереди показался бетонный забор базы МЧС.

Лесная дорога упиралась в плотно сомкнутые металлические ворота, и Лозин, не раздумывая, продавил их мощным бронированным лобовым скатом боевой машины. Протяжный скрежет металла завершился глухим хлопком, когда створы, не выдержав, рухнули, открыв въезд на территорию координирующего центра Северо-Западного отделения МЧС России.

Вырулив на центральную асфальтированную площадку комплекса, Иван загнал машину под навес, с таким расчетом, чтобы система компьютерного слежения могла свободно сканировать горизонт со стороны города.

— Дима, Настя, остаетесь здесь, мы с Джоном попробуем отыскать вход в бункер. Если в небе появятся корабли Чужих, не обнаруживайте себя, — навес имеет металлическую кровлю, возможно, они воспримут БМК как часть конструкции.

— Рвать их надо… — раздался из десантного отсека голос Логинова.

— Успеем, Дима… Думаю, на наш век войны хватит с избытком… — ответил ему Иван. — Здесь нам лучше отработать по-тихому, тогда и уходить будет проще.

— Ладно… — скрепя сердце согласился Дым. — Буду мотать нервы на кулак, если что.

— Пошли, Джон.

* * *

Первое, что ощутил Иван, выбравшись из БМК, был острый запах хвои, смешанный с ароматами лесной свежести…

«Будто и не было ничего…» — подумалось ему, когда взгляд скользнул по морщинистой коре вековых сосен, растущих прямо на территории базы. Однако стоило взглянуть на многочисленные

приземистые постройки, и ощущение умиротворенности тут же улетучилось: здесь, как и в городе, бушевал пожар, который выжег здания изнутри, оставив от них лишь закопченные коробки. Огонь не сумел перекинуться на окружающие деревья лишь благодаря тому, что катастрофические события происходили зимой, когда на разлапистых ветвях сосен лежали шапки снега, а траву и мох надежно укрывали сугробы.

…В течение часа Иван с Джоном одну за другой осматривали выгоревшие дотла постройки.

Еще одно испытание для измотанной психики, но выбора не оставалось, и они молча переходили от здания к зданию, не разговаривая, толком не представляя, что именно следует обнаружить меж обугленных стен, сгоревшей аппаратуры и превратившихся в золу человеческих останков…

…Удача улыбнулась им, когда оба уже отчаялись, вконец обессилев и физически, и морально.

На самых задворках обширной, огороженной бетонным забором территории Херберт обнаружил стоящее особняком небольшое строение без окон, похожее по размерам на заурядную трансформаторную будку.

— Иван, я, кажется, нашел… — произнес он в коммуникатор. — Тут маленькое здание. На нем нет никаких следов пожара…

— Иду.

…

Обнаруженное Хербертом строение действительно выглядело необычно: глухая, цельнолитая бетонная коробка двух метров в высоту с единственной металлической дверью. К «зданию» не подходило никаких коммуникаций, его дверь, выкрашенная в серый цвет, сливалась с фоном бетонной стены, а единственными деталями, на которых мог задержаться взгляд, были незамысловатая дверная ручка и прикрытая металлической накладкой замочная скважина.

Лозин подергал дверь, убедился, что она заперта, и сказал Херберту:

— Отойди.

Искать ключи было бессмысленно, и лейтенант выпустил в район замка короткую автоматную очередь.

Нервно взвизгнули срикошетившие пули, серая краска в местах попаданий отлетела, но металл выдержал, покрывшись блестящими оспинами.

Лозин коснулся одного из продавленных пулями углублений и, обернувшись к Джону, произнес:

— Нержавеющий сплав.

Легированная сталь и бетон — что, кроме них, может простоять века, не разрушаясь под воздействием внешней среды? Еще не проникнув внутрь, Иван почувствовал, что это невзрачное строение отнюдь не заурядная подсобка…

«Наверняка и замок выполнен из нержавейки», — подумал он, вновь вскидывая автомат.

Только после третьей выпущенной в район замка очереди металлическая дверь внезапно приоткрылась, легко повернувшись на петлях.

Внутри оказалось пустое квадратное помещение с наглухо вмурованным в потолок осветительным плафоном.

— Почему он не сгорел или не лопнул, как остальные приборы? — спросил Джон, разглядывая выпуклый плафон.

— Потому что бункер был обесточен сразу после его постройки, — ответил Иван, уже не сомневаясь, что перед ними вход в систему подземных коммуникаций. — Думаю, что он вообще не связан с внешним миром, ни линиями электропередачи, ни кабельными системами связи.

— Настя, Дима, как там у вас? — спросил Лозин, жестом обращая внимание Херберта на прямоугольный люк, расположенный в углу пустого помещения.

— Все в порядке, Иван, — раздался в коммуникаторе голос Насти. — Вы что-нибудь нашли?

— Да, — коротко ответил Лозин, с усилием поднимая массивную крышку люка. — Хочу предупредить, что связь с нами может на некоторое время оборваться.

— Поняла. Будем ждать.

— Добро. — Иван зафиксировал металлическую плиту в открытом положении и обернулся к Херберту. — Включи фонарь, — попросил он.

* * *

Вертикальная шахта уводила на неведомую глубину, по крайней мере луч фонаря не доставал до ее дна, высвечивая из темноты лишь узкие стены бетонного колодца да длинную череду покрытых пластиком скоб.

Иван первым полез вниз.

Минут пять они спускались в глухой тишине, которую нарушало лишь их собственное дыхание да шорох подошв о скобы.

Наконец вертикальный колодец окончился, теперь они стояли в квадратном тамбуре размером два на два метра. В его стенах располагались

массивные двери, открывающиеся при помощи ручного привода.

— Посвети. — Иван указал на стену, где были нанесены поясняющие надписи.

— Ага, направо склады, а налево центр управления. Значит, нам сюда. — Он взялся за покрытый пенорезиной штурвал и начал откручивать его, вращая против часовой стрелки.

Многотонная дверь безропотно поддалась его усилиям, постепенно приоткрываясь. Когда зазор между мощной рамой и многотонной плитой достиг полуметра, Иван отпустил штурвал и первым шагнул во мрак.

Протиснувшись вслед за ним, Джон направил свет фонаря в глубины открывшегося коридора, по обе стороны которого располагались менее массивные, но тем не менее очень прочные двери, выполненные из того же нержавеющего сплава.

На каждой из них имелись поясняющие надписи, которые Лозин читал, медленно продвигаясь по коридору.

— Что ты ищешь? — наконец, не выдержав, спросил Джон.

— Сейчас увидишь. — Иван повел лучом фонаря, высвечивая очередную поясняющую надпись: «Электрогенераторная».

Войдя внутрь обозначенного помещения, оба остановились в явном замешательстве.

Херберт ожидал увидеть огромный зал с пультами управления, предназначенными для активации погашенного ядерного реактора, но быстро понял, что ошибся, впрочем, так же, как Лозин, который рассчитывал встретить тут более простую систему типа водородного двигателя… но на самом деле в помещении располагалось лишь несколько мощных труб с перекрытыми в данный момент задвижками.

Прочитав в свете фонаря нанесенные прямо на поверхность трубопроводов инструкции, Лозин понимающе кивнул и пояснил, обернувшись к Херберту:

— Просто, как все гениальное. Рядом с нами озеро, мы сейчас находимся намного ниже его уровня. Эти задвижки открывают доступ воды к турбинам электрогенераторов.

— Гидроэлектростанция? — изумился Херберт.

— Да, но миниатюрная. Вырабатываемой мощности хватит лишь на источники потребления внутри самого комплекса.

Следуя инструкции, Иван одну за другой открыл задвижки на трех трубопроводах, и они с Хербертом действительно услышали сначала бульканье, а затем плеск воды.

Прошло несколько минут, и под потолком помещения вдруг начал

разгораться тусклый свет, источаемый двумя вмурованными в потолок плафонами.

— Отлично, теперь двигаемся дальше. Нужно отыскать компьютерный центр и проверить, насколько справедливы мои предположения, — не скрывая радостного возбуждения, произнес лейтенант.

* * *

Теперь, при наличии освещения, они без проблем обнаружили нужную им дверь.

Все электрозамки, заработавшие, как только в автономную электросеть бункера начал поступать ток, открывались простым нажатием расположенных у дверей кнопок, хотя рядом в стене располагались более изощренные системы доступа, снабженные окошками сканеров.

Видя растущее недоумение Херберта, Иван объяснил ему свое понимание ситуации:

— Джон, этот бункер, как я и полагал, проектировался на случай глобальной катастрофы, и его создатели не могли предугадать заранее, кто придет сюда — простой человек, обладающий средним уровнем технических знаний, высококвалифицированный специалист или же вообще кто-то из далеких потомков случайно выживших людей. Ты должен наконец понять — это не военный объект, а *убежище*, где мог бы найти спасение любой уцелевший после тотальной катастрофы. Поэтому здесь все функционально, примитивно, но, как ты видишь, в конструкцию заложены и продвинутые системы, которые может включить только специалист соответствующего уровня. По сути, паролем доступа служат знания. Если ты не имеешь понятия о том, что такое компьютер, то не сможешь манипулировать кибернетическими системами, и они останутся безжизненными, — с этими словами Лозин открыл двери компьютерного центра и шагнул внутрь просторного помещения, оборудованного по последнему слову техники.

Херберт молча присоединился к нему.

Некоторое время они стояли посреди внушительного зала, пытаясь на взгляд определить предназначение возвышающихся вдоль закругленных стен компьютерных терминалов, пультов управления и контроля, пока Джон не нарушил гулкую тишину помещения:

— Очень похоже на центр управления полетами в Хьюстоне… — произнес он, глядя на плотно состыкованные друг с другом панели плазменных мониторов, образующих полусферический свод зала.

Несомненно, такое конструктивное решение означало, что на экраны при помощи спутников проецировалась карта звездной полусферы, с отображением динамики всех объектов, находящихся в зоне низких и высоких орбит.

Чуть в стороне, у отдельного скопления аппаратуры, на высоту двух метров от пола поднимались три прозрачных планшета. На один была нанесена контурная карта России, а два других отображали всю поверхность Земли, развернутую в виде полушарий и плоской сегментированной карты.

Еще одним, явно обособленным постом управления, являлся расположенный в центре зала овальный стол, окруженный комфортабельными креслами. Над поверхностью толстой матовой столешницы, которая при ближайшем рассмотрении оказалась отключенным в данный момент огромным плоским экраном, с одного из закругляющихся торцов выступала прямоугольная подставка с панелью, сплошь покрытой заглушками, предохраняющими от влаги и пыли разъемы соединительных гнезд, явно предназначенных для подключения к ним переносного компьютера.

Очевидно, подключение ноутбука, содержащего строго определенное программное обеспечение, вызывало активацию всего комплекса.

— Что будем делать, Иван? — ощущая некоторую нервозность момента, спросил Херберт.

— Думать, — ответил ему Лозин, направляясь к дальней стене зала, где за дымчатым стеклом угадывалось наличие какой-то ниши.

Он не ошибся, там действительно находился встроенный в стену стеллаж, а на нем лежали два портативных компьютера. На пломбе, опечатывающей створки, стояла дата: декабрь 2054 года. Для Лозина наличие пломбы и выдавленные на ней римские цифры говорили о том, что базы данных, заложенные в память ноутбуков, периодически обновлялись, и в последний раз подобная процедура происходила менее полугода назад, как раз накануне вторжения Чужих.

— О чем думать, Иван? — нарушил ход его мыслей голос Джона, который подошел к овальному столу и сел в одно из кресел. — Перед нами та самая резервная система контроля над орбитальными группировками спутников!

— Разумеется, — ответил Лозин, усаживаясь в кресло напротив. — Ты сможешь дать точный прогноз: как поведет себя автоматический комплекс после его активации? — спросил он, облокотившись о матовую поверхность огромного монитора.

Джон нахмурился, медля с ответом.

— Пожалуй, нет… — обведя взглядом два десятка пустующих рабочих мест, признал Херберт.

— Тогда чего мы добьемся необдуманными действиями? Обнаружим себя, когда автоматические системы поднимут антенны спутниковой связи и начнут обмен данными с орбитальными группировками?

— То есть ты против активации? — напрямую спросил Херберт.

— В данной ситуации против, — кивнул Иван. — Мы нашли бункер, запустили систему электроснабжения, и, на мой взгляд, пока этого достаточно. Комплекс не должен проявлять себя, пока мы не разобрались в предназначении всех его функций. Не забывай — сегодняшние события надолго привлекли внимание Чужих к этому региону…

— Будем прятаться? — с нотками неудовлетворенности в голосе проронил Джон.

— До поры, — успокоил его Иван. — Лучшего убежища нам не найти — здесь наверняка есть биологические лаборатории, жилой комплекс и неприкосновенный запас провизии. Лейтенант Логинов поможет тебе разобраться в предназначении отдельных постов этого зала. Вы будете действовать крайне осторожно, ни под каким видом не обнаруживая активности, выходящей за рамки этого зала. Тем временем Настя подготовит медицинские модули убежища, для проведения необходимых операций по биологической защите от воздействия чужой микрофлоры.

— А ты? — спросил Джон, нервно барабаня пальцами по краю толстой столешницы.

— Я ненадолго покину вас, — ответил лейтенант, который уже принял решение. — Во-первых, ты хотел получить назад свой ноутбук, а во-вторых, мне необходимо проверить ту заброшенную ракетную базу…

— Почему ты хочешь действовать один?

— Потому что отныне у каждого из нас есть свой фронт работ, оборудование и надежное убежище. Будем считать, что нам крупно повезло, и теперь необходимо с максимальной отдачей использовать те преимущества, что предлагает найденный комплекс. Я не компьютерный техник и не биолог, поэтому займусь поиском выживших.

— Иван, я понимаю твою логику, но…

— Джон, если ты понимаешь, то не упрямься. В одиночку мне будет легче справиться с задачей, а ты нужен здесь. Поэтому давай прекратим пустые прения и займемся каждый своим делом. Добро?

Херберт тяжело вздохнул. С доводами лейтенанта не поспоришь, но остатки злой эйфории, резкий переход от ожидания неизбежной смерти к

торжеству маленькой личной победы все еще не развеялись в его душе…

— Все, Джон, будем считать, что вопрос решен, — произнес Иван, вставая с кресла. — У нас имеется лишь одна попытка коренным образом повлиять на ситуацию, и ты должен наконец понять, что компьютеры — это не панацея и не всесильное оружие, а всего лишь уязвимое техническое средство для достижения цели. Прежде чем включить их, мы должны иметь ясное, недвусмысленное понимание происходящего вот тут, — Лозин выразительно постучал себя костяшками пальцев по лбу.

— Хорошо, Иван. Я буду подчиняться тебе.

— Нет, Джон, ты должен подчиняться не столько мне, сколько собственному разуму. У тебя будет время, чтобы подумать и прийти к тем же выводам: шарахнуть парой ракет по скоплениям Чужих — это не решение проблемы, а лишь один из способов самоубийства. А нам нужна *глобальная* победа. В этом вся сложность.

Глава 5

Лесной массив неподалеку от военного городка. Сутки спустя…

Иван покинул базу МЧС ранним утром следующего дня.

С Настей они попрощались внизу, расставание вышло сдержанным, натянутым — за чередой неотложных ежеминутных проблем, связанных с осмотром подземных коммуникаций и реанимацией части оборудования, у них так и не было возможности побыть наедине… До выхода его провожал Логинов.

— Может, возьмешь БМК, командир? — спросил он.

— Нет, — ответил ему Лозин. — Машина останется здесь. Нужно исправить повреждения и подготовить ее к предстоящим действиям. Подумай над этим, Дым, и не забывай контролировать Джона, чтобы он не натворил дел с компьютерами.

— За это не беспокойся. Справлюсь.

Они крепко обнялись.

…

Направляясь к городу, Лозин невольно вслушивался — не прогремит ли в отдалении взрыв, свидетельствующий, что Чужие вернулись на территорию части и пытаются добраться до второй БМК, но на всем протяжении пятнадцатикилометрового пути его окружали лишь мирные звуки пробудившейся природы.

Ни одного черного корабля не появилось в ясных лазурных небесах, хотя лейтенант постоянно следил за горизонтом.

Соблазн забрать вторую планетарную машину был велик, но, соизмерив степень риска, он отставил эту мысль.

«В крайнем случае, воспользуюсь подручным транспортным средством», — рассудил Иван. — «Сначала надо забрать ноутбук Джона и освободить Бита».

…Город он обошел стороной, двигаясь по территории промышленных окраин, наиболее пострадавших от цепной реакции техногенных катастроф, вызванных электроразрядными ударами трехмесячной давности.

Картины тотальных разрушений, которые ему пришлось наблюдать на этом отрезке пути, жутким образом воздействовали на разум, но Иван по мере сил сопротивлялся растущему внутри глухому чувству, состоявшему

из смеси отчаяния и ненависти. Это была крайне трудная наука — поставить себя выше обстоятельств, осознавая их непоправимость, но не отдать при этом душу на растерзание губительным порывам ненависти.

Сострадать, не совершая спонтанных, безумных поступков, продиктованных всплеском неконтролируемых эмоций, мог далеко не каждый — недаром бойцов, прошедших «горячие точки», при отборе в космический десант подвергали жестким психологическим тестам, одобряя либо отвергая кандидатуры исключительно *по совокупности* моральных и профессиональных качеств.

Среди подчиненных и сослуживцев Лозина было много парней с железными нервами, но с истощенными, сгоревшими на войне душами, и они, как правило, не проходили отбор.

Со стороны это казалось странным и обидным, но комиссия не делилась с респондентами своими выводами, им только объявляли — годен или нет, не объясняя причин и не вступая в прения с недовольными.

Сейчас Иван с особенной остротой понимал смысл тех тестов: психологи, отвечавшие за укомплектование первых экипажей космических кораблей, искали золотую середину. Им не годились люди со слабой психикой, но и железная воля, при потере *человечности*, так же ставила жирный крест на кандидатуре.

Вечный конфликт между самоконтролем и состраданием, разумом и чувствами…

В итоге в космодесант попали лишь те, чья душа, пусть и покалеченная войной, сумела вернуться под власть рассудка, познав темную сторону жизни, но не утратив при этом своей светлой составляющей.

Внешне таких, как Лозин, можно было счесть нелюдимыми, замкнутыми в себе циниками, но на самом деле все обстояло иначе. Если они любили, то глубоко, верно, если дрались, то до конца, ну а что касается повседневной жизни, то здесь главную скрипку играл разум, отсекая ненужные, бесполезные контакты и, тем самым, предотвращая возникновение конфликтных ситуаций, — если человек тебе неприятен или неинтересен, то нет смысла вступать с ним в перебранку или пытаться переделать чужую душу.

Впрочем, данная жизненная философия, подспудно готовившая отобранный контингент к длительному полету в замкнутом пространстве космического корабля и непредсказуемым испытаниям по ту сторону бесконечности, лишь отчасти помогала сейчас лейтенанту не сойти с ума от открывавшихся взору картин.

Чуждая реальность сама пришла на Землю, в наихудшей из ипостасей, и никакая подготовка не могла выработать моральный иммунитет, который защитил бы разум от повторяющихся на протяжении многих километров застывших немых сцен внезапно и бессмысленно прерванной жизни.

Сотни, тысячи ничего не подозревавших, невинных жертв орбитального удара, казалось, вопиют о возмездии. Среди закопченных руин промышленных комплексов Ивану все чаще попадались разлагающиеся человеческие тела… В некоторые моменты ему начинало чудиться, что он бредет сквозь нескончаемый кошмар затянувшегося сна, и в такие минуты лейтенант не мог объяснить самому себе, почему он направился к цели именно через зону руин, а не обошел стороной очаг катастрофы?

Разум впитывал страшные картины, что-то вновь надрывалось в душе, порождая непонимание, неприятие крайней формы жестокости, которую продемонстрировал чуждый разум…

Зачем?

Какая причина толкнула Чужих на массовое убийство? Чего они пытались добиться варварским актом орбитального удара? Расчистить себе пространство для проживания? Уничтожить человечество как вид или сломить техногенную мощь земной цивилизации? Каковы их этические ценности, если они допускают геноцид в масштабах целой планеты?

Иван знал, что будет искать ответ на эти вопросы. Не в душе, а в действии, в неравном противостоянии, на которое он, по сути, был обречен…

Разговаривая с Хербертом накануне своего ухода, он чуточку слукавил, объясняя причины того, почему не берет его с собой. Джон на поверку оказался честным, здравомыслящим человеком, но его психика была слаба — это Лозин понимал со всей очевидностью, потому и оставил Джона на базе МЧС под благовидным предлогом.

Каждому свое. Херберт скорее реализует накопленный в НАСА потенциал и опыт, сидя в тиши подземного бункера у компьютерных терминалов. А вот Лозину выпала иная судьба — его уделом стал этот ад, через который нужно пройти, понимая, что никто не в силах ни похоронить всех мертвых, ни обернуть время вспять…

…Когда кончились руины производственных окраин и потянулись пригороды, часто перемежающиеся перелесками, Иван, не ощущая физической усталости, продолжал идти, словно в полусне. Казалось, все окаменело внутри него, изменилось само мироощущение… и лес уже не нес успокоительного воздействия — все застило мороком, жуткой хмарью

тех картин, что накрепко запечатлел разум…

Это нужно было пережить, как страшную болезнь, чтобы в критический момент уже не леденеть, не теряться от сонмища противоречивых чувств, которые пытались сейчас растерзать его душу.

Лозин не знал, выдержит ли он это испытание *реальностью*, наверное, потому и пошел через зону руин…

Если он неспособен к осознанному сопротивлению, то лучше захлебнуться ненавистью сейчас, дать ей волю и погибнуть в неравной схватке с чужаками — так будет правильнее, чем отыскать людей, вселить в их души надежду, а потом сорваться на путь тривиальной мести, обрекая на бессмысленную смерть тех, кто пойдет за тобой…

Конечно, рассудок Ивана не формулировал столь четкие, однозначные мысли, он *переживал* все это внутри себя, на уровне ощущения невероятной моральной боли…

…За знакомыми площадками приземления, где на непаханой целине уже повсеместно выкинул свои стрелы люпин, он вышел наконец к небольшой деревушке, в крайнем доме которой до последнего времени скрывались Настя и Джон.

Страшный путь был пройден, и когда Иван увидел Биша, застывшего, будто черное изваяние, у хлипких, подгнивших перил, ему показалась невероятной такая безоговорочная вера пса в то, что за ним обязательно придут.

Что стоило сильному здоровому животному перегрызть веревку или хотя бы посильнее рвануть привязь, ломая потемневшие от времени деревянные балясины, но Биш двое суток просидел рядом с нетронутой едой, которую второпях оставила ему Настя.

Иван дошел до крыльца, сел рядом с Бишем, положив на колени автомат, и вдруг понял, что иссиня-черный пес, неизвестно где и как приблудившийся к Насте, не просто друг… Умное животное стало для него в этот миг немым символом веры, которую нельзя предать…

Лозин не мог видеть со стороны свое пепельно-серое лицо, как не ощущал того, что по щекам катятся слезы, пока теплый, шершавый язык Биша не начал слизывать их…

Пустота, рожденная чудовищными картинами разрушений и смерти, медленно отступала, а на ее место возвращалась душа, опаленная, почерневшая, но несломленная.

Теперь он знал, как выглядит Земля, а теплый язык пса, слизывающий слезы, нашептывал на подсознательном уровне: ты не одинок в этом мире, тебя ждут, в тебя верят, как верил и ждал я, но каждый несет свое бремя…

Бремя воина.

Прошли годы с той памятной ночи, когда он, сидя на накрененной палубе изрешеченного пулями танкера, впервые осознанно решил порвать с войной, отдать себя делу не менее рискованному, но более осмысленному, и вот круг замкнулся…

— Нам нужно идти… — вставая, сказал он Бишу. Сняв с пса ошейник, Иван зашел в дом, отыскал ноутбук и, вновь появившись на крыльце, добавил, обращаясь к псу, как к человеку:

— Мы должны отыскать мой взвод. Они не могли стать рабами Чужих.

В ответ прозвучало лишь глухое рычание, но Лозин скорее говорил с самим собой, понимая, что в данной ситуации можно рассчитывать только на монолог…

Впереди лежали еще сто пятьдесят километров пути по оскверненной, изуродованной земле, навстречу слабой, призрачной надежде, но для Ивана она являлась единственным шансом отыскать тех людей, на которых он мог положиться в любой, самой немыслимой для человеческого рассудка ситуации.

Ему как воздух нужны были они — бойцы его взвода, с которыми он мог без опаски разделить навалившееся бремя…

* * *

Корабли Чужих прочесывали местность.

Лозин издалека заметил растянувшуюся в небесах цепь черных объектов, которые беззвучно скользили параллельно поверхности земли на высоте полукилометра.

Опасность настигла его в тот момент, когда Иван, проходя через очередную обезлюдевшую деревню, обратил внимание на отдельно стоящий двухэтажный коттедж, окруженный сосновым редколесьем.

Не зная, какими системами сканирования оснащены черные корабли, Лозин поспешил укрыться под ближайшим крытым оцинкованной жестью навесом, в расчете, что тепло нагретого солнцем металла скроет его не только от визуального обнаружения, но и стушует термальный всплеск человеческого тела.

— Биш, ко мне!.. — негромко приказал он, и понятливый пес, на протяжении всего пройденного пути демонстрировавший свою сообразительность, тут же внял команде и забежал под навес. Высунув язык, он уселся между поленницами дров, часто дыша и выказывая полное пренебрежение к скользящим в лазурных небесах объектам.

Минуту спустя Иван понял, что выбрал верный способ укрытия. Корабли Чужих проплыли над деревней, даже не притормозив свой полет, значит, их сенсоры не обнаружили внизу ничего экстраординарного, отличающегося от общего фона местности.

Задаваться риторическим вопросом о причинах их появления Иван не стал — все и так было ясно: черные корабли искали людей, оказавших столь жесткое сопротивление пришельцам на территории покинутой воинской части.

С точки зрения лейтенанта, подобная акция выглядела запоздалой, но он по-прежнему не знал той логики, которая лежала в основе действий чуждого разума, а примерять к иной форме жизни чисто человеческие стереотипы было, по его мнению, глупо.

На минуту в душу закралось острое беспокойство за оставшихся на базе МЧС, но Иван тут же отогнал эту мысль, — подземные бункера отлично замаскированы, и если Херберт не нарушил его запрета на развертывание каких бы то ни было устройств связи, то обнаружить комплекс с воздуха не представлялось возможным.

Пока он размышлял над вопросами безопасности, редкая цепь черных кораблей миновала деревню и начала удаляться в сторону обширного лесного массива, раскинувшегося на сотни километров, до самой границы с прибалтийскими государствами.

Путь Лозина лежал в том же направлении, но теперь он знал, что Чужие заняты активным поиском горстки выживших людей, и, приблизительно оценив скорость прочесывания, мгновенно выработал адекватный способ защиты: ему следовало передвигаться по лесным дорогам, избегая основной автомагистрали и не обгоняя при этом ушедшие вперед корабли. Соблюдая разумную дистанцию и осторожность, он сможет достаточно быстро добраться до места назначения, не рискуя при этом быть обнаруженным.

Дождавшись, пока темные силуэты скроются за кромкой леса, он вновь обратил свой взгляд к отдельно стоящему коттеджу, который, как успел заметить Иван, имел подземный гараж.

— Биш, за мной… — произнес он, покидая укрытие.

Они миновали зарастающее сорной травой поле и оказались перед высокой оградой, сложенной из обкатанных ледником гранитных булыжников, которыми изобиловали окрестности. Поверх каменного забора болтались обрывки сталистой проволоки, в углах, понурившись, застыли видеокамеры наблюдения.

«Очевидно, это дача, ранее принадлежавшая кому-то из

преуспевающих предпринимателей», — решил про себя Иван, пытаясь обнаружить признаки человеческого присутствия, но двухэтажное строение выглядело таким же пустынным и заброшенным, как все остальные окрестные дома. Оборванные и частично оплавившиеся провода системы сигнализации немо свидетельствовали, что пагубные отголоски электроразрядных ударов не минули и этого уголка сельской местности, но следов пожара Иван не заметил, и его надежда найти тут средство передвижения только окрепла.

Перелезть через двухметровый каменный забор не составило труда ни для него, ни для Биша, который, разогнавшись, без особого усилия одолел препятствие, первым спрыгнув на территорию внутреннего двора.

Иван на миг задержался на гребне забора, окинув взглядом окрестности.

Черные корабли уже удалились на добрый десяток километров, превратившись в едва различимые точки.

Спрыгнув вниз, он пружинисто приземлился на ноги, по инстинктивной привычке мгновенно обежав взглядом замкнутое пространство внутреннего двора, но вокруг стояла звонкая тишь, не было даже намека на движение, если не учитывать Биша, который обнюхивал стену здания.

Иван не стал заходить в дом, а сразу же направился к сомкнутым воротам подземного гаража. Они были снабжены электроприводом и открывались посредством пульта дистанционного управления, но в данной ситуации лучшей отмычкой мог послужить лишь лом.

Заглянув в хозяйственную пристройку, Лозин без труда отыскал нужный ему инструмент, и через несколько минут его усилия увенчались успехом — створы ворот скрипнули и начали раздвигаться, сантиметр за сантиметром скользя по направляющим.

Когда зазор между ними достиг полуметра, Иван боком проскользнул в образовавшуюся щель, оказавшись в прохладном сумраке полуподвального помещения.

В обширном гараже, к его удивлению, стояли сразу три машины. «БМВ» двадцатой серии мутно отблескивала тускло-черным глянцем плавных, обтекаемых форм, но Лозин сразу же мысленно забраковал комфортабельную иномарку. Во-первых, у него вызывала серьезные сомнения сенсорная система доступа и масса встроенного электрооборудования, во-вторых, низкая посадка машины не годилась для ухабистых лесных дорог, поэтому лейтенант прошел мимо, лишь мельком взглянув на глянцевитый призрак былого благополучия, равно как и на его

собрата марки «Форд».

Благо ему было из чего выбирать, и Иван без колебаний направился к третьей машине. Российский внедорожник класса «Тайга» хоть и уступал своим иностранным аналогам в плане комфортабельности, но отличная проходимость и традиционная система управления, ориентированная на условия сельской местности, в данной ситуации являлись неоспоримыми плюсами.

Водительская дверь машины была незаперта, на приборной панели, как и предполагал Лозин, фактически отсутствовала электроника, что откровенно порадовало лейтенанта. «Тайга» являлась рабочей лошадкой, и пользовались ею для хозяйственных нужд — это Иван понял не только по въевшейся в протектор широких колес глинистой почве, но и по трем магнитным карточкам активации системы зажигания, которые он нашел заткнутыми за уплотнитель лобового стекла.

В ногах пассажирского сиденья ко всему прочему лежало нехитрое, но эффективное противоугонное устройство, явно изготовленное кустарным способом. Скоба, блокирующая руль, использовалась в тех случаях, когда машину приходилось надолго оставлять где-нибудь в лесу или на окраине поля.

Все это Иван подметил, пока открывал дверь и садился за руль. Взяв наугад одну из магнитных карточек, он вставил ее в узкую прорезь системы зажигания.

На приборной панели тускло зардели огни датчиков. По интенсивности их свечения было ясно, что аккумулятор почти разряжен, и Лозин не стал экспериментировать, понимая, что если машина заведется, то ему уже нельзя будет ее глушить, а замкнутое пространство гаража тут же наполнится выхлопными газами. Взглянув на датчик топлива, он убедился, что бак полон, и извлек магнитный ключ из щели считывающего устройства.

* * *

Ему потребовалось более часа, чтобы разблокировать гаражные и въездные ворота. Наработавшись до ломоты в спине, он вернулся в прохладу подземного гаража, но не позволил себе и минуты отдыха, сразу же сев за руль «Тайги».

Вновь активировав систему зажигания, Иван коснулся сенсора, и стартер машины начал нехотя проворачиваться, издавая затухающий, малоприятный звук…

«Ну, давай же…»

Двигатель завелся внезапно, когда Лозин уже не рассчитывал на это, собираясь убрать палец с псевдокнопки.

«Все, теперь живем…» — с облегчением подумал лейтенант, зная, что заработавший генератор быстро зарядит аккумуляторную батарею в процессе езды.

Опустив ветровые стекла, он положил автомат на пассажирское сиденье и, открыв заднюю дверь, громко позвал Биша, который все это время провел настороже у распахнутых ворот.

Пес черной тенью промелькнул между машинами и запрыгнул на заднее сиденье «Тайги».

Иван осторожно вырулил из гаража, проехал по закругляющейся вокруг клумбы внутренней дорожке и притормозил, окидывая взглядом небеса.

Черные корабли уже давно исчезли за горизонтом, но Лозин опасался второй волны прочесывания. От деревни до спасительного леса оставалось километров пять-шесть, и он, убедившись, что небосвод чист, вывел внедорожник на асфальтированное шоссе, заставив машину набрать максимальную скорость…

…Через пару минут вокруг уже мелькали стволы вековых сосен, и он чуть притормозил, пытаясь высмотреть ближайшее ответвление уводящей в глубь леса грунтовой дороги. Память подсказывала, что ему подойдет любой правый поворот, главное, чтобы он не оканчивался тупиком где-нибудь на лесной поляне. Не имея карты, Иван мог полагаться только на часы и солнце, которое уже медленно начинало клониться к закату, но это вполне устраивало лейтенанта — он точно помнил, что искомая точка расположена в западном направлении.

* * *

Счетчик спидометра показывал, что он проехал уже пятьдесят километров, когда медленно и незаметно начали подкрадываться сумерки.

В лесу потемнело, но Иван не стал включать фары, справедливо опасаясь привлечь внимание Чужих. Он и так достаточно рисковал, используя в качестве средства передвижения машину, чей двигатель на любом детекторе инфракрасного спектра выглядел как вызывающе-яркий термальный всплеск. Кроны хвойных деревьев не могли скрыть движущийся под их сенью внедорожник от подобных систем сканирования, и тут приходилось осознанно рисковать, выбирая между скоростью и скрытностью перемещения.

Прохладный вечерний воздух, вливающийся в салон через открытые

окна, нес сладкий, неповторимый, успокаивающий запах лесной свежести.

Хорошо отрегулированный двигатель «Тайги» работал почти бесшумно, и в эти предзакатные минуты ничто в природе не напоминало о постигшей человечество беде — все пережитое накануне казалось лишь тяжким, кошмарным сном. Однако готовый к немедленной стрельбе автомат да сиплое дыхание Биша, распластавшегося на заднем сиденье, подспудно давили на разум, рассеивая иллюзорность лесного покоя.

Еще через два десятка километров Иван, полагаясь на собственную память, свернул вправо на очередном пересечении лесных дорог. Места показались ему знакомыми, но сумерки скрадывали детали окружающего, не давая полной уверенности, что он движется, строго следуя маршрутам пеших марш-бросков, конечным пунктом которых для его взвода неизменно являлась старая, затерянная в лесной глухомани система бункеров, оставшихся после снятия с боевого дежурства части баллистических ракет.

А вдруг его надежда так и останется тщетной?

Сомнения вновь закрадывались в душу, как только разум начал успокаиваться под вкрадчивым потворством иллюзорной безопасности леса.

Почувствовав, что начинает расслабляться, Иван протянул руку, достал сигареты и закурил, сосредоточив взгляд на дороге, прихотливо петляющей меж покатых лесных холмов.

«Да, определенно, я тут бывал…» — подумалось Лозину, когда дорога вновь свернула, огибая очередную, поросшую сосновым редколесьем возвышенность.

Сумерки еще более сгустились, и вдруг вдалеке, километрах в двадцати от того места, где находился Иван, небеса озарила бледно-красная вспышка, за которой последовала целая серия беззвучных зарниц, а секунду спустя в сторожкой лесной тишине раздался глухой, отдаленный звук короткой автоматной очереди.

Иван машинально притормозил, пытаясь понять, что происходит, но когда в небе вновь полыхнула серия зарниц и, отвечая им, внезапно заработали не менее десятка автоматов, интуитивное провидение ситуации пришло так отчетливо, будто он сам находился в эпицентре внезапно разыгравшихся событий.

Именно в том направлении, откуда сейчас исходил отсвет лазерных разрядов и звук автоматных очередей, располагалась та самая заброшенная точка ПРО, где Лозин надеялся встретить выживших бойцов своего взвода. Все складывалось одно к одному, формируя логичную картину

развивающихся событий: сканируя лесной массив, корабли Чужих обнаружили присутствие людей и вот под покровом ночи высадили десант, стремясь уничтожить спрятанный в лесных чащобах лагерь…

Иван не позволил себе долго раздумывать, теперь у него наконец появился четкий ориентир. Он резко тронул машину с места, невольно вслушиваясь в ритм автоматического огня…

* * *

…Как он и рассчитывал, спустя несколько минут под колесами машины оказался припорошенный опавшей хвоей асфальтобетон: внедорожник преодолел канаву и на пониженной передаче вполз на насыпь, очутившись примерно посередине тридцатикилометрового отрезка одной из пяти дорог, которые лучами расходились от скрытой в дремучем лесу пусковой точки. В прошлом эти тупиковые трассы служили для выдвижения и развертывания мобильных противоракетных комплексов.

Теперь он наконец отчетливо увидел источник зарниц: приблизительно в пяти километрах от него темно-вишневые лучи инфракрасных лазеров резали мрак, на доли секунд освещая смутные контуры поросших мхом и кустарником песчаных насыпей, под которыми скрывались основные бункера старой базы, а в ответ из темноты короткими всплесками огня били автоматы…

Для неподготовленного человека общая картина боя могла показаться хаотичной, но лейтенант мгновенно распознал во вспышках автоматных очередей осмысленную, заранее спланированную систему огня, и его душу, невзирая на напряженность момента, вдруг сжало глухим, подкатившим к горлу комом: Чужим противостояла не случайная группа людей, а регулярное подразделение, хорошо знакомое с местностью. Но кто, кроме бойцов его взвода, знал все особенности заброшенных укреплений? «Да никто…» — мгновенно подсказал рассудок. Только они отрабатывали тут боевое взаимодействие после изнурительных марш-бросков…

Эти мысли промелькнули в голове за несколько секунд, пока лейтенант разворачивал машину, машинально фиксируя взглядом ритмику боя…

Внедорожник скрипнул тормозами и остановился, выровнявшись на дороге. К этому моменту Иван уже понял, что, в отличие от людей, постоянно менявших позиции, Чужие вели себя гораздо прямолинейнее. Режущие глаз разряды когерентного излучения возникали в одних и тех же местах, озаряя окрестность синхронными залпами, и взгляд без труда смог выделить три основные точки, в которых сгруппировался противник.

«Знать бы еще, где их базовый корабль высадки?..»

Нет, времени на пространные размышления у него не осталось. От попаданий лазерных лучей уже горел разросшийся на песчаных возвышенностях кустарник, огонь грозил перекинуться на подлесок, и если это произойдет, то мгновенно вспыхнувший лесной пожар отрежет старые укрепления стеной огня.

Прорываться нужно было немедленно, но как? Позиции Чужих располагались на его пути, по обе стороны ровной как стрела дороги. Легковая машина вряд ли выдержит попадание лазерного разряда, и в этой ситуации он мог рассчитывать лишь на фактор внезапности и скорость…

Мысль в такие секунды работает на уровне интуитивных решений. Взгляд Ивана метнулся по сторонам, мельком зацепился за противоугонное устройство, и в его голове тут же возник дерзкий, но вполне осуществимый замысел.

Он резко сдал назад, окончательно выравнивая колеса машины, потом проехал метров двадцать вперед, убедившись, что внедорожник не стремится сойти вбок, и намертво зафиксировал руль, использовав скобу противоугонного устройства. Теперь ему осталось лишь заклинить педаль газа, а все остальное уже выполнит автоматическая коробка передач…

Найти подходящий по размерам древесный сук было делом считанных секунд — Иван быстро установил распорку между водительским сиденьем и педалью, а сам перебрался на место пассажира, открыл дверь до щелчка фиксатора и, на всякий случай, уперся в нее ногой.

Ствол автомата лег в проем опущенного ветрового стекла.

Внедорожник уже тронулся с места, постепенно набирая скорость, когда впереди полыхнул очередной лазерный залп, четко обозначив позицию Чужих.

Когда до нее осталось меньше километра, Лозин наконец увидел копошащиеся у обочины смутные фигуры и, прицелившись, коснулся сенсора огня.

Он мог лишь предугадывать психологию пришельцев, но фактор внезапности оказал на них парализующее воздействие: машина без водителя, по-прежнему набирая скорость, неслась по прямому отрезку старого асфальтобетонного шоссе; из-за приоткрытой пассажирской двери, сквозь проем опущенного ветрового стекла, короткими, прицельными очередями бил автомат, а в ответ не полыхнуло ни единого лазерного разряда…

Чужие явно не ожидали атаки с тыла: в свете разгорающегося пожара, над обочиной вдруг начали возникать их фигуры, но вскочивших

противников тут же валили на землю автоматные очереди, лишь одного из них, наиболее проворного, попытавшегося перебежать на другую сторону дорожного полотна, с глухим звуком ударило о бампер «Тайги». Тело пришельца мешком отлетело в сторону, но и машину начало заносить…

Вторая замеченная Иваном позиция Чужих приближалась с угрожающей скоростью, а машина уже сошла с дороги, двумя колесами врывшись в обочину, отчего ее понесло боком, грозя в следующую секунду перевернуть на крышу, и лейтенант понял, что его спонтанный план сработал едва ли наполовину…

До горящего кустарника и спасительных укреплений оставалось еще метров сто пятьдесят, когда машина начала переворачиваться.

Несмотря на стремительное, непредсказуемое развитие событий, Иван успел сгруппироваться и выпрыгнуть из кабины, с таким расчетом, чтобы сразу скатиться за насыпь дороги, по другую сторону от пришельцев, однако он приземлился не на песчаный скат… Удар о растрескавшийся асфальтобетон оказался неожиданно сильным, что-то хрустнуло в предплечье, пронзив правую руку острой болью… Он по инерции прокатился вбок, ощутив, что все же скользит по откосу, потом его встретила мягкая, пружинящая подстилка мха, и почти в то же мгновенье на дороге раздался взрыв, а перед ним, словно сотканный из тьмы жуткий призрак, внезапно возник силуэт Чужого.

События, спрессованные в несколько секунд реального времени, походили на страшный калейдоскоп, сознание не успевало адекватно реагировать на резкую смену обстоятельств, даже рефлексы тела, парализованные болью, безнадежно запаздывали. Иван не успел выстрелить — четырехпалая конечность уже рванулась к нему, но рука Чужого не достала Лозина: внезапно наперерез этому движению метнулась стремительная тень, и лейтенант, тщетно силясь вдохнуть глоток загустевшего воздуха, услышал, как с отвратительным хрустом сомкнулись челюсти Биша, прокусывая материал защитного костюма вкупе с инородной плотью.

Чужой пронзительно заверещал, стремясь стряхнуть намертво вцепившегося в руку пса, но его щебечущий крик оборвался, превратившись в захлебывающееся бульканье — это лейтенант, превозмогая боль, левой рукой метнул десантный нож, который пронзил дыхательную маску пришельца, и тот, захлебываясь собственным криком, вдруг начал оседать на обагренный розовой сукровицей мох.

Биш разжал челюсти, и пса неожиданно вырвало.

* * *

Встав на ноги, Лозин пошатнулся. Окружающий сумрак плыл перед глазами, сливаясь в смутные, гротескные тени, правая рука висела как плеть, до слуха по-прежнему долетал сухой треск автоматных очередей…

Он нагнулся, левой рукой на ощупь отыскал свой «шторм» и с усилием поднял оружие.

Лейтенант нутром чувствовал: сейчас полезут — и потому присел на одно колено, чтобы иметь хоть какой-то упор при стрельбе.

Гулкие секунды утекали в бесконечность, желтоватый скат обочины расплывался в прорези прицела, рука дрожала от напряжения, а Чужие не спешили атаковать…

«Обходят со стороны леса?» — Мысль пришла одновременно с тенью, что возникла за спиной, но на этот раз Лозин ошибся — сзади появилась не фигура Чужого, а человек.

— Не стреляй… Свои… — раздался предостерегающий шепот.

Тихий звук родной человеческой речи прозвучал в сознании, будто глухой удар грома…

— Ну, ты даешь, браток… — горячий, радостный шепот раздался уже над самым ухом. — Уделал этих тварей, как… — Голос вдруг дрогнул, оборвавшись на полуслове, — это Иван повернул голову, и говоривший внезапно узнал его: — Командир?! — В этом односложном, полуутвердительном возгласе смешались воедино и недоверие, и радость, и…

— Долматов, ты, что ли?.. — У Лозина перехватило дыхание.

— Т-товарищ лейтенант?! — Заикнувшись от изумления, переспросил тот. — Откуда?!

Иван, кривясь от боли, слабо усмехнулся:

— С того света… Руку посмотри… Я послежу, чтоб не полезли с дороги…

— Да не полезут они, командир! — возбужденно сообщил взводный снайпер, осторожно ощупывая плечо Ивана. — Мы глазам не поверили, когда увидели, что с тыла на них несется машина. Я в оптику смотрел, как вы подняли этих тварей с дальней позиции. Выкосили ведь всех до единого, а потом машину вдруг занесло, и она кувыркнулась с дороги как раз на головы второй группы. Я ей пулю всадил в бензобак, — жизнерадостно хохотнул Долматов, — поджарило ублюдков, по полной программе.

— Меня-то видел, стрелок?..

— Видел, да не узнал, — сознался Андрей, беря Лозина за руку и предплечье. — Сустав выбило, сейчас вправлю. — Он сделал резкое движение, и плечо Ивана пронзила обжигающая боль. — Думаю, вот парень, ни хрена не боится, совсем, видать, берега потерял… — Он вдруг осекся, запоздало вспомнив о субординации, но Лозин лишь кивнул, массируя вправленное плечо.

— Это ты точно подметил… — сказал он, ощутив, что правая рука вновь повинуется ему. Жить сразу стало легче.

— Сколько нас? — спросил Лозин, перезаряжая «шторм».

— Десять человек. Половина из нашего взвода, трое со второго, а два бойца вообще не из десанта. Но парни надежные, крепкие, мы их в бою повстречали, в день высадки. Говорят, дивизию накрыло на марше, почти в полном составе.

— Кто они?

— Танкисты.

Лозин сумрачно кивнул.

— А сами как? — спросил он, напряженно вглядываясь во тьму, которую больше не озаряли лазерные разряды и вспышки автоматных очередей.

— По-разному… — ответил Долматов. — С места приземления выходили поодиночке, вокруг уже творилось бог знает что, везде огонь, молнии, пожары… Встретились в районе городка, тогда нас было только четверо. Смотрим, какие-то твари гонят людей через КПП, так не выдержали, атаковали их. В общем, завязался бой, наш техник, со второго отделения, решил вывести БМД на дистанционном управлении, но та загорелась, прямо на перекрестке… Бардак был. Вся электроника горела: только включи, и на тебе — тут же выбрасывай, пока в руках не рванула. По ходу дела к нам подтянулось человек пятнадцать, а потом вдруг налетели эти черные корабли. Прижали нас с воздуха, головы не поднять. Один мы все же завалили, он рухнул прямо на плац… а остальные отлетели подальше и начали бить из лазеров.

— Тогда и решили отступать?

— Да нет… — покачал головой Долматов. — Мы злые были. Ничего не понятно, связи нет, кругом трупы… Потом, когда подошли танкисты и сказали, что дивизия накрылась, стало ясно, что городок не удержать. А умирать без толку расхотелось, — прямодушно признался Андрей. — Решили идти сюда, к старой базе.

— Тихо дошли?

— Да ну… Какое там… Два раза с этими тварями дрались, те

местность прочесывали, искали выживших. Почти две недели добирались, в лесу, сами знаете, снега по пояс, зимой дороги не езженные.

— А кто командовал?

— Старшина Булганин. Он и сейчас там. — Долматов кивнул в сторону зарева от затухающего пожара.

— Ясно… — Иван, получив общее представление о положении дел, решил, что пора выбираться, — хоть стрельба и стихла, но старые укрепления больше не годились в качестве долговременного укрытия — он уже усвоил, что Чужие, потерпев поражение, стремятся любой ценой подавить возникший очаг сопротивления.

— Надо уходить, Андрей… Техника есть?

— Нет, — покачал головой Долматов.

— Тогда пешком. — Иван огляделся в поисках Биша и внезапно заметил, что пес лежит в двух шагах от него, тяжело дыша.

Он тихо позвал его, но Биш не отреагировал, тогда Иван закинул «шторм» за спину, поднял пса на руки и сказал, обернувшись к Долматову:

— Веди на базу.

* * *

Над старыми укреплениями царил багряный сумрак.

Кустарник выгорел практически полностью, но дальше огонь не пошел, его остановил оказавшийся под ветром участок асфальтированной дороги.

«Теперь с воздуха обнаружить эту точку — плевое дело…» — подумал Иван, вслед за Долматовым спрыгивая в ход сообщения, бетонные стены которого навек сохранили отпечаток досок, служивших опалубкой при строительстве.

Вообще, в былые времена пусковые шахты ракет и окружающую их инфраструктуру маскировал все тот же лес: деревья росли по всей территории, надежно укрывая расположение от обнаружения с воздуха, но в период ликвидации базы большинство древесной растительности погибло, в основном из-за небрежности ликвидаторов, которые, стремясь уложиться в отведенный им лимит времени, не очень-то считались с окружающей природой. Когда Лозин впервые побывал тут, повсюду желтел обнаженный бульдозерами песок, из-под которого выпирали углы бетонных конструкций, и лишь кое-где на изуродованной проплешине росла трава да пробивались первые побеги кустарниковой поросли.

Позже, когда он был переведен в военно-космические силы и возникла необходимость в удаленном от части тренировочном комплексе,

он вспомнил про эту заброшенную точку. Сюда послали инженерный взвод, который расчистил зарытые бульдозерами входы, распечатал поржавевшие стальные двери и очистил вентиляционные колодцы, возобновив естественную циркуляцию воздуха в затхлых, частично подтопленных подземных укреплениях.

Кустарник за прошедшие годы густо разросся, желтый песок затянуло мхом, и вот теперь все сгорело, вновь превратив район бункеров в уродливую, обугленную проплешину…

…На верхнем этаже, в гулком квадратном помещении с узкими амбразурами, обращенными в сторону дороги, пол щедро усеивала россыпь стреляных гильз. Этот Укрепленный участок бункера в прошлом был караулкой — восемь подобных долговременных оборонительных точек располагались по периметру базы.

Сейчас у амбразуры дежурили два человека. Вокруг царил полумрак, остро пахло гарью пожарища, гильзы звонко перекатывались под ногами.

Заметив Долматова, который, пригнувшись, первым прошел сквозь низкий дверной проем, один из бойцов, державший под прицелом вход в бункер, негромко спросил:

— Кто?

— Свои, Паша, не дергайся, — ответил Андрей.

— Ну, нашел его? — раздался из темноты второй голос.

— Нашел, — ответил Долматов, посторонившись, чтобы освободить путь Лозину.

Иван опустил безвольное тело Биша на холодный бетонный пол и, выпрямляясь, сказал, ощущая в эти мгновенья горькую, щемящую радость:

— Почему не докладываешь по форме, Багиров? — с нарочитой строгостью спросил он и тут же, не выдержав, раскрыл объятия, делая шаг навстречу онемевшему от неожиданности бойцу…

«Живы…» — Эта мысль билась в голове, затмевая все остальное.

* * *

Через пару минут в бункере собрался весь личный состав подразделения.

Когда прошел шок от неожиданной встречи, стихли сбивчивые от волнения вопросы, Иван, обменявшись крепкими объятиями с каждым из бойцов, вдруг негромко скомандовал:

— Взвод, строиться!

Эти слова, произнесенные в гулкой тиши бетонного бункера, прозвучали словно магическая формула внезапного возрождения к жизни.

Лозин внимательно смотрел на изменившиеся лица и видел, как разглаживаются их напряженные черты, а в глазах проявляется странный блеск.

Произнесенная им фраза являлась для них гораздо большим, чем сухая формулировка повседневного будничного приказа, — только сейчас, заметив этот блеск в глазах бойцов, Иван до конца понял, как тяжело давалась им неопределенность, как трудно было сидеть тут, в ожидании, неведении, на грани моральной безысходности…

— Булганин, доложить обстановку! Старшина сделал шаг вперед.

— Атака отбита, раненых нет. Визуальное наблюдение зафиксировало старт неопознанного корабля.

— Всем вольно… — Иван стоял напротив строя, по-прежнему всматриваясь в знакомые лица… Бойцы ждали от него чуда, потому что воскресший командир уже вернул им утраченное ощущение единства, и это стоило всех невзгод трехмесячного ожидания в точке сбора.

Чудо он им предложить не мог. Лозин, вместе с радостью, испытывал в эти мгновенья потаенную боль, потому что знал: он пришел не для того, чтобы вернуть утраченный уклад жизни, а чтобы востребовать их для смертельной схватки с врагом…

Он снова стал командиром, и это лишь обостряло его внутренние чувства.

«Ты так и не полетел к звездам, сержант…» — внезапно подумалось ему, но, отогнав ненужную сейчас мысль, он спросил, обращаясь к застывшим напротив бойцам:

— Я хочу знать ваше мнение обо всем происходящем. Кто-то может высказаться по существу?

Некоторое время в бункере висела напряженная тишина, потом общее мнение выразил Булганин.

— Мы не смогли идентифицировать противника, командир, — произнес старшина. — С наибольшей вероятностью можно принять версию о радикально новом оружии массового поражения, разработанном Штатами или Китаем.

— А существа, с которыми вы все сталкивались? — нахмурясь, спросил Иван.

— Мутагенная форма. Генная инженерия на основе реально существующего вида животных… или насекомых, — пояснил старшина. — Вы ведь сами знакомили нас с разработками в этой области.

— Да, — Иван кивнул. — Знакомил. А теперь, ребята, слушайте внимательно. — Он заложил руки за спину, медленно прохаживаясь вдоль

строя. — Можете смело отбросить все призраки третьей мировой войны. Соединенных Штатов Америки, равно как и Китая, по всей вероятности, больше не существует — они попросту стерты с лица Земли.

Если первая фраза Лозина была встречена легким недоверчивым ропотом, то заканчивал он свою мысль уже в полной, гробовой тишине. Остановившись напротив двух танкистов, о которых говорил ему Долматов, Иван спросил:

— Как погибла дивизия?

Боец со знаками различия младшего сержанта бронетанковых войск вскинул голову. На его правой щеке был четко различим шрам от недавно зарубцевавшегося ожога.

— Нас подняли по боевой тревоге, — сообщил он. — Построением командовал комдив, мы получили приказ немедленно выдвигаться в расположение основного космодрома части.

— Комдив ставил конкретную боевую задачу?

— Непосредственно экипажам — нет, но ротный сказал буквально следующее: «Двигаемся ускоренным маршем, боевой расчет получим на месте, когда окажемся под „зонтиком“».

— То есть все считали, что будет нанесен ядерный удар? — уточнил Лозин.

— Да.

— Дальше, — потребовал Иван.

Обожженная щека младшего сержанта непроизвольно дернулась.

— Мы шли в походном режиме, по федеральной трассе, когда в небе внезапно появилось яркое зарево, сопровождаемое грохотом. Нас с Зотовым, — он взглядом указал на стоящего рядом танкиста, — спасло лишь то, что мы не успели захлопнуть люки — сразу за появлением зарева, спустя секунду или две, в небе возник огненный шар, он сиял ярче солнца, падая прямо на нас. Никто не сумел ничего понять — стоял адский грохот, в землю били молнии, частые, будто дождь… — Он с усилием сглотнул и скупо закончил: — А потом этот огненный шар ударил в землю, почти у самой дороги. Наша машина двигалась в арьергарде колонны, и меня попросту вышвырнуло из люка взрывной волной.

Сержант умолк, но, взглянув на Лозина, понял, что тот ожидает более подробной информации.

— Я потерял сознание в момент взрыва, а когда очнулся, то увидел жуткую картину… — глухо продолжил танкист. Он говорил трудно, с надрывом, заново переживая свой ужас, испытанный в момент гибели тысяч людей.

— Того отрезка трассы, по которому двигались основные силы дивизии, попросту не существовало… — с трудом контролируя свои чувства, говорил он, пытаясь загнать навек запечатленные в памяти разрозненные картины в сухую формулировку информативного доклада, но это у него не очень получалось. — Вместо дороги зияла воронка диаметром в несколько километров, на ее дне пылало озеро расплавленной магмы… — Голос сержанта опять сорвался. — Вокруг горели танки и бронемашины… Людей я не видел, но мне почему-то запомнился снег на окрестных полях… Он превратился в грязную воду, которая бурлящими потоками стекала к воронке и тут же закипала, испаряясь. Вокруг стоял зловонный туман, в котором было трудно дышать… Я пополз в сторону, потом случайно наткнулся на Николая, — опять последовал короткий кивок в сторону второго танкиста. — Некоторое время мы не могли справиться с потрясением, пытались отыскать кого-нибудь еще, звали ребят, кричали, но никто не ответил на наши крики… Мы бродили среди пара и дыма, но везде натыкались лишь на сгоревшие остовы техники… Думаю, что прошло несколько часов, прежде чем мы поняли тщетность попыток отыскать кого-либо еще… — Он понурил голову и добавил: — Нам просто повезло остаться в живых, но все равно мы надеялись, что кто-нибудь спасся таким же чудом… поэтому мы и решили возвратиться в расположение части…

Лозин кивнул. Дальнейшее развитие событий было известно ему со слов Долматова.

— Где это случилось? — задал он последний вопрос.

— Мы прошли сто десятый километр…

— Ясно. — Иван отступил на шаг, вновь повернувшись лицом к строю. — Каждый из вас наблюдал схожие картины, — подытоживая сказанное, произнес он. — Зарево в небесах, несвойственные для зимнего периода разряды молний, множественные взрывы, сопровождавшиеся ударами воздушных и тепловых волн. Далее вы столкнулись с нехарактерными, чужеродными жизненными формами и их техникой, которая ни на йоту не совпадает со стандартами самых фантастических земных разработок. Вы называете между собой этих существ «тварями», но на самом деле они ЧУЖИЕ. — Иван подчеркнул последнее слово. — На нас напали из космоса, удар был внезапным и разрушительным, тотальной бомбардировкой обломками астероидных масс, по моим сведениям, полностью уничтожены целые материки, в частности оба американских континента и дальневосточная часть Евразии. Менее всего пострадали Африка и Европа. Процент выживших мне неизвестен, но могу с

уверенностью предположить, что нас осталось очень мало. Разрушение астероидных масс при их вхождении в атмосферу вызвало эффект электроразрядных пробоев, возникших между падающими телами и земной поверхностью, вследствие чего было уничтожено все электропотребляющее оборудование и техника, начиная от бытовых приборов и заканчивая боевыми машинами. Если смотреть в глаза известным на сегодняшний день фактам, то напрашивается вывод о том, что наша цивилизация поставлена на грань уничтожения… — Лозин на миг умолк, а затем продолжил, повысив голос: — Это не так. Мы живы. Я точно знаю, что Чужие не истребили уцелевших после первого удара людей, а насильственно депортировали их. Куда, я сказать не могу, но надеюсь, что мы сумеем получить эти сведения в ближайшем будущем. Ясно одно — перед нами враг, и он, как вы убедились, уязвим. Логика Чужих остается загадкой, их мотивы и цели неизвестны, и первой задачей для нашей группы станет поиск ответов на перечисленные мной вопросы. — Иван обвел пристальным взглядом шеренгу притихших бойцов и добавил: — Нас готовили к полету к звездам, но вышло так, что космос сам заявился к нам, в наиболее страшной из своих форм. Человечество действительно стоит на грани полного истребления, но в наших силах сопротивляться. Сначала я был один, потом нас стало трое, теперь нас четырнадцать. Мы пережили ад, но сохранили рассудок. И последнее… — Иван собрал в кулак всю чудовищную гамму чувств, навалившихся на него за последние дни, и выдохнул: — Мы на своей Земле, ребята. Нам посчастливилось выжить, и если кто-то сейчас думает иначе, завидует мертвым, пусть сразу выходит из строя. Это не оскорбление, а приказ, потому что после я уже не смогу предлагать кому-то право выбора…

Строй не шелохнулся.

Все молча и хмуро смотрели на своего внезапно воскресшего командира.

Бойцы ждали, когда он отдаст свой первый приказ.

* * *

— Булганин, отойдем, — предложил Иван, отправив бойцов готовиться к предстоящему марш-броску.

Они со старшиной вышли на открытый воздух, остановившись у изгиба одетого в бетонную рубашку хода сообщения.

— Твои соображения, Степан? — прикуривая сигарету, сразу перешел к делу Лозин.

Булганин прищурился.

— Нереально все это… — внезапно произнес он. — Три месяца прошло, а чудится, что сон. Не могу поверить… — Он тряхнул головой. — Думалось ли, что вот так разом, всю Землю?.. — Он замолчал, глядя, как в прорехах рваных облаков тускло помигивает одинокая звезда. Пахло гарью пожарища.

— Я не о том тебя спросил, старшина. — Иван повернулся к нему.

— А о чем? — Степан опустил голову. — У меня нет никаких соображений, командир. Два десятка человек не могут одолеть тысячи этих тварей — вот мое мнение, если хочешь на прямоту. Душить я их буду, хоть голыми руками, до последнего хрипа, но…

— Чем душить без веры в победу, Степан, так лучше застрелиться, — в тон ему ответил Лозин.

— А ты, Иван, веришь в нее?

— Верю! — В голосе лейтенанта вдруг прозвучали металлические нотки. — Вспомни, чему нас учили, и сам поймешь… — Лозин посмотрел на осунувшиеся черты Булганина и добавил: — Думай, старшина, потому что теперь мы с тобой генеральный штаб.

Булганин нервно усмехнулся.

— Давай попроще, командир, — внезапно попросил он. — Чувствую, у тебя голова варит иными масштабами, а мне… — он запнулся, — не осмыслить все это.

— Что мешает? Страх?

— Нет… — подумав, ответил Степан. — Не страх. Сам знаешь, в каких передрягах бывали. Это что-то другое. Я не понимаю — зачем? Почему всех людей, все континенты? Что им надо?

— А ты перестань мыслить глобально, — посоветовал ему Лозин. — Вспомни хотя бы историю Древней Руси. Когда татаро-монголы вторглись, Орда была для славян такой же чуждой, как эти пришельцы для нас. Ни языка их не знали, ни обычаев, и поначалу наши предки понимали лишь одно — враг это, раз сжигает города, убивает, уводит в полон женщин с детьми… Но ведь выстояли, верно?

— Сравнил… — хмыкнул Булганин.

— Да, сравнил. — Иван погасил окурок о бетонную стену хода сообщения. — История имеет свойство повторяться, лишь расширяя масштабы событий, приобретая иную степень технологий, но чаще всего у истоков конфликтов стоит один и тот же набор побудительных причин.

— Все это ни к чему, лейтенант… — с вызовом ответил старшина. — *Я не хочу их понимать*. Ненависти во мне — во, — он выразительно чиркнул ребром ладони по горлу. — Давай действительно упростим все до

привычных величин: ты голова, а мы с ребятами твои руки. Можешь не сомневаться, сделаем все, что скажешь. Сидеть тут осточертело, а куда идти неизвестно.

— Хорошо, — скрепя сердце согласился Иван. Общий смысл настроений, царящих во взводе, он понял, но время поджимало — лейтенант на собственном опыте убедился, что Чужие реагируют на угрозы достаточно быстро.

— Значит, так, Степан, выходим через десять минут. Наша цель — скрытно вернуться в район расположения части. Найди мне плащ-палатку, — внезапно добавил Лозин.

Старшина кивнул, но все же не удержался от вопроса:

— Зачем? — Он недоуменно взглянул на небо. Дождя вроде не намечалось, да и кевларовая экипировка лейтенанта была устроена так, что для нее не требовалось дополнений в виде устаревших средств защиты от непогоды.

— Видел пса? — заметив его недоумение, спросил Иван.

— Ну?

— Понесу его, — пояснил Лозин. — Он спас мне жизнь, укусив при этом Чужого.

— По-моему, он издыхает, командир. Опасно это. Вдруг зараза какая?

— Скорее токсин, — поправил его Иван. — Короче, не рассуждай, а собирай людей, время жмет. Поговорить успеем по дороге.

Старшина кивнул, исчезая в сумраке бетонированных укреплений, а Лозин остался наверху.

И вновь, несмотря на необыкновенную удачу, тяжелые мысли снедали разум лейтенанта.

Он нашел ребят, но по-прежнему оставался один на один с поставленной перед собой сверхзадачей, ни на йоту не продвинувшись в вопросе *понимания* Чужих.

Иван машинально потянулся за очередной сигаретой и посмотрел на сереющие небеса, где скоро займется полоска зари…

Тело вдруг пробила короткая дрожь.

Над лесом, едва не цепляя разлапистые кроны сосен, беззвучно скользили три чужих корабля.

Иван пригнулся, отступив под прикрытие бункера, едва не столкнувшись с Багировым, который нес ему затребованную плащ-палатку, и коротко выдохнул:

— Тревога, Чужие!..

* * *

— Вот сволочи… Не дадут уйти. Видать, их база где-то неподалеку.

Пока старшина следил за плавными пируэтами чужих кораблей, Иван бегло осмотрел собравшихся в бункере бойцов.

Все были облачены в такую же, как и у Лозина, легкую, но прочную металлокевларовую броню, лишь двое танкистов по-прежнему оставались в своей униформе.

— Командир… — коротко позвал старшина. — Взгляни на это!

Иван подошел к амбразуре.

Два корабля Чужих зависли над дорогой в полутора километрах от укреплений, а третий, резко отличающийся по форме и размерам (он четко подходил под описание Насти: огромный, загнутый с обоих торцов цилиндр с хорошо различимой слоистой структурой), стремительно приближался к курящейся дымом проплешине, образовавшейся на месте зарослей сгоревшего кустарника.

От торцов чужеродного корабля вниз били две струи белесого вещества, которое, соприкоснувшись с почвой, тут же начинало растекаться мутным клубящимся облаком.

— Скафандры есть?! — резко спросил Иван, машинально подавшись назад от амбразуры.

— Только три, командир, — встревоженно ответил старшина.

— Так, — Лозин обернулся. — Всем надеть дыхательные маски. Включить антибактериологические фильтры. Обработать друг друга спреем. — Он нашел взглядом танкистов и добавил: — Старшина, выдай им скафандры, только в темпе!

Булганин кивнул, указывая растерявшимся танкистам на смежное помещение, где было сложено подготовленное к марш-броску имущество взвода.

Пока лейтенант отдавал распоряжения, белесое облако начало накрывать передовые траншеи, расположенные чуть ниже по склону пологой песчаной возвышенности. Заметив, что Долматов уже натянул маску с дыхательным аппаратом и обработал открытые участки кожи специальным составом из баллончика, входящего в состав экипировки космического десанта, Лозин жестом указал ему на Биша, который, сотрясаясь всем телом, лежал в углу на холодном бетонном полу.

— Принеси сюда третий скафандр.

— Для него?

— Да. Без разговоров. Живее.

Проводив взглядом Андрея, Лозин натянул на лицо дыхательную маску. Рядом уже стоял Багиров с баллончиком наготове. Спрей, специально разработанный в химлабораториях ВКС, покрывал незащищенные экипировкой участки кожи, образуя непроницаемую эластичную пленку, предохраняющую от химических ожогов и препятствующую контакту с микроорганизмами.

Процедура обработки не заняла много времени, но, обернувшись, Иван увидел, что Долматов уже исполнил его приказ, и в данный момент герметизирует скафандр, включив для Биша свободную подачу кислорода.

Белесое вещество, клубясь, начало понемногу вползать в узкую щель амбразуры, и лейтенант, понимая, что стремительные, непредсказуемые события в данный момент развиваются по сценарию пришельцев, глухо произнес из-под дыхательной маски:

— Без паники. — Рассказывать бойцам об уникальных свойствах микромашин, которые обращались вместе с кровью в их организмах, сейчас не было времени, поэтому он ограничился коротким предупреждением: — Соблюдать максимальную осторожность. Дыхательные маски не снимать без моего приказа. Нам эта дрянь не повредит.

Неизвестно, насколько его уверенность передалась остальным, но никто не дрогнул при виде вползающей в щель белесой, похожей на туман субстанции.

В бункер вернулся старшина.

— Успели, слава богу, — отрапортовал он, имея в виду экипировку танкистов.

— Молодец, — скупо похвалил его Иван. — Рассредоточь людей в укрытиях, — распорядился он. — Со мной остается Долматов. Возможно, что Чужие после химической атаки захотят проверить систему укреплений. Если они высадятся и начнут прочесывание, разрешаю открывать огонь по выбору, без предварительного сигнала. Одно условие: бить с короткой дистанции, патроны экономить, чаще менять позиции.

— Может, попытаемся уйти, пока у них ограничена видимость? — предложил старшина.

— С людьми в скафандрах далеко не уйдем, — ответил ему Лозин и подытожил: — Всё, по местам!

* * *

Белесый туман, накрывший укрепления, рассеялся в течение десяти—пятнадцати минут.

Иван, встав сбоку от амбразуры, наблюдал, как молодая клейкая листва на уцелевшем во время пожара кустарнике прямо на глазах теряет свой зеленый цвет, скручивается, рассыпаясь в прах, и падает на посеревшую подстилку мертвого мха, словно все живое в радиусе нескольких сот метров внезапно превратилось в пепел, утратив не только способность к жизни, но и структурные связи…

«Значит, эта дрянь разрушает органические молекулы…» — предположил лейтенант, вспомнив, что отделяемые модули колониального транспорта «Россия» тоже были снабжены специальными распылителями, снаряженными химическим веществом, которое предназначалось для разрушения чуждой органики в зоне предполагаемой посадки.

«Не факт, что их средства идентичны нашим…» — подумалось ему. Если Ивану не изменяла память, то разработанные земными учеными агрессивные соединения были опасны лишь в течение короткого промежутка времени, от пяти до десяти минут, затем они вступали в реакцию с другими активными химическими элементами окружающей среды, теряя при этом свои губительные свойства.

Предугадать состав и потенциальную «живучесть» использованной Чужими белесой взвеси он не мог, но и выводить людей из укреплений, как советовал старшина, казалось ему слишком рискованным шагом. До спасительного леса метров триста открытого пространства, за которым, без сомнения, пристально следят приборы чужих кораблей.

— Никому не высовываться из укрытий, — еще раз напомнил он по связи. — Следить за подступами… Степан, что у нас с боезапасом? Есть хоть один РПК? — обратился он к старшине.

— Нет, командир, — раздался в коммуникаторе ответ Булганина. — Только стрелковое оружие. На каждый автомат по два магазина и по три гранаты для подствольников — две осколочные и по одной кумулятивной.

«На пять минут нормального боя…» — с досадой подумал Иван, а вслух спросил:

— Как самочувствие?

— Пока нормально. Дышим.

— Добро. Следи за обстановкой.

Прислушиваясь к ощущениям собственного организма, Иван не чувствовал недомогания, тревожных докладов не поступало, значит, принятое решение — ждать, не проявляя своего присутствия, — являлось верным.

Он хотел одного — сберечь людей. Пока что у Лозина были все основания полагать, что Чужие ограничатся химической атакой и, выждав

какое-то время, улетят.

Пока он общался со старшиной, белесый туман окончательно рассеялся. Легкий ветерок поднимал теперь лишь мелкие облачка праха, который стелился вдоль земли, будто нереальная, серая поземка.

Долматов снял мягкую заглушку со снайперской оптики и осторожно, не подходя к выщербленной по краям амбразуре, повел стволом оружия, осматривая дальние подступы…

…Огромный подковообразный корабль, завершив химическую атаку, неторопливо разворачивался над лесом, два других, размерами поменьше, по-прежнему висели в полутора километрах от укреплений, над старой дорогой.

Напряженное ожидание затягивалось. Иван пытался предугадать, что именно задумали пришельцы, но самые скверные предположения лейтенанта на поверку оказались лишь слабым призраком грядущих событий…

…Два инопланетных корабля вдруг плавно начали движение, скользя параллельно дороге и одновременно набирая высоту.

Долматов, наблюдавший за действиями пришельцев через снайперскую оптику, тронул командира за плечо, привлекая его внимание.

— Ну?

Андрей молча указал на приближающиеся корабли, предлагая командиру самому взглянуть на них.

Лозин кивнул, включая цифровые видеокамеры своего шлема, которые эффективно работали на дистанции до одного километра.

При всем самообладании, картинка, спроецированная на забрало, заставила Ивана непроизвольно вздрогнуть. Он уже не раз сталкивался с подобным типом черных кораблей, и потому взгляд лейтенанта мгновенно различил броские, нехарактерные детали в их внешнем строении, которые ранее сливались с общим фоном причудливых конструкций из-за дальности расстояния: оба чужеродных корабля оказались густо обвешаны стокилограммовыми авиабомбами, явно земного производства. Смертоносные боеприпасы были закреплены под их днищами посредством примитивных, похожих на клешни захватов…

…Он едва успел отпрянуть от амбразуры, выдохнув в коммуникатор короткий приказ-предупреждение, когда в небесах послышался короткий, характерный вой, и земля содрогнулась, вздымаясь черно-оранжевыми столбами разрывов.

С потолка посыпалась мелкая бетонная крошка, смешанная с едкой белесой пылью, следом ударил неистовый, адский грохот, стены и пол

вдруг заходили ходуном, будто при землетрясении, а пустые, давно заброшенные, глубинные помещения бункеров тут же отозвались тяжким эхом, словно земля застонала, издавая утробный гул…

Иван, машинально присев, посмотрел вверх и увидел, что по потолку змеится широкая трещина, в которой видны загнутые концы не выдержавших напряжения прутьев стальной арматуры. Оттуда щедро струился песок, образуя на полу растущие конические горки.

— Всем доложить о состоянии! — хрипло приказал он.

Через минуту выяснилось, что от бомбежки в основном пострадала система укреплений. Лишь двое бойцов получили контузии, а вот надежность бункера вызывала сильные сомнения. Что-то продолжало рушиться в его глубинах — нижние этажи были давно подтоплены, и вот теперь, в результате удара, весь комплекс внезапно начал претерпевать критические деформации, медленно проседая под собственным весом в незримые, промытые фунтовыми водами пустоты. По стенам с громким треском пробегали все новые трещины, пол под ногами продолжал вибрировать, хотя взрывы на поверхности прекратились.

— Всем наверх! — не найдя иного приемлемого решения, приказал Лозин, — Рассредоточиться и укрыться в наружных ходах сообщения!..

* * *

Первым в полузасыпанную траншею, соединявшую два железобетонных укрепления, выбрался Долматов и тут же, обернувшись к лейтенанту, произнес:

— Хреново их учили обращаться с нашим оружием!

Иван в первый момент не понял, отчего в голосе Андрея звучат нотки мстительного удовлетворения, но, взглянув в указанном направлении, увидел, что один из черных кораблей лежит, перевернувшись набок, метрах в двухстах от их позиций.

Он сбросил бомбы, двигаясь на малой высоте, и, естественно, не избежал удара мощной взрывной волны, да и разлет осколков, похоже, внес свою роковую лепту в плачевный исход неумелого бомбометания: в корпусе чужеродного аппарата зияли внушительные дыры, откуда истекал густой черный дым, словно внутри горели автомобильные покрышки…

Мысленно списав его со счетов, Лозин оглянулся и увидел, что второй корабль Чужих, ненормально кренясь на один борт, идет к бункеру. Его захваты все еще удерживали бомбы, и было ясно — несмотря ни на что, он сейчас сбросит их…

— Ложись! — выкрикнул Иван, падая на дно бетонированного хода

сообщения.

Спустя несколько мгновений мощнейший удар потряс окрестности. Бомбы легли густо, но неточно, усеяв столбами разрывов весь северный склон возвышенности, однако при таком количестве сброшенных боеприпасов промах в сотню метров уже не имел решающего значения: сумерки на миг превратились в день, а затем свет померк, когда тонны земли вдруг поднялись в воздух, на мгновенье повисли в нем и со стоном рухнули назад…

Обжигающий удар взрывной волны тяжкой судорогой прокатился по окрестностям, осколки авиабомб крошили бетон обнажившихся из-под осевшей земли укреплений, уходя на излет с изматывающим душу воем. Лозина, который успел ничком упасть на дно траншеи, подкинуло вверх, ударив спиной обо что-то твердое, и он задохнулся от боли, не ощущая того, как тело безвольно скользит по дымящемуся оползню, скатываясь назад, в полузасыпанный ход сообщения.

В такие секунды контуженый разум избирательно выхватывает фрагменты реальности, навек запечатляя их в памяти…

…Иван не потерял сознание от оглушающего удара, и его помутившийся взгляд продолжал следить за сбросившим бомбы чужим кораблем, который по инерции следовал прежним курсом, — казалось, что, освободившись от своего смертоносного груза, он остался невредим, но прошла секунда, другая, и в наступившей вдруг ватной тишине чужеродный корабль внезапно начал разваливаться на отдельные фрагменты, падающие в лес, с глухими ударами подламывая попадающиеся на пути деревья…

Все происходящее плохо укладывалось в помутившемся, контуженом рассудке. Глядя, как распадается на куски корабль, Иван не мог понять: сами ли Чужие совершили непоправимую для себя ошибку, не соизмерив мощь человеческих средств взаимного истребления с конструкцией собственных кораблей, или их «надоумил» кто-то из согласившихся на сотрудничество людей?!

Впрочем, сейчас это было неважно…

«Связь…» — эта мысль настойчиво билась в ритме пульса, отдаваясь в висках ноющей болью.

Лейтенант сел, с трудом выбравшись из-под осыпавшейся на него горячей супеси. Рядом, откапывая скафандр с Бишем, работал саперной лопаткой Долматов, бруствер траншеи дымился, серое небо застилали сизые, причудливо свитые ветром дымные полосы…

Коммуникатор, встроенный в боевой шлем, работал постоянно, но на

несущей частоте сейчас слышалось лишь приглушенное потрескивание статики.

— Старшина?.. — с трудом выговорил Иван, отряхивая песок с автомата.

— На связи… — после долгой паузы пришел наконец ответ Булганина.

— Потери?

— Хорина убило. Наповал.

Лозин не помнил такой фамилии в списке своего взвода и понял, что речь идет об одном из танкистов, возможно, том самом, который полчаса назад рассказывал о гибели дивизии.

— Перегруппируй людей.

* * *

Пока бойцы рассредотачивались, занимая новые позиции в уцелевших при бомбежке отрезках ходов сообщения, которые теперь превратились в изолированные друг от друга укрытия, Иван не выпускал из поля зрения третий, наиболее крупный корабль пришельцев. Исполинская слоистая «подкова» все это время находилась на почтительном удалении от эпицентра событий, но сейчас, избежав пагубных последствий неумелого бомбометания, корабль Чужих вновь приблизился и начал снижаться, производя непонятные маневры над просекой, которая была слишком узка для его габаритов.

Совершить благополучную посадку он не мог, и лейтенант перевел взгляд на окружающее их позицию пространство.

Местность вокруг изменилась до полной неузнаваемости. Перепаханная взрывами прогалина окончательно утратила привычный контур покатой возвышенности, теперь она представляла собой изуродованную воронками, нивелированную общим оседанием почвы площадь, над которой торчали выступившие из-под земли железобетонные конструкции. Лес пострадал не в меньшей степени: большинство деревьев с корнем выворотило взрывной волной, повалив по радиусу окружности, в нескольких местах из чащобы валил жирный дым — это горели фрагменты двух чужих кораблей, бомбивших укрепления…

Взгляд Ивана обежал окрестности и вновь вернулся к подковообразному исполину, который неподвижно завис над дорогой, всего в пятистах метрах от передовых траншей, покачиваясь на высоте древесных крон.

Глядя на корабль пришельцев, Лозин испытывал странное ощущение

холодного, созерцательного равнодушия. Он не знал, виной тому контузия или натянутые до предела нервы направляли мысль в определенное русло, но впервые он смотрел на порождение иного разума, не задыхаясь от ненависти, а спокойно, даже взвешенно, будто бомбовые удары вышибли из рассудка все чувства…

Людей и Чужих разделяла неодолимая пропасть. Они разнились настолько, что трудно было даже вообразить точку соприкосновения. Логика ксеноморфов не поддавалась осмыслению, и отгремевшая бомбардировка только усилила чувство злого недоумения — они в буквальном смысле утюжили Землю? не считаясь ни с людскими жертвами, ни со своими потерями, будто над ними господствовал непонятный Ивану психоз…

Так могли действовать существа, у которых есть веские причины ненавидеть человечество, но земная цивилизация едва перешагнула порог ближнего космоса и попросту не успела перейти дорогу никакой иной расе.

Все это не находило разумного объяснения. Даже если принять к рассмотрению особенности строения чужих кораблей, то они с вопиющей очевидностью указывали на совершенно иную природную среду и условия обитания, которые сформировали техническую мысль пришельцев.

Что им нужно? Какова конечная цель их действий?

Тотальное уничтожение людей как вида имело смысл лишь в одном случае — если Чужие хотели колонизировать Землю, уничтожив разумных обитателей планеты, но сохранив ее природу. Однако Иван сильно сомневался в том, что биосфера Земли подходит чуждым существам. В случае победы над людьми они будут вынуждены коренным образом видоизменять природу завоеванной планеты, и простое сопоставление необходимых для этого усилий с термином «целесообразность» порождало у лейтенанта ощущение нонсенса.

Либо он грубо заблуждался в своих интуитивных оценках, либо…

Мысль оборвалась, будто ее отсекли ножом.

Иван до последнего момента надеялся, что им удастся избежать открытого боестолкновения — до восхода солнца оставалось несколько часов, и, несмотря на «белые ночи», лейтенант рассчитывал, что под серым покровом сумерек он сможет вывести взвод с развороченных позиций, но все надежды в один миг обернулись тщетой, когда из зависшего над просекой корабля вниз внезапно посыпались фигуры Чужих.

Их было не меньше сотни; появляясь из открывшихся в днище исполинского корабля отверстий, они соскальзывали на дорогу по тонким, едва приметным нитям, издали похожим на паутину, и тут же разбегались в

разные стороны, прячась за поваленными взрывной волной деревьями.

Ощущение созерцательности исчезло в один миг, разом нахлынули утраченные было чувства, словно голову окатило жаром…

Чтобы не потерять общее видение ситуации, Иван не стал включать увеличение — разглядывать экипировку или анатомию Чужих он не собирался, — в такие секунды главное — морально не спасовать перед подавляющим численным превосходством врага, проявить выдержку, ударить наверняка и нанести максимальный урон, используя фактор внезапности.

Прошло несколько минут томительного, напряженного ожидания, прежде чем стало ясно, что Чужие не ожидают серьезного противодействия со стороны перепаханных бомбежкой укреплений.

Темный вал, состоящий из сотни инородных фигур, спокойно сформировался под днищем высадившего их корабля, и ксеноморфы двинулись вперед, медленно накатываясь на развороченные укрепления, словно жуткая приливная волна.

Иван замер в болезненном ожидании преждевременного выстрела, но перепаханные воронками траншеи молчали, будто там не было никого живого…

Он посмотрел на волну приближающихся фигур, и дальномер послушно выдал на проекционное забрало боевого шлема цифровое значение дистанции:

Четыреста метров…

Триста пятьдесят…

Триста…

Позиции взвода молчали…

Вот когда дали свои рациональные всходы изнурительные марш-броски, ночевки под открытым небом, сотни часов *боевого взаимодействия* отделений, превратившие группу бойцов в единый организм, со стальными нервами, общим рассудком и несгибаемой волей…

Они ждали, буквально исполняя приказ командира: «бить только наверняка…»

Двести метров…

Уже невооруженным глазом можно было различить отдельные фигуры Чужих…

Сто пятьдесят метров…

В этот миг запредельного напряжения, когда черно-сизая масса инородных тел подступила почти вплотную к передовым траншеям, лейтенант услышал, как за его спиной в разных местах раздались

приглушенные хлопки выстрелов из подствольных гранатометов, и секунду спустя яркие сполохи разрывов ударили посреди боевых порядков Чужих, нанося чудовищный урон наступавшим в полный рост ксеноморфам.

Видимо, логика этих существ начисто отвергала саму вероятность того, что после химической атаки и двух волн ковровой бомбардировки среди полузасыпанных траншей может скрываться хладнокровный, способный к яростному и осмысленному сопротивлению противник.

Их тактика массированных ударов была слишком проста, прямолинейна, она годилась для уничтожения гражданского населения, но в столкновении с закаленными бойцами, прошедшими все круги ада локальных внутричеловеческих конфликтов, Чужим следовало остеречься подобного примитивизма…

…Первые разрывы еще не отгремели, когда хлопнул второй уже синхронный залп, и Иван приподнял голову, наблюдая последствия беглого огня.

Он увидел, как смерть плясала среди поредевших боевых порядков наступающих чужаков: разрывы осколочных гранат вспухали огненными бутонами, с силой отбрасывая в стороны уже мертвые либо агонизирующие тела, атака явно захлебнулась, но…

Лейтенант машинально взглянул на подковообразный корабль и увидел, как из открытых люков вновь начал соскальзывать вниз нескончаемый поток чуждых существ — их прибывало с каждой секундой, словно внутри огромного корабля скрывались тысячи особей иной расы.

В этот миг Иван впервые почувствовал, что теряет самообладание.

Казалось, настал их последний бой, копошащаяся впереди масса попросту неисчислима, и у людей элементарно не хватит патронов, чтобы уничтожить хотя бы половину высадившихся…

Отчаяние на миг цепко впилось в разум, но реальность завязавшегося боя столь же мгновенно уничтожила все чувства, — Лозин слишком высоко поднял голову, и тотчас по песчаному, покрытому прахом погибшей растительности брустверу взметнулась цепочка султанчиков, будто по нему резанула автоматная очередь.

Он машинально отпрянул назад и вдруг увидел, что это было на самом деле: в маленькой конической воронке на уровне глаз лежал длинный острый шип, совсем не похожий на пулю, но явно аналогичный по предназначению.

— Не высовываться! Огонь выше! Целиться по кораблю! — Лейтенант на одном дыхании отдал эти команды, мгновенно сопоставив уже известную ему прочность корпусов черных кораблей и тип

боеприпасов для подствольных гранатометов, оставшийся у его бойцов.

Это был единственный шанс изменить баланс сил, и он не ошибся: бойцы правильно истолковали приказ командира, они видели то же, что и он, мыслили в унисон с лейтенантом, и последний залп подствольных гранатометов послал по баллистической траектории восемь кумулятивных гранат, семь из которых попали в чужой корабль, озарив его слоистую обшивку неяркими сполохами.

Иван не мог видеть точные места попаданий, но он *знал* принцип действия кумулятивного заряда и мог представить, как струя пламени прожигает обшивку подковообразной громады, создавая внутри предполагаемых отсеков температуру до тысячи градусов по шкале Цельсия…

Словно в ответ на его наитие изнутри слоистой громады внезапно взметнулось несколько фонтанов чадного пламени, лишний раз подтверждая, что корабли Чужих, в силу каких-то особенностей, состоят из полимерных материалов и органики; возможно, их защита была изначально ориентирована на неизвестные людям типы энергетического оружия, но это являлось явным минусом в условиях Земли…

* * *

Первая атака Чужих захлебнулась на подступах к траншеям, но вторая волна высадившихся существ уже не повторила тактическую ошибку своих предшественников, тем более что отступать им было по сути некуда — за их спинами полыхал базовый корабль, извергая в небеса ревущие столбы пламени. Оставалось лишь гадать, каким образом ему удается удерживаться в воздухе, но на подобные размышления у людей не было ни времени, ни сил…

Ситуация менялась с каждой секундой: из объятого пламенем корабля больше не соскальзывали фигурки Чужих, но те, кто успел высадиться, объединившись с отступившими остатками первой волны, вдруг ринулись в атаку, накатываясь на развороченные бомбовыми ударами укрепления уже не сплошным темным валом, а отдельными группами, которые перебегали от укрытия к укрытию, ведя попеременный огонь по позициям людей…

В момент первой атаки Иван успел отчетливо разглядеть, что в руках наступавших не было никакого оружия, однако, невзирая на это, земля вокруг дыбилась сотнями султанчиков, в воздухе стоял непрекращающийся высокочастотный свист, острые пятисантиметровые шипы вонзались в обнажившиеся стены железобетонных конструкций, вокруг вновь

воцарился кромешный ад, где подавляющее превосходство мгновенно перешло на сторону Чужих…

Еще немного — и горстку людей просто сомнут…

С дальних позиций ударили скупые, экономные автоматные очереди, но, пригнувшись за бруствером, Иван не мог определить, как далеко продвинулся противник, он лишь понимал, что они с Долматовым оказались на острие клиновидной позиции, и их легко могут обойти с флангов.

— Прикрой! — крикнул он Андрею, резко выпрямляясь.

Он приподнялся всего на миг, чтобы оценить расстояние до атакующих, но и этого краткого промежутка времени хватило, чтобы несколько шипов вонзилось в опущенное забрало компьютеризованного шлема, покрыв его густой сеткой трещин.

Чужаки были уже совсем близко, метрах в сорока, и лейтенант, одной рукой отстегивая забрало, в котором застряло четыре шипа, другой выхватил из подсумка разгрузки ручную гранату и, не вставая, метнул ее за перепаханный бруствер.

Взрыв…

Мгновенный рывок, длинная очередь, падающие навзничь тела Чужих, свист, глухие болезненные удары в бронежилет — все это слилось в единое ощущение гуляющей рядом с тобой смерти, ее горячее дыхание, казалось, обжигает незащищенное лицо, нервы уже порвались, и тело отделилось от разума, — он вел непрерывный огонь, чтобы дать остальным бойцам взвода возможность поднять головы, увидеть врага…

С расположенных за спиной Ивана позиций дружно ударили автоматы, и лейтенант резко пригнулся — смерть снова разминулась с ним, и от этого хотелось заорать, но из пересохшего горла рвался лишь хрип…

Рядом внезапно возникла фигура Долматова — он медленно пятился, непрерывно стреляя в глубь хода сообщения, — значит, Чужие уже там, они все-таки обошли фланги, и дело идет к рукопашной схватке…

Пользуясь секундой передышки, Лозин перезарядил «шторм», оглянулся, и как оказалось — вовремя: справа от него в ход сообщения уже прыгали фигуры Чужих. Автомат в руках лейтенанта вновь разразился длинной очередью. Теперь он и Долматов стояли спина к спине, стреляя в противоположных направлениях, а поверх их голов летели ослепительные росчерки трассирующих пуль. Вновь гулко ударило несколько гранатных разрывов, потом над развороченными укреплениями раздался долгий, иссушающий разум крик смертельно раненного человека, и вдруг оглушающий, ни с чем не сравнимый грохот судорогой прокатился по

окрестностям…

Иван уже неадекватно воспринимал реальность. Ковер стреляных гильз покрывал дно траншеи, ноги тонули в нем по самые щиколотки, напротив, у изгиба хода сообщения, громоздилась баррикада из мертвых, изрешеченных пулями тел Чужих, а вокруг на несколько мгновений вдруг воцарилась ватная тишина.

Он обернулся, ощущая себя так, словно только что залпом выпил бутылку водки, — оглушенный разум не мог собрать воедино целостную картину окружающего, он воспринимал лишь отдельные ее фрагменты, словно бесконечную вереницу застывших стоп-кадров…

Остро пахло гарью.

Запах пробивался даже сквозь фильтры дыхательной маски, и Иван, подняв голову, понял — почему. Дыхательный аппарат съехал набок, одно крепление было перебито, по щеке щекотливыми каплями струилась кровь из неглубокого пореза, а источником зловонного дыма был внушительный обломок чужого корабля, лежащий метрах в десяти от полузасыпанной траншеи.

Огромная слоистая «подкова» взорвалась, и этот поколебавший окрестности удар заставил обе стороны на миг оцепенеть, прекратив огонь.

Чужие, которых оставалось не менее пяти десятков, внезапно оказались в невыгодном, уязвимом положении — сзади полыхали обломки их корабля, а с фронта вновь ударили автоматы, но они не дрогнули, будто такие чувства, как «обреченность» или «страх», были им незнакомы.

Ксеноморфы с маниакальным упорством вновь полезли вперед, но в этой последней схватке численное превосходство уже утратило свою роль. Люди расстреливали последние патроны из скудного боезапаса, но оставшиеся в живых бойцы уже перешагнули грань рассудка — невозможно сохранить здравую осторожность, когда отбрасываешь в сторону пустой автомат и нагибаешься над телом мертвого друга, чтобы взять из холодеющих пальцев наполовину разряженный «шторм»…

…Иван, перепрыгнув через завал убитых пришельцев, выскочил из траншеи и оказался между полыхающим обломком чужого корабля и последней группой атакующих. Они не видели его, и Лозин одну за другой швырнул две ручные гранаты, тут же упав, чтобы не угодить под шальной осколок.

Впереди громыхнул сдвоенный взрыв, и, подняв голову, лейтенант увидел, как по оглушенным ксеноморфам в упор бьют из автоматов уцелевшие в схватке бойцы. Они поднялись из траншей, словно призраки, а Чужие совершенно потеряли ориентацию — свинцовые очереди

опрокидывали их на землю, сопротивление было сломлено, и бой, только что суливший им победу, внезапно обернулся полным поражением…

Гранаты, имевшиеся только у лейтенанта, и кинжальный перекрестный огонь сделали свое дело — десяток ксеноморфов, уцелевших под пулями и осколками, все же не выдержали, побежали назад, но их догоняли посланные вслед очереди, пока последний не ткнулся лицом в горячий, смешанный с пеплом песок…

…

Багряное солнце еще не проклюнулось над далекой линией горизонта, но вокруг уже стало светлее.

В воздухе плавали сизые сгустки дыма, и Иван, лежа на прогорклой земле, еще не понимал, что. они победили…

Осознание вырванной неимоверной ценой победы придет позже, вместе с болью потерь, а сейчас он, пошатнувшись, встал, потом машинально посмотрел на индикатор зарядов, который указывал, что в последнем магазине «шторма» осталось всего восемь патронов, обернулся и вдруг увидел старшину, который с окаменевшим лицом застыл над мертвым, облаченным в изодранный скафандр телом…

Его дыхательная маска была снята, губы Степана беззвучно шевелились, и по Выражению лица Булганина становилось ясно, что это не немая молитва, а беззвучные слова страшной клятвы, идущие из глубин души…

Сзади подошел Долматов. Автоматическая снайперская винтовка была заброшена за спину, а на руках он держал скафандр, куда перед боем поместили дрожащее тело Биша.

— Умер… — обессиленно садясь на землю, произнес Андрей. — Умер он, командир…

Глава 6

Опушка лесного массива, неподалеку от разрушенных укреплений. Раннее утро…

Изможденные боем, они похоронили тела четверых погибших и, только отдав последний долг товарищам, собрались на опушке леса, где не так несло гарью от горящих обломков чужих кораблей.

Семь человек, выстоявших против целого сонмища. В их глазах не было ни капли от пережитого ужаса, лишь немая скорбь.

— Что дальше, командир? — спросил старшина, присаживаясь на мягкую прохладную подстилку лесного мха. — Самое время уходить, верно?

Лозин кивнул.

— Нужно отремонтировать два скафандра, — произнес он.

— Зачем? — вскинул голову старшина.

— Загерметизируем в них тела двух Чужих, — ответил лейтенант. — Нас атаковала совершенно иная форма ксеноморфов. Я еще не сталкивался с подобными.

— Ты хочешь сказать, что мы понесем на себе эту дрянь?

— Да, понесем. Так нужно, Степан. Двух Чужих и мертвого Биша. Их необходимо доставить в лабораторию для исследования.

— У нас осталось по десятку патронов на человека, — сумрачно напомнил Булганин.

— Я знаю. Выполняй приказ. Отремонтируй скафандры и постарайся восстановить не только их герметичность, но и систему терморегуляции. Они должны работать как морозильники.

— Сделаю…

— Я не сомневался. — Лозин встал, опять тяжело пошатнувшись. — Я иду к обломкам корабля. Думаю, что там, внутри, найду уже знакомую мне разновидность Чужих.

Старшина кивнул, больше не собираясь спорить.

— Багиров с лейтенантом, — распорядился он. — Решетов, неси сюда скафандры и ремкоплект к ним.

* * *

Пожар, бушующий на месте крушения подковообразного корабля, не

утихал, более километра стратегической автомагистрали покрывала пузырящаяся, рдеющая масса, из-под которой то и дело вырывались столбы пламени, похожие на гейзеры магмы.

Их отсветы ложились на изуродованную землю, усеянную телами Чужих, отбрасывали гротескные тени от обнажившихся из-под земли бетонных конструкций.

— Не страшно? — спросил Иван, когда они шли краем укреплений.

— Нет, командир, — ответил Багиров, перешагивая через мертвое тело Чужого, наполовину свесившееся в темный провал хода сообщения. — Страшно было, когда они пошли во вторую атаку… — внезапно признался Павел. — Патроны кончились, — скупо пояснил он. — Достал нож, а сам думаю: куда бить-то? Хотел спросить у Сереги, оборачиваюсь, а он стоит у стенки траншеи и уже не дышит… Пригвоздило его этими шипами прямо к бетону, в горло попали, в руки, про броник и говорить нечего… — Он тяжело вздохнул и добавил: — Я взял его автомат, а в голове, веришь, командир, — пустота. Ни мыслей, ни страха, ничего.

— А сейчас? — спросил Иван, перелезая через поваленные взрывной волной деревья.

— Не знаю, — честно ответил Багиров. — Вспомнился тот бой на Каспии, у танкера… Тоже круто нас тогда зажали, и ребят пришлось хоронить, но тут… Иное совсем. Чувства совсем другие. Теперь задним числом понимаешь, что «духи» из каравана хоть и сволочи были, а свои. Дикий абсурд получается, командир… Крыша от этого едет.

— Не едет у тебя крыша… — возразил Лозин. — Цель тех афганцев, что вели караван, можно было понять. Ты знал, что они стреляют в тебя из-за денег, их черный бизнес так или иначе входил в сложившуюся систему наших внутренних проблем. А этих… — Иван неопределенно кивнул в сторону зарева, — мы не понимаем. Оттого и пустота в душе, и потеря любого человека невосполнима, неоправдана. Мы не находим объяснения этой войне…

— А как нам найти *их правду*?

— За тем и лезем, — ответил лейтенант.

Перебравшись через поваленные деревья, они оказались на небольшой просеке, в конце которой, врывшись в землю, застыл корабль Чужих, — тот, что первым отбомбился на старые укрепления.

— У тебя камеры шлема работают?

— Да.

— Снимай все на видео. Багиров молча включил запись.

Черный корабль от удара раскололся на три неравных фрагмента, так

что попасть в его внутренние отсеки оказалось несложно — нужно было лишь подойти к любому из обломков и обойти его кругом, разбираясь, где обшивка, а где ее нет.

Иван так и сделал. Включив фонарь, он вошел в разлом между двумя фрагментами чужого корабля, освещая его внутреннюю структуру.

— Похоже на какие-то норы… — с нотками отвращения произнес Багиров.

Действительно, внутри корабль пришельцев был пронизан сложной системой округлых коридоров, диаметром около двух метров. Они не имели четкой симметрии, впрочем, как и сам корабль, который внешне напоминал обугленное корневище исполинского дерева. Никакого разнообразия красок, везде один и тот же глянцевито-черный материал, гладкий на ощупь и остро пахнущий чем-то чуждым.

Пройдя через разлом, Иван внимательно осмотрел все доступные взгляду подробности, но не нашел искомого. Вернувшись на несколько шагов назад, он указал на округлый лаз, который вел внутрь внушительного обломка и, по прикидке Лозина, должен был оканчиваться в одном из трех утолщений.

— Свети! — приказал он Багирову, первым ступая на скользкий, гладко отполированный пол тоннеля.

* * *

Коридор оказался коротким и действительно вывел их в небольшой зал идеальной сферической формы.

Все внутреннее пространство помещения было занято сложным сплетением непонятных выростов, похожих на причудливо изогнутые и навек застывшие ветви фантастического дерева. На ощупь это был все тот же черный материал, только уже не гладкий, а шероховатый, да и запах внутри сферического помещения стал резче, а свет фонаря внезапно выхватил из тьмы фигуры Чужих, которые в первый момент могли показаться сюрреалистическим скульптурным ансамблем.

Иван пробрался к одному из тел.

Чужой не подавал признаков жизни. Он был облачен в знакомый Лозину панцирь, сбоку на поясе в жесткой петле приторочена короткая полуметровая трубка, в которой Иван тут же распознал ручной лазер.

И опять, в какой уже раз лейтенанта поразила абсолютная чуждость, несовместимость техники Чужих с земными аналогами. Вне сомнения, они с Багировым находились в рубке управления кораблем, но на глаза не попалось ни одного механизма или прибора — только причудливое

сплетение черных «ветвей» да три тела, которые органично сочетались с окружающей обстановкой.

Лозин подошел ближе, низко пригибаясь, чтобы не задеть головой жесткие, переплетенные между собой конструкции. Свет фонаря вновь осветил фигуру Чужого, и Иван смог отчетливо разглядеть, что четырехпалые кисти его рук по самые запястья погружены в узловатый клубок черных отростков.

Иван так или иначе собирался забрать тело, поэтому он ухватил Чужого чуть выше запястья и попробовал извлечь кисть его руки из отверстия, но та не поддалась слабому усилию. Пришлось действовать грубо, раздался неприятный звук, похожий на треск рвущейся ткани, и четырехпалая кисть вышла из отверстия.

Он посмотрел на пальцы Чужого и понял, что внутри отверстия нет никаких кнопок или манипуляторов, — с пальцев ксеноморфа местами была содрана кожа, а из свежих ранок капала розовая сукровица.

Багиров, наблюдавший за этой операцией, судорожно сглотнул.

— Он что, прирос к этой дряни?

— Нет… — ответил Иван, с таким же усилием извлекая вторую руку Чужого. — Скорее там внутри есть ответное гнездо, совпадающее по форме с его кистью.

— И что? — не понял Багиров.

— Ранки доказывают наличие там каких-то острых шунтов, — предположил лейтенант. — Я думаю, что они соединяют нервную систему Чужого непосредственно с кораблем, поэтому мы не видим вокруг привычных для нас органов управления.

— Пилоты и корабль составляют единое целое?!

— Да, — кивнул Лозин, с усилием протаскивая тело Чужого сквозь сплетение черных «ветвей». — Здесь наверняка имеют место биотехнологии, возможно, сам корабль не собран, а *выращен*, ты понимаешь, о чем я?

— Понимаю, — ответил Багиров.

* * *

Им потребовалось минут десять, чтобы вытащить тело Чужого из обломков корабля. Выбившись из сил, они остановились, и Иван, воспользовавшись передышкой, вытащил из жесткой петли, закрепленной на поясе Чужого, излучающую трубку с утолщением на конце.

— Отойди в сторону, — приказал он Багирову. — Хочу проверить одно свое предположение.

Павел отошел на несколько шагов, наблюдая за действиями лейтенанта.

Лозин внимательно осмотрел оружие. Без сомнения, тонкий конец являлся излучающей частью, в утолщении же было заключено компактное устройство накачки, а маленький крючкообразный вырост, расположенный сбоку от утолщения, инициировал разряд.

Направив излучающую трубку на обшивку черного корабля, Лозин осторожно коснулся нароста, потянув на себя своеобразный «спусковой крючок».

Небольшую просеку внезапно озарила рубиново-красная вспышка, разряд ударил точно в то место, куда целился лейтенант, но, как он и предполагал, на черной, глянцевитой поверхности инородного корабля не осталось даже следа от попадания.

— Что это, командир? — раздался сзади голос Багирова.

— Ручной инфракрасный лазер, — ответил Лозин, внимательно осматривая тот участок обшивки, куда ударил разряд.

Ничего. Ни следов плавления, ни нагрева, будто черный материал полностью поглотил направленное на него когерентное излучение.

Вернувшись к телу Чужого, он молча кивнул Багирову:

«Понесли».

…

Приближался рассвет, когда небольшой отряд из семи человек смог наконец тронуться в путь, скрывшись под спасительной сенью лесного массива.

Идти было тяжело, бойцы, измотанные жестоким боем и бессонной ночью, кроме привычной экипировки, несли упакованные в скафандры тела двух Чужих и окоченевший труп Биша.

Впереди лежали сто пятьдесят километров лесных дорог, а в магазинах их оружия, после перераспределения боекомплекта, оставалось всего по восемь патронов…

* * *

Четверо суток спустя, на закате, они вышли к деревушке, где Лозин неделю назад позаимствовал внедорожник, отправляясь на поиски своего взвода.

Черные корабли неустанно кружили над лесом, день за днем тщетно прочесывая окрестности покинутых укреплений. Неизвестно, к какому выводу пришли Чужие, но Иван не строил радужных иллюзий — он сомневался, что исчезновение мертвого пилота, изъятого им из обломков

корабля, останется незамеченным.

Безопасности ради следовало отталкиваться от наихудших предположений: Чужие знают, что часть людей уцелела в бою и скрылась. Это означало, что их будут искать упорно и целенаправленно.

Пока что лес надежно скрывал небольшой отряд от систем обнаружения, но теперь измученным людям предстояло преодолеть еще полсотни километров, двигаясь уже по открытой местности, и перед командиром встала дилемма: двигаться дальше пешим порядком, используя редкие кустарниковые заросли и перелески, либо рискнуть и воспользоваться одной из двух оставшихся в гараже двухэтажного особняка машин?

Посоветовавшись со старшиной, он направил отряд к дому. Подземный гараж, по мнению Лозина, был хорошим убежищем. Изможденным людям требовался отдых, а вопрос об использовании машин следовало отложить до их детального осмотра — отправляясь на поиски, Иван проигнорировал две иномарки, не поинтересовавшись, в каком они состоянии.

Под покровом сумерек космодесантники проникли на территорию особняка.

Распределив смены и выставив часовых, лейтенант со старшиной отправили свободных людей спать, а сами занялись осмотром машин.

«Форд» завести не удалось — сложная система электроники отказывалась работать на негаданных хозяев, а вот прагматичные немцы удосужились снабдить свое комфортабельное детище «БМВ» вторичной системой управления, рассчитанной на внезапный отказ электронных компонентов, так что защиту удалось обойти грубым, но действенным способом: из блока предохранителей, методом «тыка», извлекли все вставки, связанные с цепями бортового компьютера, оставив работать лишь систему зажигания.

После того как двигатель «БМВ» завелся, старшина чуть повеселел. Заглушив мотор, он обернулся к лейтенанту и сказал:

— Ну что, командир, а не пошарить ли нам по дому?

— Зачем? — нахмурился Лозин. Еда у них была, а немые свидетельства внезапно оборвавшей жизни, которые неизбежно хранили разбросанные в комнатах вещи, действовали на него угнетающе.

— Оружие, — веско произнес Степан. — У хозяина наверняка имелось разрешение, такой особняк вдали от города, у леса, что бельмо в глазу, верно?

— Верно, — согласился с его логикой Иван. — Пойдем посмотрим.

* * *

Встроенный в стену металлический шкаф для хранения оружия они нашли на первом этаже в холле здания, где гулял ветер, проникающий через выбитые панорамные окна. Очевидно, у хозяина имелась своя охрана, которая круглогодично несла здесь караульную службу.

Кем бы ни был владелец этого дома, но толк в оружии он знал. Когда старшина после долгих усилий вскрыл дверцы металлического шкафа, то глазам лейтенанта предстал небольшой, но грамотно подобранный арсенал. Пять «стволов», заботливо установленных в отдельные ячейки «пирамиды», являлись не охотничьим оружием и не красивыми огнестрельными игрушками, а проверенными временем армейскими образцами: два «шторма», один РГС[12] и две снайперские винтовки модификации «СВК».

— Видишь, командир? — Степан ласково приподнял станок для стационарного крепления РГС. — Хозяин-то был гостеприимный…

— Ладно, старшина, не поминай мертвых… — осадил его Лозин.

— А кто тебе сказал, что он умер? — криво усмехнулся Булганин, намекая на бывшего капитана Заулова, который оказался в добровольном услужении у Чужих. — Обычный, пусть даже очень состоятельный человек обзавелся бы игрушками попроще, — закончил Степан свою мысль.

— Забираем это и пошли. — Иван не был расположен развивать разговор на тему о гипотетическом хозяине особняка. — Лучше давай решим, как двигаться дальше?

Старшина пожал плечами, взваливая на себя треножный станок.

— А что тут думать? Установлю эту лапушку на крыше «БМВ», там люк съемный, трупы загрузим в багажник, ребят в салон, окошки откроем, патронов тут нам припасли, — пусть тогда попробуют догнать чудо немецких технологий с российским реактивным гранатометом на крыше…

Иван кивнул, доставая из пирамиды магазины для «шторма».

— Ладно, Степан, твоя взяла, — произнес он и добавил: — Нам главное прорваться до города, там перегрузимся во вторую БМК, если Чужие еще не добрались до моего «гостинца».

— Не добрались, командир, — с неожиданной уверенностью в голосе откликнулся старшина. — У них в последние дни появилась масса иных проблем.

«Это точно…» — подумал Лозин, невольно вспоминая страшные подробности последнего боя.

* * *

За сутки, проведенные в особняке, ребята успели выспаться, и это радовало Лозина больше, чем полностью подготовленная к прорыву «БМВ». Он понимал, что открытую местность не пройти незаметно, учитывая, что в небесах по-прежнему систематически появлялись разведывательные корабли Чужих.

Что пешую, что моторизированную группу рано или поздно обнаружат с воздуха, и тогда придется прорываться с боем, чтобы уже в городе, среди скопления высотных зданий, попытаться стряхнуть назойливых преследователей, по возможности уклоняясь от прямого столкновения.

Иван понимал, что к базе МЧС они должны подойти уже без шума, а надежное прикрытие от обнаружения могла, по мнению лейтенанта, обеспечить лишь боевая машина космодесанта, оснащенная мощными системами подавления вражеских сенсоров…

Так размышлял Лозин, но что их ждет на самом деле, не ведал, наверное, никто…

Светлые ночи, которые пробуждали радостное настроение в прежние времена, знаменуя конец весны и начало лета, теперь играли на руку Чужим. Побывав внутри их корабля, Иван сделал важный, основополагающий вывод: техника пришельцев не имеет ничего общего с кибернетикой, она основана на бионике и генной инженерии, — значит, в основе их систем обнаружения лежат такие понятия, как «зрение», «обоняние» и «слух», возможно, они применяют эхолокацию и тепловидение. Опыт подсказывал, что от подобного набора сенсорных органов хорошо защищают любые постройки, но на открытой местности от них сложно укрыться.

Город, как назло, окружали «голые» пространства сельскохозяйственных угодий — именно поэтому лейтенант согласился с мнением старшины. Степан справедливо заметил: чем вести измученных людей с тяжкой ношей на плечах через перелески и редкие кустарниковые заросли, проще, используя машину, прорваться через опасную зону на большой скорости.

…Лейтенант ждал заката и наступления сумерек, когда у чистого горизонта вдруг обозначился свинцово-серый грозовой фронт. Похоже, сама природа решила этой ночью сыграть на стороне малочисленной группы людей — не прошло и часа, как из-под приближающейся тучи подул сильный ветер, небо темнело на глазах, хотя солнце еще не село, воздух сохранял удушливый зной, но по пустому двору усадьбы уже

закрутились маленькие пыльные смерчи — верный признак надвигающейся непогоды.

* * *

Первые крупные капли дождя ударили по пыльной земле, разлетаясь шариками-брызгами, словно верный сигнал к выступлению.

Было девять часов вечера, но вокруг воцарился мрак, небо уже полностью заволокли свинцовые тучи, вдали били молнии, усилившийся ветер волновал кроны деревьев, с протяжным свистом проносясь сквозь обрывки линий электропередачи.

— В машину! — скомандовал Иван. — Багиров, за руль, Степан, ты следишь за небом, остальным осматривать горизонт.

Все было подготовлено заранее, поэтому уже спустя минуту «БМВ», вырулив из подземного гаража, плавно выехала на дорогу и, набирая скорость, рванула в сторону города по прямому отрезку федеральной трассы.

Дождь внезапно хлынул как из ведра, потоки воды низвергались с небес, снижая видимость до нескольких метров, но Багиров не включал фары, благо встречных машин не могло быть в принципе, и он вел «БМВ» по центру дороги, ориентируясь на хорошо различимую разметку разделительной полосы.

Сквозь опущенные ветровые стекла и снятый люк в салон врывался свежий пьянящий воздух, смешанный с мелкими брызгами дождя, ветвистые молнии рвали черное полотнище небес, на миг озаряя окрестности, вспышки сопровождались оглушительными раскатами грома, но люди радовались буйству стихии, даже старшина, по пояс высунувшись в проем снятого люка, воспринимал хлещущие по лицу струи как великое благо.

Буйство стихии вызывало в нем ответные эмоции — Степану хотелось расхохотаться, радуясь мрачному торжеству природы, его жилистые руки крепко сжимали прикрученную к крыше «БМВ» вращающуюся станину тяжелого реактивного гранатомета, а взгляд в момент ослепительных вспышек искал на фоне низких клубящихся туч силуэт чужого корабля — Булганину хотелось увидеть его, потому что сегодня была их ночь…

…Спустя тридцать минут бешеной, рискованной гонки они въехали на окраину города в районе знакомой металлобазы.

— Сбрось скорость, — проронил Иван, обращаясь к Багирову. — На перекрестке стоит сгоревшая БМД.

— Помню, командир…

Машина плавно вписалась в поворот, свернув на перекрестке, и спустя минуту в дождливом мраке показались распахнутые настежь ворота контрольно-пропускного пункта воинской части.

— К техническим боксам! — скомандовал лейтенант. Машина плавно перевалила через низкий бортик, проехала по клумбе и оказалась на ровной площадке строевого плаца. Впереди смутно белело низкое бетонное ограждение технического паркинга. Багиров притормозил, потом, отыскав взглядом въезд, круто вырулил в сторону, но Лозин остановил его, жестом указав: всё, приехали.

— В чем дело, командир? — раздался снаружи осипший голос старшины.

— Остановимся тут, — ответил Иван, выходя из машины. — На паркинге и так не протолкнуться. Всем занять позиции по периметру. Следить за подступами. Булганин, со мной.

Бойцы один за другим исчезли в дождливом мраке, а лейтенант со старшиной пошли напрямик к техническим боксам. Проходя мимо посеченных осколками и прошитых пулями внедорожников, Степан лишь хмыкнул, когда подле машин запах озона перебили флюиды разлагающейся плоти.

Внушительные ворота консервационного ангара были плотно сомкнуты.

— Подожди, Степан… — Лозин быстро обезвредил установленное им неделю назад взрывное устройство и только после этого распахнул тяжелые створки.

Внутри бокса было сухо. Проливной дождь с шелестом хлестал по пластиковой крыше, вода гулко плескалась в стоках, но больше никаких звуков не доносилось со стороны улицы, и это радовало…

Старшина пошел к боевой машине, ласково провел рукой по прохладной броне.

— Живем, лейтенант… — с хрипотцой произнес он. — Нам бы тебя неделей раньше, не хоронили бы тогда ребят… — глухо добавил Степан, открывая кормовой люк.

— Заводи, — распорядился Иван. — Бортовой компьютер пока не включай, все на ручном управлении. Зови ребят. Нужно успеть загрузить боекомплекты, пока у этих тварей погода нелетная.

* * *

Всемером они быстро справились с погрузкой. Дождь, вопреки ожиданиям, не прекратился, непогода разбушевалась всерьез, шквалистый

ветер гнал по небу тяжелые напоенные влагой облака, и старшина внезапно обратился к Лозину с просьбой:

— Командир, жаль бросать «БМВ». Может, дашь мне Багирова, а?

Иван на секунду задумался, потом согласно кивнул. Лишняя техника не помешает.

— Багиров, будешь идти бампер к бамперу, понял? Я накрою вас сенсорной защитой. А ты, — он обернулся к Степану, — не геройствуй. Огонь открывать только в крайнем случае.

— Ладно, не маленький… — ответил Булганин.

— Всё, тогда по машинам. У нас осталось два часа до рассвета. Нужно проскочить незамеченными во что бы то ни стало, иначе вся операция потеряет смысл.

…Не включая фар, они выехали на улицы мертвого, мрачного, мокнущего под дождем города. Коробки зданий тесно обступали пустые улицы, по которым, смывая мусор, текли бурлящие потоки воды, с грохотом низвергаясь в колодцы ливневой канализации.

В кабине БМК было сухо и тепло, экраны внешнего обзора отсеивали пелену дождя, убирали мрак, отчего контуры зданий казались контрастными. Иван вел боевую машину по пустым улицам, вспоминая, как пробирался окраиной города неделю назад, еще не ведая, найдет ли ребят, и вот в эту темную грозовую ночь перед ним наконец забрезжил лучик надежды.

Он возвращался не один, несмотря на безумие жестоких схваток, потери, лишения…

Сейчас пройденный путь казался страшным, невероятным, но в душе росло новое чувство — исчезла обреченность, пришло понимание того, что не было напрасных, бессмысленных жертв, он возвращался на базу МЧС не только с выжившими людьми, но и с бесценной, необходимой как воздух информацией, которую еще предстояло осмыслить.

Замороженные в скафандрах тела Чужих должны пролить свет на многие, не имеющие сейчас ответа вопросы.

Победа его взвода заключалась не в количестве уничтоженных врагов и сбитых кораблей, а в том, что они доказали: Чужие уязвимы, с ними можно бороться, значит, есть реальный шанс отыскать разрозненные остатки цивилизации, объединить их и дать *настоящий* отпор внезапно обрушившейся на Землю иной форме жизни.

…Дождь пошел на убыль перед самым рассветом, когда две машины уже пробирались по лесной дороге.

Миновав очередной поворот, Иван увидел распахнутые ворота

скрытой в прибрежном лесу базы.

Никаких тревожных следов, все пусто и тихо, лишь первая, отбитая у Чужих БМК стоит не под навесом, а загнана внутрь одного из зданий через специально сделанный пролом в стене.

Он завел боевую машину под навес, оставив место, чтобы Багиров мог припарковать рядом «БМВ». Выключив питание пульта, Иван открыл расположенный над головой люк и вылез на мокрый скат лобовой брони.

Оглядевшись, он хотел отдать приказ, но заготовленная фраза вдруг застряла в горле: на пороге неказистого одноэтажного здания стояла Настя, неотрывно глядя на осунувшегося, похудевшего Ивана.

Спрыгнув с брони, Лозин, забыв обо всем, шагнул ей навстречу, Настя тоже сделала неуверенный шаг вперед, словно не могла поверить, что перед ней не призрак; они встретились на полпути между навесом и зданием, молча, с надрывной внутренней болью облегчения прижались друг к другу и застыли, не смея даже вздохнуть, пока хрупкую тишину не нарушил чавкающий звук пневматического уплотнителя открывшегося люка, сопровождаемый зычным голосом старшины:

— Выгружаемся, ребята. Похоже, приехали…

Часть 3. Ксенобиане

Глава 7

База МЧС России…

Возвращаясь, Лозин не загадывал, что именно намерен предпринять дальше. Он вел отряд лесными дорогами, думая лишь о ежеминутных проблемах выживания, но теперь, оказавшись в относительной безопасности, Иван внезапно ощутил, что бремя ответственности не стало легче, не упало с его плеч, а, напротив, лишь усугубилось.

Все смотрели на командира, ожидая дальнейших решений, постановки новых задач, и лейтенанту волей-неволей пришлось вникать во все тонкости сложившейся к моменту их возвращения ситуации.

Неожиданная встреча с Настей, острая из-за внезапных, недовысказанных чувств, вновь всколыхнула его огрубевшую душу, но краткий миг молчаливой близости, нарушенный голосом старшины, заставил их смутиться, а затем на Ивана навалилось столько забот, что он не смог даже толком выспаться после многодневных боев и скитаний.

Замаскировав машины и разместив бойцов, Лозин первым делом спустился в центральный зал, который они с Джоном осматривали в тот памятный день, когда отыскали базу, и сразу понял, что немедленно решить свои личные проблемы или просто завалиться спать ему не светит: лейтенант увидел, что, вопреки его строжайшему запрету, добрая половина компьютерных комплексов включена в работу.

За одним из терминалов сосредоточенно работал Херберт. В помещении стоял характерный неназойливый шум — внутри процессорных блоков тихо вращались вентиляторы охлаждения, попискивали индикационные сигналы, фотопринтеры с равномерными щелчками выбрасывали в поддоны десятки отпечатанных копий каких-то данных.

Заслышав шум шагов, Херберт повернулся вместе с вращающимся креслом и, увидев Лозина, вскочил, не скрывая радостного волнения.

— Иван?! — Он запнулся, нарвавшись на холодный взгляд Лозина.

— Что это значит, Джон? — резко осведомился лейтенант, отвечая на рукопожатие. — Я же запретил включать компьютерную сеть!

— Успокойся, твой запрет не нарушен. — В голосе Джона прозвучала обида.

— Тогда объясни мне все это! — Лозин одной рукой указал на

работающие терминалы, одновременно протягивая Херберту его драгоценный ноутбук.

Джон принял переносной компьютер, как великую ценность, и тут же спросил:

— Как Биш?

— Он умер… — сухо ответил лейтенант. — Я жду объяснений, Джон. — Лозин сел в кресло, ощущая, как с новыми внезапными проблемами вместо облегчения возвращается свинцовая усталость.

Херберт отложил в сторону ноутбук и сел напротив за овальный стол.

— Может, тебе лучше выспаться, Иван? — спросил он. — Я уверяю, что твой запрет не нарушен и база никоим образом не демаскирована.

— Нет уж… — остывая после внезапной вспышки гнева, ответил Лозин. — Выкладывай, что ты тут начудил!

Херберт нахмурился. Его знание русского языка порой не позволяло Джону адекватно реагировать на некоторые речевые обороты.

— Я не чудило, а ученый, — внезапно с вызовом заявил он.

Лозин поднял на него усталый взгляд.

— Не цепляйся к словам. Давай по существу.

— Хорошо. — Херберт сцепил пальцы рук в замок. — Могу тебе сообщить, что, по открытым для общественности сведениям, к январю этого года на орбитах вокруг Земли обращалось восемнадцать тысяч искусственных спутников. Заметь, это открытая информация, то есть данная цифра значительно преуменьшена, в нее не включены объекты, относящиеся к военным орбитальным группировкам различных стран.

Иван кивнул. Статистика, по его мнению, не извиняла действий Херберта.

Джон понял это и продолжил, стараясь не смотреть на хмурое, усталое лицо лейтенанта.

— Все гражданские спутники можно поделить на несколько категорий. Одни предназначены для научных экспериментов, другие играют роль ретрансляторов для различных видов связи, третьи не столь узкоспециализированы и несут на борту смешанные комплексы оборудования. Однако есть еще одна категория орбитальных аппаратов, которые, как правило, имеют двойное предназначение. Это метеорологические спутники, постоянно отслеживающие движение воздушных масс. Они полностью автоматизированы и постоянно передают данные на Землю. Часть из них занимает строго определенные точки геостационарных орбит, и такие спутники отслеживают обстановку над отдельными регионами Земли, иные движутся относительно поверхности

планеты, охватывая своими сенсорами все континенты и океаны. Из-за того, что информация с метеоспутников постоянно передается в режиме реального времени, ими зачастую пользуются военные, когда нужно «взглянуть» с орбиты на тот или иной регион. Для этого нет необходимости выходить на связь с орбитой, достаточно знать, на каких частотах передается нужная метеорологическая информация, которая по международным соглашениям кодируется в едином стандарте.

— То есть ты хочешь сказать, что, несмотря на отсутствие ответных сигналов от наземных центров управления, автоматика метеоспутников продолжает свою работу? — уточнил Иван.

— Вот именно, — удовлетворенно кивнул Херберт. — Им все равно, что творится на Земле, компьютеры выполняют однажды заданные программы, наполняя эфирное пространство колоссальным количеством данных о состоянии атмосферы. Но данные телеметрии, передаваемые в режиме он-лайн, неизбежно содержат не только сведения о движении воздушных масс, но и снимки земной поверхности, которая попадает в зону разрешающей способности видеокамер, когда тот или иной спутник проходит над участками чистой атмосферы, где нет пелены облаков. У меня не было необходимости налаживать связь с данной категорией орбитальных аппаратов, я лишь принимаю сигналы от них, никоим образом не обнаруживая точку нашей дислокации, а в результате за неделю мне удалось получить качественные снимки девяноста процентов поверхности суши! Я строго придерживался рамок запрета на обратную связь и не пытался отдавать команды с Земли компьютерам орбитальных аппаратов.

— Извини, Джон… Я был не прав, — произнес Лозин, осмыслив действия Херберта. — Ты можешь показать мне, что видят спутники?

— Да. У меня есть суммирующая картинка. — Джон встал, указывая на одну из полупрозрачных проекционных перегородок, где на контурные очертания материков компьютерная система накладывала постоянно пополняющуюся мозаику, собранную из отдельных, поступающих с орбиты кадров телеметрии.

Иван, не без внутреннего напряжения, подошел к развернутой на плоский планшет карте земных полушарий.

Херберта нужно было не ругать, а хвалить, но все проявления эмоций теряли свое сиюсекундное значение, бледнея перед картиной, которую потрясенно созерцал лейтенант.

Земля после вторжения…

Все без исключения материки родной планеты были покрыты огромными участками пепельно-серой коросты, образовавшейся

вследствие глобальных разрушений, пожаров, техногенных катастроф, — на первый взгляд зрелище опаленных материков ужасало, но не зря древняя мудрость гласит, что надежда умирает последней, — разум стыл от картин непоправимых глобальных разрушений, а взгляд уже соскользнул с серо-коричневых клякс неправильной формы, интуитивно выискивая иные оттенки цвета.

Как и предсказывал Херберт, менее всего от удара астероидных масс пострадали европейская часть Евразии, Африка и Австралия. Много зеленого цвета содержал и южноамериканский континент, там, где в тропических лесах несла свои воды величественная Амазонка.

Наибольшим разрушениям подверглись густонаселенные урбанизированные регионы, где один город плавно переходил в предместья другого, — такая инфраструктура близко расположенных мегаполисов была характерна для Соединенных Штатов, Китая, Таиланда, Индии — стран, страдавших к моменту вторжения от проблем, связанных с перенаселением.

Европа, в традиционном понимании данного географического термина, была покрыта множеством локальных очагов техногенных катастроф. Такую же картину избирательных разрушений, сопряженных с крупными городами и промышленными центрами, можно было наблюдать повсюду, и на европейской части России, и на африканском континенте, и в Австралии…

Зная среднюю плотность населения в особо пострадавших регионах планеты, нетрудно было приблизительно подсчитать, что орбитальная бомбардировка и последовавшая за ней цепь техногенных катастроф унесли по меньшей мере семьдесят процентов населения Земли…

Эта цифра низводила разум до состояния шока. Иван видел, сколь страшна картина последствий глобальной катастрофы в промышленной зоне родного города, но его воображение отказывалось представить, как выглядят сейчас руины мегаполисов, чьи сверхнебоскребы попирали небеса…

И в то же время оставался неистребимый лучик надежды: пусть выжила лишь треть человечества, но ведь это миллионы людей, и они не могли попросту исчезнуть, сгинуть без следа…

Джон молча стоял за спиной лейтенанта, понимая, какие трудные минуты переживает сейчас Иван. Он сам прошел сквозь это шоковое потрясение, когда опускались руки, а глаза отказывались смотреть на очередной фрагмент чудовищной мозаики, поступивший с орбиты Земли…

— Эти снимки можно увеличить?.. — наконец хрипло спросил Иван,

нарушая тягостную тишину.

— Да, — ответил Джон. — С какой целью?

— Нужно выяснить судьбу выживших людей и найти места базовой дислокации пришельцев.

— Я уже сделал это, — неожиданно ошарашил лейтенанта Херберт.

Иван обернулся, недоверчиво посмотрев на Джона. По его мнению, такая работа требовала скрупулезности и изрядного количества времени, но Херберт лишь указал на установленный рядом с полупрозрачным планшетом плазменный монитор с двухметровой диагональю, где отображалась карта Земли, но уже с иными цветовыми пометками.

— На планшете ты видел статичную, свободную от облаков карту, — это мозаика, созданная из снимков, сделанных в разное время. Но я сразу сформулировал компьютерной системе этого зала четкую задачу — отслеживать в режиме реального времени любое движение на поверхности Земли или в воздушном пространстве, отделяя эту информацию от сведений, относящихся к движению облаков и воздушных масс. Вот что у меня получилось в итоге, — Джон указал на плазменную панель.

Лозин уже минуту внимательно изучал изображение.

На ровный нейтрально-серый фон материков были нанесены зоны зеленого и черного цвета. Чаще они располагались по отдельности, но иногда смешивались.

— Черным цветом я обозначил Чужих, зеленым — людей, — скупо пояснил Херберт.

Абсолютно черными были остров Мадагаскар, у побережья Африки, и Новая Зеландия, соседствующая с Австралией. В центре Африки располагался четкий зеленый квадрат с черной окаемкой. Такой же знак, но в сотни раз меньший по площади, лейтенант с недобрым предчувствием отыскал в том месте, где находился секретный стратегический космодром, носивший кодовое название «Пятый Резервный».

На территории Австралии он увидел второй по величине зеленый квадрат, так же окаймленный широкой черной полосой.

— Что это значит, Джон?

— Концентрационные лагеря, — с мрачной уверенностью ответил Херберт. Чужие доставили все выжившее население Земли в два лагеря на территории Африки и Австралии. Рядом, как ты видишь, широкая зона охраны и их стационарные базы на островах.

— А это? — Иван указал на зеленое пятнышко с черной каймой в районе космодрома Российских ВКС.

Джон пожал плечами.

— Здесь тебе должно быть виднее, Иван, — ответил он и тут же добавил: — Если следовать элементарной логике, зная, что это космодром, нетрудно догадаться — туда доставили тех людей, кто, по мнению Чужих, способен пролить свет на земные технологии. Похоже, их не интересует ничего, кроме наших достижений в области освоения космического пространства и средств взаимного истребления, не находишь?

Иван глубоко задумался.

— Да, — наконец согласился он. — Джон, ты можешь сделать увеличенное изображение Новой Зеландии или Мадагаскара?

— Конечно. — Херберт подошел к терминалу и уселся в кресло. — Сейчас посмотрим, есть возможность получить свежее видео, — произнес он, набирая директивы на сенсорной клавиатуре.

Через минуту выяснилось, что Австралия, вкупе с примыкающим островным архипелагом, укрыта плотной пеленой облаков, а вот над Мадагаскаром небо было чистым.

— Сейчас выведу устойчивое изображение… — пообещал Джон, и действительно, спустя короткий промежуток времени изображение острова начало расти, укрупняться, на соседних терминалах, включившихся в процесс обработки поступающих данных, замелькали индикационные огни, и, наконец, рядом с обычным дисплеем осветилась еще одна плазменная стереопанель, в трехмерном объеме которой возникло четкое изображение поверхности острова.

Картина не имела ничего общего с ландшафтами Земли, она была настолько чуждой, что взгляд поначалу отказывался выделять в ней какие-либо детали, — остров казался покрытым сплошной, непостижимой для разума человека архитектурой, чем-то похожей на хитросплетение темных жгутов, которые Иван видел в рубке инопланетного корабля, только тут цвет внешнего покрова странных образований варьировался от иссиня-черного до темно-оливкового…

Откашлявшись, Джон произнес:

— Похоже на застывшие пластиковые джунгли.

— Почему «пластиковые»?

— Не знаю. Это субъективно. Мне так кажется.

— Весь остров покрыт этой дрянью?

— Нет, — отрицательно покачал головой Херберт, масштабируя изображение. — Только малая часть в центре. Восемь квадратных километров, я подсчитал.

— А остальная площадь?

— Смотри сам. — Херберт вывел на экран новый фрагмент реального

видео.

Пепел. Знакомый серый пепел, в который превратилась вся земная органика. Слой праха покрывал огромные площади, где концентрическими кругами были выстроены перекрученные, узловатые черные корабли.

— Как ты думаешь, первый фрагмент — это участок их исконной флоры? — спросил Иван.

— Не знаю. Наверное, — ответил Джон. — Но если это так, то они слабо преуспели.

— Почему?

— Эти заросли мертвы. Они статичны и не изменяются во времени. Не видно новых побегов, словно все окаменело.

— А поначалу было не так?

— Поначалу они росли. Я видел это и сохранил запись. Не знаю, возможно, тут играет роль какой-то их природный цикл, но сомневаюсь, что это так. Чужим не удается ассимилировать свои формы в нашей биосфере. Они сами ходят, не снимая защитных костюмов и масок, а их «растительность», как мне кажется, просто гибнет…

— В Новой Зеландии то же самое?

— Да. Может быть, чуть получше — им удалось покрыть своими формами около двадцати гектаров острова, но конечный итог тот же самый — все окаменело.

— А что происходит в концентрационных лагерях? Ты наблюдал за ними?

— Да. В обоих случаях использованы площади саван. Людей переместили туда и оградили огромные пространства периметром из лазерных устройств. В дополнение, границы резерваций патрулируют отряды Чужих, а в небе регулярно барражируют их корабли. Люди напуганы, подавлены, но здоровы. Думаю, что сейчас там остались лишь те, кто сумел выжить в первые два месяца заключения. Они кое-как обстроились, в основном возводят хижины из подручных материалов. Питаются злаками, охотятся на диких животных, — короче, ведут первобытный образ жизни. Чужие этому не препятствуют. — Джон отошел в сторону от плазменной панели и невесело подытожил: — Вот такие дела, Иван…

* * *

Через полчаса, просмотрев еще несколько видеофрагментов, Лозин покинул компьютерный центр.

Он намеревался проверить, как разместился старшина с ребятами, и

зайти к Насте.

Настроение было подавленным, увиденные картины подспудно давили на разум, оказывая гнетущее воздействие.

Однако измученного лейтенанта ожидала еще одна, незапланированная встреча. Свернув налево по коридору, где располагались жилые помещения, он внезапно столкнулся с Димой Логиновым.

— Рад тебя видеть, Иван, — медленно, но уже не заикаясь, произнес тот, когда они обменялись крепким рукопожатием. — Есть минута?

— Конечно. О чем разговор, Дима…

— Разговор как раз есть и вполне конкретный. — Логинов приглашающе распахнул дверь.

Иван вслед за ним вошел в небольшую комнату. Изначально она была оборудована для отдыха двух человек, но Дима обосновался тут в одиночестве, удалив вторую койку, на место которой установил компьютерный комплекс, видимо реквизированный со склада.

— Садись, — он указал Ивану на кровать, а сам уселся во вращающееся кресло. Протянув руку, Дым взял с рабочего стола ноутбук и молча вручил его лейтенанту. — Это подарок, — скупо пояснил он. — Тебе.

— Спасибо. А что на него инсталлировано?

— А ты посмотри.

Иван, заинтригованный таким оборотом событий, откинул активную панель, но на плоском мониторе, помимо обычной сервисной оболочки активировавшейся системы, не появилось никакой дополнительной информации или программных модулей.

— Ну и что? — недоуменно спросил Иван, и вдруг в помещении раздался короткий щебечуще-чирикающий звук, резанувший по нервам, будто нож. Это был голос Чужого!..

Лозин, справившись с внезапным напряжением, вскинул на Логинова вопросительный взгляд.

Тот широко улыбался, явно довольный произведенным эффектом.

Протянув руку, он закрыл панель переносного компьютера, отключая его, и пояснил:

— Пока тебя не было, я решил заняться делом и, как видишь, преуспел. Перед тобой автоматический переводчик. Хотя Настя и изолировала шунты, внедренные в мой мозг, но это не удалило информацию, которую вложили в мой разум Чужие. Я по-прежнему помню их язык, но мне стало сложно воспроизводить инородную речь. — Логинов

кивком указал на компьютерный комплекс. — Тогда я решил поэкспериментировать с синтезатором и постепенно подобрал необходимый набор элементарных звуков, при помощи которых можно конструировать фонемы Чужих. Далее я составил словарь и на его основе написал программу—переводчик.

— То есть я теперь могу общаться с Чужими, используя ноутбук?! — Иван не мог, да и не пытался скрыть радостное потрясение. — Дима, да ты понимаешь…

— Погоди, Иван, — жестом остановил его Логинов. — Все не так просто. Я должен был это сделать, иначе нет-нет да и вкрадывалась мысль, что когда-то наступит момент и мне придется самому играть роль переводчика. Я не готов вновь встретиться с ними… — уставившись в пол, сознался Дима. — Не из малодушия. Из-за ненависти. — Он поднял взгляд, и у Ивана вдруг дрожь пробежала по спине, когда он увидел расширенные зрачки Логинова, в которых крылось что-то темное, неподдающееся здравому осмыслению. — Они надругались надо мной, и я отдаю себе отчет, что не смогу спокойно общаться с ними. По крайней мере, не сейчас. Поэтому я решил, что обязан написать адекватную программу.

— Я понимаю тебя.

Взгляд Логинова постепенно принимал нормальное, осмысленное выражение, будто тиски ненависти, на миг сжавшие его рассудок, отпускали разум и душу.

— Мне было сложно… — продолжил он спустя какое-то время. — Частью сознания я понимал, что без контакта с ними нам не разрубить возникший узел, не получить необходимую информацию, а другая половина рассудка просто сатанела от ненависти… — Он горько усмехнулся, указав на ноутбук. — В нем заключен компромисс… Дело в том, что звуковые фонемы Чужих достаточно просты и несут такие же односложные понятия. Их чириканье — это не полноценная речь, а лишь ее фундамент.

— Почему?

— Потому что они общаются при помощи звука и запаха. Только выделение пахучего фермента связывает отдельные понятия в сложные предложения.

— А ты *понимал* их запах?

— Да. Но эта способность исчезла после блокировки шунтов. Возможно, путем проб и ошибок я смогу подобрать какие-то химические соединения, но на эту работу уйдут годы.

— Думаю, ты зря напрягаешь себя, Дима. То, что ты сделал, уже

прорыв. Пусть мы не поймем ни сложные семантические построения, но ты устранил саму пропасть. В конце концов, мы сумеем домыслить то, что не сможет интерполировать твоя программа.

— Домыслы часто бывают неверными.

— Да, если абстрагироваться отложных посылок. Не беспокойся об этом. Лучше скажи, можно включить твой переводчик в программные модули коммуникационных устройств?

Логинов задумался, а потом кивнул.

— Попробую. Я понял, что ты хочешь, но думаю, что будет разумнее создать отдельный компактный прибор и интегрировать его в экипировку бойца, чем внедрять программный модуль в систему коммуникатора. Они могут прослушивать радиоволны, а программа написана так, что автоматически работает в обоих направлениях.

— Разумно… Подумай над списком компонентов, которые тебе потребуются.

— Не ломай голову, Иван, здесь на складе полно комплектующих самого разного профиля. Прибор я сделаю, не сомневайся, но где и как мы его употребим?

— Ты имеешь в виду дальнейшие планы нашей группы?

— Да.

— Ну, тут нет секрета. Ты же в курсе, чем занимался все это время Херберт?

— Да. Поначалу я собирался дать ему по башке за самодеятельность, но он сумел убедить меня в том, что действует разумно.

— У меня была примерно такая же реакция, когда я застал его в компьютерном центре. Однако Джон проделал ювелирную работу, с этим сложно не согласиться. Теперь мы знаем, где сконцентрированы основные силы Чужих, и можем строить определенные предположения относительно их планов. Отсюда лично для меня напрашивается вывод: они отфильтровали из массы плененных людей тех, кто имел отношение к космической технике, и сейчас пытаются с помощью известных тебе методов склонить пленников на свою сторону либо просто выкачать из них необходимую информацию путем грубого давления. Они обособили около трех десятков человек на военном космодроме.

— Ты попытаешься их освободить?

Лозин кивнул:

— Мы нуждаемся в них не меньше, чем Чужие. Эти люди — наш единственный шанс восстановить полноценный контроль над орбитальной группировкой военно-космических сил.

Логинов несколько секунд пристально смотрел на Ивана, а потом тихо спросил:

— Возьмешь меня с собой, лейтенант?

— Естественно. — Лозин встал. — Извини, Дима, мне нужно повидать Настю и взглянуть, как устроились ребята.

— Не торопись, — улыбнулся Логинов, доставая из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок. — Настя заходила ко мне минут десять назад по пути в лабораторию. Это для тебя. — Он протянул Ивану записку.

Твой «подарок» получила. Попробую разобраться. Приходи, когда отдохнешь.

Настя.

Иван несколько раз пробежал глазами написанные от руки строки.

— Давай, командир, покажу твою комнату, — нарушил его замешательство Логинов. — За ребят не волнуйся, старшина уже все устроил, да и тебе надо бы поспать.

— Записку читал?

— Нет. Я в чужие дела нос не сую, — без тени обиды ответил Логинов. — Сколько ты на ногах, двое, трое суток? — спросил он.

Иван пожал плечами.

Он уже не ощущал усталости, скорее моральное и физическое отупение, когда на ногах держит лишь сила воли…

— Все, пошли, — подтолкнул его Дима. — Настя сказала: будет упираться, веди его спать силком.

«Еще чего…» — подумал Иван, но тут же осекся, зацепившись взглядом за собственное отражение в зеркале. Оттуда на него смотрел осунувшийся, небритый, смертельно усталый человек с глубоко запавшими глазами…

— Ладно, — согласился он. — Заодно покажи, где тут можно нормально вымыться…

— Не проблема. В каждой комнате свой санузел, — пояснил Дима. — Здесь все предусмотрено, как в хорошем отеле.

* * *

Иван проспал двое суток.

Открыв глаза, он не сразу вспомнил, где находится и что предшествовало черному, беспробудному провалу в сознании…

Некоторое время он лежал, глядя в облицованный негорючим пластиком потолок, потом скосил глаза, увидел свою полевую форму, выстиранную, отглаженную, аккуратно сложенную в кресле подле кровати, и сразу нахлынули чувства, воспоминания…

Он резко сел, откинув одеяло.

В помещении было тепло, под потолком тихо шелестел регенератор воздуха, электронный хронометр показывал, что сейчас без четверти девять.

Мгновенная, бесконтрольная дрожь от пробившихся в разум воспоминаний постепенно отпускала. Тишина, уютное тепло небольшого помещения, двадцать метров земли и бетонных перекрытий над головой — все это успокаивало нервы, немо свидетельствуя, что их не обнаружили, иначе он не проспал бы так долго.

Встав, Иван прошел в маленький санузел, где действительно, как и говорил Логинов, была установлена компактная душевая кабина.

С наслаждением вымывшись, он привел в порядок лицо, удалив многодневную щетину, и, взглянув в запотевшее зеркало, подмигнул своему отражению: жить будем, лейтенант, как сказал бы старшина Булганин.

Надевая чистую отглаженную одежду, он подумал о Насте, словно ощутил тепло ее рук, — в нескольких местах полевая форма была аккуратно заштопана, чего не могла сделать ни одна бытовая машина.

Словно в подтверждение этой догадки, он увидел, что на столе, рядом с ноутбуком, который передал ему Логинов, лежат капсулы со стимулирующим и пищевым препаратами.

Одевшись и запив нехитрый завтрак глотком воды из пластиковой бутылки, на которой стоял знак неприкосновенного запаса, он вышел из комнаты и направился налево по длинному коридору. Сориентироваться было нетрудно: повсюду на стенах имелись указатели, снабженные краткими пояснениями.

Пройдя внутренний шлюз, Иван оказался в медицинском секторе подземного убежища. Коридор, облицованный белоснежными пластиковыми панелями, привел его на перекресток.

Судя по надписям, справа находился изолятор, слева хирургический зал, а ему следовало идти прямо — там располагались биологические лаборатории.

Метров через десять путь преградила внушительная герметичная дверь с окошком из толстого, закаленного стекла. Рядом был установлен сканер, и Иван после секундного колебания приложил свою ладонь к его

пластине.

Через несколько мгновений красный индикатор сменился на зеленый, и массивная дверь, послушно зашипев пневматикой, медленно уползла в стену. Было очевидно, что в этой части бункера функционировали все кибернетические системы, обеспечивающие не только циклы жизнеобеспечения, но и избирательный доступ к наиболее важным либо потенциально опасным комплексам.

Догадаться, кто ввел образец его ДНК в систему доступа, было нетрудно, — на протяжении последнего получаса Иван постоянно ощущал рядом с собой незримое присутствие Насти, отчего на душе было тепло и в то же время беспокойно.

В прошлом отношения с женщинами у Ивана складывались достаточно просто, точнее — поверхностно. Он рано попал на войну — так получилось, что сержанта обошла стороной и первая любовь, и семейная жизнь. Кочуя с места на место, куда бросала взвод кривая локальных конфликтов, он познал иные чувства, психика надломилась в сторону кровного братства, — этого не объяснишь ни одной подруге, а после того, как изо дня в день приходилось смотреть в глаза смерти, все ощущения стали иными…

«Может, оттого так сильно, так неодолимо тянуло к звездам?»

То, что он испытывал сейчас, шло вразрез с прошлым, звучало новой, тревожащей душу, непонятной, но пронзительной нотой.

…Дверь за спиной с шипением закрылась.

Иван стоял на пороге большого помещения, разделенного на отдельные участки матовыми непрозрачными перегородками. Зал наполняли различные звуки, где-то с тихим посапыванием вздыхал невидимый агрегат, тонко попискивали сигналы на блоках аппаратуры, за одной из перегородок нервно взвизгивал сервопривод, и Лозин пошел на этот звук.

За тонкой матовой переборкой из небьющегося стекла располагался отсек, в котором был установлен внушительных размеров агрегат, похожий на исполинский цветок с пятью объемными лепестками-камерами, присоединенными к толстому центральному стержню, поднимающемуся от пола и исчезающему в потолке.

Вдоль стен высились компьютерные терминалы, за одним из которых спиной к входу сидела Настя.

Очевидно, она не слышала, как вошел Иван. Ее напряженная поза выдавала крайнюю сосредоточенность: подавшись вперед, она, не отрываясь, считывала данные, что поступали на монитор бесконечным

потоком сообщений.

— Настя… — негромко позвал Иван. Девушка вздрогнула.

Коснувшись сенсора на расположенной рядом клавиатуре, она обернулась, увидела Ивана, попыталась улыбнуться, но губы предательски дрогнули, выдавая внезапное волнение.

Она порывисто встала, не в силах совладать с гулким током крови в висках… и опять они не произнесли ни слова, будто неделя разлуки наложила какой-то неизгладимый отпечаток на простые отношения мужчины и женщины, переиначив чувства, сделав их в сто крат острее, так, что не было сил вздохнуть…

Иван обнял ее, заметив, как глаза Насти вдруг заполнились предательской влагой. Он попытался нежно убрать дрожащие на ресницах слезинки, а они вдруг сорвались и скатились, оставляя змеистые полоски на осунувшихся щеках девушки; она льнула к его руке, целовала пальцы, задыхаясь от внезапного счастья, а душу Ивана, давно позабывшую, что такое страх и любовь, огрубевшую, застрявшую где-то между жизнью и смертью, вдруг проняло дрожью — оказывается, была на свете еще одна система ценностей, которую невозможно понять рассудком — ее можно только почувствовать, прожить…

— Настя… — задыхаясь, произнес он.

Она прижалась к нему и тихо прошептала:

— Я так боялась потерять тебя…

* * *

Где-то рядом назойливо и тревожно заработал зуммер, разрушая своей трелью наваждение первых минут встречи, и Настя чуть отстранилась от Ивана, покосившись на компьютерный терминал.

— Извини… — произнесла она, осторожно выскальзывая из его объятий.

Он не стал удерживать ее, хотя в эти секунды ему неодолимо хотелось забыть о существующих проблемах, обо всем, что не касалось их двоих, однако Иван сдержался, сел в свободное кресло рядом с терминалом и, пока Настя что-то лихорадочно переключала на пульте управления, огляделся по сторонам.

Только сейчас он смог обратить пристальное внимание на странный агрегат, занимавший центр отсека. Его выпуклые, продолговатые «лепестки» являлись камерами биологической реконструкции, которые, даже на неискушенный взгляд Лозина, использовались в данный момент не по своему прямому предназначению.

В двух из них под прозрачными колпаками были заключены тела Чужих, третья, герметичная, ячейка содержала окоченевший труп Биша.

Настя, угомонив наконец назойливую трель, проследила за напряженным взглядом Лозина и вздохнула:

— Да, неподходящее место… — Она не окончила фразу, невольно передернув плечами.

Иван ласково провел ладонью по ее щеке.

— Бояться нужно живых, а не мертвых, — произнес он. — Проверено…

— Я их не боюсь, — тихо откликнулась Настя.

— Тебе бы отдохнуть. Меня «убаюкала» на двое суток, а сама?

— Потом… — Она вновь покосилась на чуждые тела и добавила: — Подкинул мне двух ксенобиан и говоришь про сон?

Иван нахмурился.

— Не морщи лоб. Так называет их Дима Логинов. «Ксенобиане». — Настя повернулась в кресле, чтобы не видеть тела Чужих. — Когда старшина принес мне три скафандра, я, откровенно говоря, растерялась.

— А высшее медицинское образование?

— Они ЧУЖИЕ, Иван, — возразила девушка, не пытаясь скрыть свои чувства. Нетрудно было понять, что ей день за днем, час за часом приходилось преодолевать отвращение и страх в поисках ответа на вопросы, к решению которых едва ли был готов ее разум… Жизнь внезапно поставила их в такие условия, когда нужно было делать практически невозможное.

— Ну, ты ведь справилась, верно? — полуутвердительно произнес Иван.

— Отчасти, — призналась Настя. — Здесь установлен очень мощный диагностический комплекс — такого оборудования и программного обеспечения я никогда не встречала в своей прошлой практике. Меня не покидает ощущение, что в сервисной оболочке этой машины, — она кивнула на огромный, похожий на цветок агрегат, — разобрался бы и школьник, настолько все доходчиво сделано.

— Все правильно, так и должно быть, — заметил Иван, повторив мысль, некогда высказанную им в разговоре с Хербертом: — Этот бункер создавался на случай глобальной катастрофы, и его проектировщики не знали, кто придет сюда, какими знаниями будет обладать этот гипотетический человек, который вполне мог оказаться далеким потомком выживших людей.

— Да… — согласилась Настя. — Я почувствовала это, как только

приступила к работе. — Она вдруг горько усмехнулась: — Поначалу страх и отвращение так сильно владели мной, что думалось: сейчас машина даст сбой, откажется исследовать чуждые тела, и этот кошмар закончится…

Иван промолчал, давая Насте возможность высказаться, выплеснуть вместе с информацией скопившееся моральное напряжение.

— Я ошиблась, — спустя некоторое время продолжила она. — Машина принялась безропотно сканировать помещенные в камеры тела, не выдавая при этом никаких предупреждений об инородности предложенных для исследования организмов, и тогда мне стало ясно: данный компьютерный комплекс не ограничен рамками стандартного человеческого метаболизма. Скорее наоборот, его программы изначально предполагают, что после глобальной техногенной катастрофы либо войны с применением ядерного оружия все формы жизни на земле изменятся, приспосабливаясь к новой среде обитания… Знаешь, с чего началось исследование? Машина взяла генетические образцы Чужих и принялась расшифровывать их ДНК, постоянно сравнивая полученные результаты.

— И что в итоге?

— В итоге я получила структурную запись двух геномов, которые имеют тридцать процентов несовпадений.

Иван озадаченно посмотрел на Настю, потом встал и подошел к камерам, где лежали тела Чужих. Одного чужака он лично вытащил из рубки управления сбитого корабля, второго подобрали на поле боя. Различия в строении их тел уже тогда бросались в глаза, именно поэтому Лозин, помимо пилота, велел запечатать в скафандр тело одного из штурмовавших старые укрепления ксеноморфов.

— Выходит, нас атаковали две разные жизненные формы, имевшие в прошлом одного эволюционного предка? — предположил он.

— Нет, — ответила Настя. — Настоящий ксенобианин один, тот, который справа. — Она указала на камеру, под колпаком которой лежал пилот чуждого корабля. — Второе существо, по выводам комплексной программы, является искусственной формой, созданной для решения узкоспециализированных задач. Они взяли свой геном и изменили его, создав при помощи генной инженерии примитивную особь.

— Бойца? — уточнил Иван.

— Да, — подтвердила Настя. — У первой особи отсутствует ряд органов, таких, например, как плотный хитиновый покров, дополнительные сегменты легких, связанные с расположенными в районе предплечий мускульными пазухами, в которых содержатся тонкие, но очень прочные иглы. Существо выстреливает их через ряд симметрично

расположенных отверстий, используя для этого давление сжатого воздуха.

— Почему машина пришла к выводу, что второй тип Чужих создан искусственно?

— У боевой формы деградирован ряд жизненно важных органов. Они могут эффективно сражаться, но лишены возможности к продолжению рода или длительному выживанию. По сути, они биологические машины, с приблизительным сроком жизни в три наших стандартных месяца.

— Это все?

— Пока да. Машина выделила гены, отвечающие за формирование нетипичных органов у бойцовской особи, но не нашла их аналога в хромосомах пилота. На мой взгляд, это означает, что участки ДНК были заимствованы у какого-то вида животных, обитающих на планете пришельцев, либо их создали в лабораториях.

— А тебе удалось выяснить, отчего умер Биш?

— Токсин. У обоих существ есть железы, вырабатывающие агрессивное химическое соединение. У ксенобианина они расположены по всему телу, а у боевой формы только в каналах, через которые выстреливаются иглы.

Иван недоверчиво посмотрел на нее, вспомнив, как во время боя одна из игл порезала его щеку, перерубив крепления шлема.

— Токсин не подействовал на меня.

— Ты забываешь о микромашинах. Они попали в порез вместе с кровью и нейтрализовали агрессивное вещество. Ты обратил внимание, что твоя форма заштопана в нескольких местах?

— Да.

— Там были маленькие дырочки, — напомнила ему Настя. — Это следы от игл, которые пробили бронежилет, неглубоко вонзившись в твою кожу.

— Да я вытаскивал иглы после боя, — кивнул Иван. — Штук сорок застряло в бронежилете…

— Иглы такие тонкие на концах, что я могла не заметить этих уколов, если бы ткань униформы не стала расползаться под пальцами, — пояснила Настя. — Токсин разъел синтетический материал, будто кислота.

— Тебе известна химическая формула этого соединения?

— Да. Компьютер выдал рекомендации по синтезу нейтрализующего состава, но я пока не занималась этим вопросом. Не было времени.

Иван задумался, а затем спросил:

— Скажи, по твоему мнению, ксенобиане смогут жить на Земле? Их метаболизм совместим с нашей биосферой?

Настя отрицательно покачала головой:

— Они ЧУЖИЕ, Иван. Строение их белка отличается от нашего, единственное сходство заключено в том, что и мы, и они используем кислород как окислитель для химических реакций, происходящих на клеточном уровне. В остальном различия между обменом веществ у людей и ксенобиан столь велики, что они вряд ли адаптируются к земным условиям. Им придется полностью уничтожить наши формы жизни, насадить свои, но и тогда для них останется смертельная опасность в виде земных микроорганизмов, которых не смогут искоренить ни десятое, ни сотое поколение «колонистов».

— Тогда почему они вторглись на Землю?! — Иван порывисто встал, вплотную приблизившись к прозрачным колпакам, под которыми лежали тела двух инородных особей, будто те могли ожить и ответить на мучивший его вопрос. — Наша среда обитания губительна для них, техника непостижима, конфликт между нашими цивилизациями исключен — в чем тогда, спрашивается, логика их действий?!

Настя смогла лишь покачать головой в ответ.

— Я не знаю, Иван.

Минуту он стоял неподвижно, глядя на мертвых ксенобиан и пытаясь найти ответ, но так и не смог отыскать его…

Настя, глядя на его напряженную, застывшую у саркофагов фигуру, тихо подошла к Ивану, обвила руками его шею и прошептала на ухо:

— Давай хоть на минуту забудем о них…

Он с трудом оторвал взгляд от чуждых человеческому глазу форм и, обернувшись, ответил:

— Ты права… — Он обнял ее, привлек к себе и добавил: — Пойдем ко мне…

База МЧС России. Сутки спустя…

Они впервые собрались все вместе за овальным столом в компьютерном центре подземного бункера.

Десять человек, объединенные стечением обстоятельств: младший медицинский сотрудник лаборатории центра подготовки спецподразделений Настя Говорова, бывший начальник отдела перспективного проектирования НАСА Джон Херберт, командир взвода компьютерного обеспечения Дмитрий Логинов, четверо космодесантников: Павел Багиров, Андрей Долматов, Сергей Решетов, Евгений Зарубов, во

главе со старшиной взвода Степаном Булганиным, и, наконец, примкнувший к подразделению танкист, младший сержант Николай Зотов.

Последним, десятым, был сам Иван, который, собственно, и созвал всех на совещание.

— Ситуация трудная. — Без вступительных речей Лозин сразу перешел к существу вопроса, как только все заняли места за столом. — Безусловно, мы выиграли несколько локальных схваток с противником, сумели объединиться, ценой потерь, вывели из расположения части две боевые машины и, — последовал кивок в сторону Джона, — овладели достоверной информацией относительно пришельцев. Нам известны места их базирования, а благодаря усилиям Насти и Димы в нашем распоряжении появились бесценные данные о биологическом строении ксенобиан и устройство для автоматического перевода звуковой части их языка.

Иван неторопливо прошел вдоль стола.

— Мы надежно защищены в подземных укрытиях, у нас есть все необходимое для выживания и нанесения ответных ударов по врагу. При помощи средств связи мы можем перехватить управление орбитальными группировками спутников, в том числе и военных, принадлежавших в недавнем прошлом России и Соединенным Штатам Америки.

Иван на несколько секунд умолк, а затем продолжил свою мысль, стоя у полупрозрачного планшета, на котором отображалась карта полушарий планеты:

— Я только что перечислил положительные аспекты, но, повторяю, ситуация крайне сложная. Земля лежит в руинах, по данным орбитальной разведки, выжило не более тридцати процентов населения. На данный момент люди содержатся в двух резервациях, расположенных на равнинных участках Австралии и Африки. Основные базы пришельцев дислоцированы неподалеку от побережья указанных материков, на островах Новая Зеландия и Мадагаскар. Также отмечена повышенная активность ксенобиан на территории пятого резервного космодрома, куда они, по имеющимся предположениям, доставили специалистов в области космической техники и компьютерных систем, отобранных из общего числа пленных. Такова основная «дислокация» людей и ксенобиан по данным, полученным со снимков метеоспутников. Исходя из всего перечисленного, я бы хотел услышать мнения присутствующих: как мы должны поступить, владея стратегически важной информацией и обозначенными техническими возможностями?

Первым после длительной паузы высказался Булганин.

— В нашем распоряжении есть средства массового поражения? —

задал уточняющий вопрос старшина.

— Теоретически, да, — ответил лейтенант. — Мы можем осуществить поиск уцелевших стартовых ракетных комплексов наземного базирования, реактивировать их кибернетические компоненты и нанести удар по избранным целям, дистанционно управляя процедурой наведения и последующего запуска.

— Тогда о чем думать, командир? Мадагаскар и Новая Зеландия и так превратились в пустыню в результате действий Чужих. Выжечь их осиные гнезда ядерным ударом…

Иван, кивнул, давая понять, что воспринял логику Булганина.

— Да, — произнес он. — Действуя предложенным образом, мы, вероятнее всего, уничтожим основные силы пришельцев, так как большинство их кораблей сосредоточено именно на островных базах.

— Тогда в чем проблема, командир? — глухо спросил Логинов. — Если ты опасаешься акции возмездия, направленной на людей в резервациях, то могу тебя уверить — ксенобиане исчерпали свои возможности нанесения ударов по площадям. — Он несколько раз машинально сжал пальцы в кулак и добавил: — Их корабли никуда не годятся. Они один раз смогли использовать астероиды, потом, пользуясь воцарившимся хаосом, отловили и депортировали большинство выживших в эти проклятые резервации, но теперь они выдохлись. Чужие, судя по снимкам, не в состоянии контролировать площадь созданных ими же лагерей. Они отчаянно пытаются овладеть нашей техникой, но безуспешно — пример неумелой бомбежки тому свидетельство.

— Ты не прав, — возразил ему Лозин. — За людей в резервациях стоит переживать: у ксенобиан есть корабли, способные наносить удары химическим оружием. Но проблема действительно не в этом.

— А в чем?

— В том, что мы не понимаем пришельцев. Я ищу и не могу найти логики в их действиях. Зачем они атаковали Землю, если не в состоянии колонизировать нашу планету? Почему не довели до конца свою тактику геноцида?

— Это так важно знать? — задал вопрос Херберт.

Лозин обернулся к нему и спросил:

— Джон, мы все видели ксенобиан, что называется, лицом к лицу. Теперь, кроме личных визуальных впечатлений, у нас появились данные биологических исследований двух чуждых жизненных форм… — Иван говорил, продолжая медленно прохаживаться вдоль стола. — За истекшие сутки мы просмотрели сотни кадров, где запечатлены их техника и

вооружение. — Он остановился напротив Херберта и спросил: — Тебя ничего не смутило, Джон? Ты не заметил какой-либо странности, некоего нонсенса?

— Не понимаю, о чем ты…

Иван нахмурился.

— Я поясню, — произнес он. — Речь идет о лазерах. Все технологии ксенобиан построены на ином принципе. Они не изобрели ни паровой машины, ни двигателя внутреннего сгорания, ни электричества, ни компьютеров — их развитие шло радикально иным путем. Все, созданное Чужими — *выращено*. Они мастера генной инженерии, и вся их техника сродни живым организмам. — Лозин обвел взглядом сосредоточенные лица собравшихся. — Теперь пусть кто-нибудь ответит мне на элементарный вопрос: откуда у них взялись компактные и эффективные лазерные устройства, до изобретения которых не дотянули мы, с нашим научно-техническим потенциалом?

В зале повисла гробовая тишина.

— Заимствованная технология? — наконец осторожно предположил Зотов.

Иван кивнул:

— Прямо в точку. Они не могли изобрести лазер, не пройдя перечисленных ступеней научно-технического прогресса, по которым двигались наши предки. Все признаки говорят о том, что наука ксенобиан развивалась в абсолютно ином направлении…

— Да, но, несмотря на это, они нанесли грамотный удар по нашей *техногенной* среде обитания! — высказал свое мнение Багиров.

— Вот именно… — Иван не скрывал, как тяжело ему размышлять вслух, выстраивая цепочку причин и следствий на основе полупроверенных фактов. — Все мы понимаем: Чужим было заранее известно, что электроразрядный эффект окажет разрушительное воздействие на нашу технику, а массовая гибель людей стала лишь следствием глобальной цепной реакции техногенных катастроф…

— К чему ты клонишь, Иван? — не выдержал старшина. — Твои слова похожи на речь адвоката.

Лейтенант протестующе поднял руку.

— Я излагаю факты, Степан. От разрушения астероидных масс и ударов их обломков о земную поверхность пострадали десятки тысяч человек, а жертвами техногенных катастроф стали миллиарды… Это, естественно, не оправдывает действия пришельцев с точки зрения нашей морали, но наводит на очередной вопрос: почему ксенобиане, чья наука

ориентирована на биотехнологии, оказались так хорошо осведомлены об эффекте электроразрядных взрывов и об уничтожающем влиянии этих взрывов на непостижимую для их разума технику?

Лейтенант не дождался ответных реплик, поэтому вновь заговорил, сам отвечая на поставленные вопросы:

— Я думаю, что ксенобиане уже сталкивались с цивилизацией, похожей на нашу. Эта мысль не покидает меня с тех пор, как я побывал внутри корабля Чужих. Андрей может подтвердить — там все состоит из органики, нет даже намека на *механизмы*. Они управляют кораблем, используя собственную нервную систему. Может быть, я чего-то недопонимаю, но лазер, пристегнутый к поясу мертвого ксенобианина, показался мне совершенно чуждым предметом, по крайней мере в обстановке *их* корабля.

— Хорошо… — вновь вступил в разговор Булганин. — Пусть существует еще одна раса, которая прошла путь технического прогресса, схожий с нашим. Допустим, они столкнулись с ксенобианами, но это *их* проблемы, командир! Чужие напали на нас, так зачем мы станем искать причины на стороне, когда враг — вот он, перед самым носом! И он не предполагаемый, а вполне реальный!

Лейтенант посмотрел на Степана и кивнул:

— С твоей логикой сложно не согласиться. Проблема заключена в том, чтобы мыслить на шаг вперед. Уничтожив ксенобиан, мы получим разрушенную Землю и перспективу деградации.

— А что, есть альтернатива? — язвительно поинтересовался Булганин.

— Начиная глобальные боевые действия, мы будем вынуждены демаскировать этот бункер, — ответил ему Лозин. — Это означает, что в запасе у нас есть только одна попытка — в случае неудачи мы не сможем все повторить. Исходные условия предполагают, что наш удар должен стать безошибочным и стремительным, а в качестве оружия придется использовать ядерные боезаряды и наносить удары не только по островным базам, но и по *смешанным* целям, заранее списав в процент потерь часть выживших людей.

В зале вдруг наступила вязкая, осязаемая тишина.

— Это неприемлемо, — горестно выдохнула Настя.

— Да, — поддержал ее Логинов. — Действовать подобным образом нельзя. Мы демаскируем базу, но не факт, что поисковые системы сумеют быстро наладить связь с гипотетическими ракетными точками. — Он немного помолчал и вдруг добавил, неосознанно коснувшись пальцами

обрезков инородных шунтов: — Я ненавижу этих тварей, но запускать боеголовки по смешанным целям, с моей точки зрения, — кощунственно.

— Еще мнения есть? — спросил Лозин, окидывая присутствующих долгим испытующим взглядом.

Выдерживая паузу, он по-прежнему прохаживался вдоль стола.

— Хорошо, тогда я сформулирую задачу. — Он остановился подле своего кресла. — Из сложившейся ситуации я вижу только один выход: мы должны атаковать пятый резервный космодром.

Слова лейтенанта вызвали неоднозначную реакцию.

— Что даст подобная операция? — вскинув голову, недоуменно спросил Херберт.

— Прежде всего, мы сохраним эту базу, а значит, и контроль над ситуацией, в то время как противник будет считать, что имеет дело с небольшой группой сопротивления, — ответил Лозин.

— Цель акции? — кратко осведомился Логинов.

— Освободить находящихся там людей. — Взгляд Ивана напряженно скользил по лицам боевых товарищей. — Вне всякого сомнения, ксенобиане пытаются овладеть нашей космической техникой, — развил он начатую мысль, — это предполагает, что Чужие доставили на космодром специалистов соответствующего профиля. Их освобождение — задача номер один. Вторая, но не менее важная цель — взять живым хотя бы одного из пришельцев. И, наконец, третье: используя кибернетическую сеть пятого резервного, нанести бесконтактный удар по базам ксенобиан и выйти из-под ответной атаки, уничтожив за собой всю технику космодрома.

— Дело за малым — войти и выйти… — мрачно пробурчал старшина. — Не понимаю, командир, зачем тащиться за шестьсот километров, когда можно рискнуть и…

— Проиграть, — жестко оборвал его Иван. — Если случится заминка на пятом резервном, у нас еще останется шанс выскользнуть оттуда с освобожденными людьми, а при успешном развитии событий будет радикально нарушен баланс сил. Мы лишим пришельцев их кораблей и баз, сделаем уязвимыми и беззащитными.

— С какой целью? — упрямо переспросил Булганин.

— Чтобы они пошли на контакт, — ответил Лозин.

— К чему нам говорить с этими тварями? И главное — о чем?

— О будущем, Степан. О том будущем, которое превратится в мучительное ожидание повторной массированной атаки из космоса, если мы просто механически истребим пришельцев, не получив от них достоверной информации о причинах и целях вторжения и, что кажется

мне не менее важным, о той расе, у которой они заимствовали некоторые технологии.

Старшина нахмурился, обдумывая слова Ивана. Он знал, что пойдет за лейтенантом в огонь и в воду, но считал правильным такой диалог, выявляющий разногласия во мнениях. Истина рождается в спорах. Даже если ты споришь с любимым командиром.

Мысленно взвешивая все «за» и «против», каждый из собравшихся в зале людей обдумывал в этот момент, что он может возразить в ответ на слова Лозина, но все критические замечания так или иначе разбивались о целесообразную логику поставленных им задач.

После продолжительной паузы Иван решил, что пора подводить черту.

— Используя БМК, мы пройдем намеченный маршрут за восемь часов. Сенсорная защита машин даст нам фактор внезапности, а точный расчет, четкая координация действий всех фаз атаки позволят снять внешнюю охрану и проникнуть внутрь комплекса до подхода основных вражеских сил. Из наблюдений Херберта становится ясно, что пятый резервный является единственной стартовой площадкой, не пострадавшей во время вторжения. Используя кибернетическую систему космодрома, мы сможем осуществить поиск стратегических точек второго эшелона[13]. Даже в том случае, если ксенобиане не дадут нам шанса произвести запуск баллистических ракет, мы получим необходимые сведения, касающиеся местоположений уцелевших комплексов ПРО, освободим пленников и, вернувшись сюда, будем принимать новые решения, но уже на основе качественно иной информации.

Он на минуту умолк, а затем спросил:

— Есть еще какие-то вопросы или возражения?

Общее мнение высказал Логинов:

— Думаю, что возражений не будет, командир.

— Хорошо. Тогда после обеда собираемся в том же составе. Будем вырабатывать детали предстоящей операции. Мы должны просчитать каждый свой шаг…

Глава 8

Северо-Западный регион. Неделей позже…

Удивительна природа России.

Казалось бы, на протяжении последнего полувека неуклонно росла численность человечества, города с многомиллионным населением захватывали все новые площади, а техногенная среда обитания, сформированная мегаполисами, пагубно влияла на биосферу, отравляя ее, однако перечисленные глобальные процессы, фактически уничтожившие дикую природу в густонаселенных районах земного шара, были совершенно незаметны в российской глубинке, где время, кажется, застыло в неопределенном промежутке между концом двадцатого и серединой двадцать первого веков…

Иван наблюдал, как лесные массивы сменяются полями, за перелесками в синеватой дымке полудня виднелись современные кровли одно—двухэтажных строений — это были постройки различных фермерских хозяйств, постепенно вытеснивших вымирающие деревни с их покосившимися избами…

Глобальная урбанизация не затронула необъятные просторы средней полосы. Здесь не встретишь сверхнебоскребов, зато над ровными лентами автобанов и над оплавленными решетчатыми опорами линий высоковольтной электропередачи можно запросто увидеть парящего в поисках добычи ястреба или аиста, вышагивающего по краю непаханого этой весной поля…

Душу Ивана томило и мучало созерцание мирных пейзажей.

Березы прозрачными рощами ранили взгляд — было страшно потерять эту хрупкую красоту…

Его душа, как и природа, казалось, застыла в отрезке безвременья, когда прошлое уже безвозвратно погибло, а будущее еще не наступило, и каким оно будет, во многом зависело теперь от него самого…

…Две боевые машины космодесанта шли целиной на дистанции в несколько километров друг от друга.

В небе изредка появлялись черные корабли пришельцев, но они скользили в стороне, стремительно продвигаясь вдоль серых лент пустых федеральных трасс, и БМК уже не сбрасывали скорости при их приближении. Сенсорная защита боевых машин успела проявить себя,

доказав, что надежно работает против поисковых систем противника, да и активная фототропная броня, постоянно меняющая фактуру и цвет, сливалась с фоном окружающей местности, вводя в заблуждение самый внимательный и искушенный взгляд.

Шестьсот километров пути, пройденных на ультрасовременных образцах боевой техники, совершенно не походили на прошлые марш-броски. Люди успели выспаться и отдохнуть, попарно меняясь на боевых постах, но по мере приближения к космодрому напряжение все же дало о себе знать — вот уже час, как в десантных отсеках шла активная подготовка к предстоящей операции, бойцы подгоняли экипировку, проверяли оружие и компьютерные системы телеметрической связи, — все старались занять себя делом, чтобы не томиться в ожидании.

Незаметно утихли разговоры, но во взглядах бойцов читалась уверенная, осмысленная решимость — Лозин не зря дал людям высказаться начистоту — все споры остались позади, и сейчас, в преддверии близящейся схватки, никто не выказывал сомнений и не задавался в душе лишними вопросами. Общая цель была ясна, и каждый думал о том, как выполнить конкретную, предписанную лично ему задачу…

— Здесь БМК-2, — раздался по громкой связи голос сержанта Зотова. — Пять километров до условной границы.

— Опережаешь график, — откликнулся Лозин, взглянув на показания приборов. — Выравниваемся. Сбрось скорость до шестидесяти километров в час.

— Сделано.

…Спустя десять минут в десантных отсеках боевых машин синхронно вспыхнул предупреждающий красноватый свет.

— Внимание!.. — раздался по связи голос лейтенанта, который вел головную БМК. — Пересекли условную границу. Две минуты до точки десантирования.

— Готовность подтверждаю, — пришел доклад от Зотова. — Я позади в полутора километрах. Ухожу к востоку. Синхронизация высадки групп по плану.

Две БМК стали расходиться в стороны, увеличивая дистанцию. Через минуту первая машина достигла опушки небольшого лесного массива и, сбросив скорость, вползла под прикрытие древесных крон.

— Первый на позиции. Десантные группы, вперед!

Тихо прошипел пневматикой кормовой люк, и трое бойцов — Багиров с Долматовым под командой лейтенанта Логинова — выскользнули наружу.

В десяти километрах от них, среди кустарниковых зарослей, из второй БМК высадился старшина Булганин, которого сопровождали Решетов и Зарубин.

Лозин в эти секунды наблюдал, как справа от его кресла на специальной приборной панели осветились шесть мониторов, куда тут же начали поступать данные телеметрии, полученные от боевых сопроцессоров, встроенных в экипировку каждого бойца.

— Есть сигнал. — Иван поочередно взглянул на динамично меняющиеся видеоизображения, снятые с шести различных ракурсов. — Телеметрия пошла. Зотов, что у тебя?

— Порядок. Связь с группами устойчивая.

— Следи за обстановкой. Возобновляем движение только после того, как отработают снайпера, — напомнил лейтенант. — Я подам сигнал.

— Принято.

Иван переключился на внутреннюю связь.

— Настя?

— Да?

— Ты готова?

— Конечно. — Ее голос прозвучал сухо и твердо. — Не волнуйся, я не подведу.

— Когда вступим в бой, следи за вариатором целей. Если тебе передадут координаты, расположенные вне пределов визуального контакта, доверься компьютеру. Он сам внесет необходимые поправки для баллистического огня.

— Да, я помню.

— Хорошо. Жди… — Лозин вновь включился во внешнюю коммуникационную сеть. — Джон?

— На связи, — ответил Херберт.

— На тебе сегодня двойная ответственность. На первом этапе операции уделяй больше внимания координации действий своей группы, огнем с дальней дистанции пусть управляет боевой процессор.

— Понял тебя.

…Наступила минута томительной тишины.

На контрольных мониторах мелькало изображение кустов и деревьев — это шестеро бойцов пробирались сквозь заросли, пока на радиочастоте не поступило сообщение от лейтенанта Логинова:

— Первая группа на исходных позициях. Начинаю наблюдение за объектом.

С тридцатисекундной задержкой поступил аналогичный доклад от

Булганина.

* * *

…Тихо, почти беззвучно работал водородный двигатель боевой машины. Все механизмы застыли в ожидании, когда бортовой компьютер передаст им конкретные указания к действию.

Иван смотрел на контрольные мониторы.

В пяти километрах от него Логинов ловко вскарабкался по стволу сосны и, затаившись меж разлапистых ветвей, осторожно выглянул сквозь небольшой просвет.

Прошла минута с небольшим, и все шесть мониторов уже транслировали одну и ту же картинку, снятую с разных ракурсов: впереди простиралось бескрайнее целинное поле, на котором, в полутора километрах от границы леса и кустарниковых зарослей, виднелись бессистемно разбросанные группы строений.

Высокие башни элеваторов, полукруглые ангары с гофрированными крышами, несколько почерневших от времени деревянных построек — все это выглядело как заурядный сельскохозяйственный комплекс, даже приметные выступы постепенно понижающихся, уходящих под землю бетонных пандусов, выполненных в форме съездов к обыкновенным силосным ямам, не вызывали каких-либо подозрений.

Мало кто мог предположить, что под личиной сельскохозяйственных построек скрывается искусно замаскированное навершие огромного подземного комплекса — на самом деле внутри высоких башен зернохранилищ были установлены сферические антенны спутниковой связи, в одноэтажных постройках, среди натуральных блоков прессованного сена, таились неприметные входы на подземные уровни, а широкие бетонированные спуски вели отнюдь не к силосным ямам, а к ангарам, где стояли челночные космические корабли класса «Буран-М».

Да и само бескрайнее поле имело бетонное основание, поверх которого на тонком слое почвы росла незатейливая смесь клевера и сорняковых растений.

Сейчас этот безупречный маскировочный фон был нарушен: пространство огромного «выпаса», на который в былые времена для пущей убедительности выгоняли мелкие стада домашних животных, пересекали две четко различимые взлетно-посадочные полосы, с которых была убрана камуфлирующая зелень, повсюду, среди зданий и на открытом пространстве, то и дело появлялись хорошо узнаваемые фигуры ксенобианских бойцов. Часть из них явно охраняла постройки, но

большинство Чужих были рассредоточены по внешнему периметру резервного космодрома, образуя многочисленные патрульные группы, состоящие из десяти—пятнадцати особей.

В небе кружили пять черных кораблей, еще четыре стояли на земле, рядом со сверхзвуковыми истребителями «МиГ-110», которые раньше были скрыты от постороннего взгляда типовыми сборными ангарами.

— Командир, мы готовы, — после досконального изучения обстановки доложил Логинов, припав к снайперскому прицелу снабженного глушителем «АК-210».

— Жди, — ответил Иван, наблюдая, как старшина, расположив бойцов, занимает позицию для стрельбы. Кустарниковые заросли, со стороны которых выдвинулась группа Булганина, обладали меньшими преимуществами, чем опушка леса, где заняла исходные группа Логинова.

Наконец пришел доклад от Степана:

— Мы готовы.

Лозин прочувствовал этот миг каждым нервом, каждой клеточкой своего тела.

— Снайперам — огонь!

* * *

Если в семантике Чужих присутствовали такие понятия, как «растерянность» и «страх», то они вкусили их в полной мере: атака горстки людей на пятый резервный космодром ВКС России была стремительной, ошеломляющей и поначалу практически беззвучной.

Две группы снайперов открыли уничтожающий огонь с хорошо замаскированных позиций: бесшумные выстрелы следовали один за другим, в буквальном смысле «выкашивая» ближайшие патрули ксенобиан.

Нужно отдать должное боевой разновидности Чужих — попав под внезапный обстрел, солдаты пришельцев попытались сориентироваться, чтобы оказать сопротивление, но безуспешно. Снайпера били точно и безжалостно. Прошло чуть больше минуты, и на краю огромного поля не осталось ни одного живого ксеноморфа, а невидимые стрелки уже перенесли прицельный огонь в глубь территории космодрома.

Разумные представители ксенобиан находились в явном замешательстве. Фигуры Чужих начали появляться на поле, выскакивая из дверей непритязательных построек, но тут же падали, подкошенные пулями снайперов.

Иван напряженно наблюдал за развитием событий.

— Внимание, — раздался голос Херберта. — Дальние патрули

рассредотачиваются. Они определили вектор огня!..

— Спокойно. — Лозин чувствовал, что контролирует ситуацию.

«Главное, чтобы никто не дрогнул…»

Он отчетливо видел, как отряды боевых особей ксенобиан, патрулировавшие дальнюю часть периметра, образовали редкую, растянутую цепь и внезапно ринулись в слепую атаку на пограничные заросли. Эффект внезапности явно не воздействовал на них, а элементарная логика подсказывала, что невидимые стрелки ведут огонь со стороны уничтоженных патрульных групп.

Цепь Чужих казалась редкой и растянутой лишь из-за большой протяженности периметра космодрома, на самом деле позиции шестерых снайперов атаковало в этот момент не менее сотни боевых особей — они бежали, на ходу ведя неприцельную стрельбу из бионических автоматов. Тончайшие иглы, смоченные токсичными выделениями, с тонким свистом пронзали воздух, втыкались в стволы деревьев, навылет прошивали кустарниковые заросли, подрубая мелкие веточки и превращая в решето попадающуюся на их пути листву…

Однако ни численный перевес пришельцев, ни плотность ответного огня не смогли поколебать хладнокровие шестерых людей. Не получив приказа к отступлению, снайпера продолжали методично уничтожать Чужих, не обращая внимания на шальные иглы, которые со свистом пролетали мимо.

Черные корабли, барражировавшие в воздушном пространстве над территорией космодрома, очертили в небе плавный полукруг и начали стремительно приближаться к месту боя.

— Цель вошла в зону визуального контакта!.. — Голос Насти прозвучал глухо и напряженно. — Боевой сопроцессор подтверждает захват по линии визирования!

— Джон?!

— Готов!..

— Всем ждать…

Напряжение росло, хотя над полем боя не раздавалось звуков стрельбы или грохота разрывов, лишь молча и целеустремленно неслась редеющая цепь Чужих, едва слышно свистели пули и иглы да падали выбитые из строя снайперским огнем фигурки ксенобиан…

Иван ждал, хладнокровно отслеживая показания дальномеров.

— Орудиям, беглый огонь! — наконец скомандовал он. — Снайперам, отходить!

В следующую секунду все разительно изменилось, будто мир вокруг

взорвался.

С гулким ритмичным грохотом заработало модернизированное башенное орудие БМК, посылая в приблизившийся черный корабль длинную очередь разрывных снарядов. В небе внезапно вспух ослепительный бутон огня, рядом с которым тут же полыхнул еще один ксенобианский корабль — это Херберт поразил избранную цель.

Окраину леса и заросли кустарника вдруг начал заволакивать молочно-белый, удушливый дым, — снайпера выбросили заранее заготовленные заряды и сейчас отступали под прикрытием их завесы в глубь лесного массива.

В следующую секунду в бой вступили три черных корабля.

Лазерные лучи хлестнули по окраине лесного массива, подрубая деревья, скашивая кусты, — потоки когерентного света били наугад, однако их разрушительная мощь вполне могла скомпенсировать неточность ударов: во многих местах моментально занялся пожар, но обе БМК, действуя по плану, уже вышли из зоны тотального поражения, остановившись в километре от демаскированных огневых позиций, чтобы подобрать группы снайперов.

Лейтенант не видел возвращающихся бойцов, но, судя по данным телеметрии, никто не пострадал, — встроенные в экипировку аларм-процессоры не выдавали тревожных сигналов, лишь участились показатели пульса и кровяного давления.

Наконец кормовые люки закрылись.

— Второй, начинаем «карусель»! — произнес Лозин, выводя свою машину на край огромного поля.

БМК, под прикрытием дымовой завесы, продвинулась на полсотни метров вперед и, резко повернув, пошла на средней скорости параллельно кромке леса, поливая шквальным огнем из башенного орудия остановившуюся цепь ксенобианских бойцов.

* * *

Планируя операцию, космодесантники тщательно просчитывали каждый элемент своих действий, одновременно, на основе накопленного опыта, проектируя адекватные средства борьбы с техникой противника.

Черные корабли, несмотря на хрупкость обшивки, являлись опасными противниками, которых не следовало недооценивать. Странный, практически неизученный материал их корпусов поглощал красную часть спектра световых волн, не выделяя при этом тепла, а приводы инородных аппаратов не возбуждали в атмосфере электромагнитных полей. Двигаясь

на большой скорости, такой корабль казался размазанным темным пятном, на которое упорно отказывались реагировать стандартные системы наведения.

В итоге получалось, что поразить ксенобианский корабль можно лишь прямой наводкой, в том случае, когда он находится в непосредственной близости и движется на малой скорости, не выходя из зоны визуального контакта со стрелком.

Пока люди оборонялись, корабли ксенобиан были вынуждены сбрасывать скорость, зависать либо медленно барражировать над определенными участками местности в поисках противника, и их можно было поразить без участия компьютерных систем наведения. Лозин первым доказал это, сбив корабль Чужих над военным городком из ручного противотанкового комплекса, однако Иван скептически относился к перспективе подобных поединков.

— Пока что нам по большому счету везло, — высказал он Херберту и Логинову свое мнение. — Готовить наступательную операцию, уповая на то, что Чужие будут висеть над нашими головами и подставляться под прямые удары, на мой взгляд, неприемлемо. Они наверняка извлекли определенный урок из собственных поражений.

— Без сомнения… — согласился Херберт, просматривавший собранные видеозаписи. — Думаю, их лазерные установки при хорошей погоде способны поражать цели с дистанции в десятки, если не сотни километров. Когерентный световой луч — не снаряд, на него не распространяются законы баллистики.

— Вот и я про то, — сумрачно заметил Лозин. — До, пустим, мы захватили космопорт, но кто помешает Чужим поднять свои корабли с островных баз и ударить по известной площади, находясь вне пределов видимости, например у линии горизонта?

— Плохая погода, — подумав, произнес Логинов. — Дождь, туман, дымовая завеса — все, что затрудняет распространение световой волны.

— Мы не можем уповать на погоду или на удачу, — отрезал Иван.

— Значит, надо искать способ поражать их корабли на большом расстоянии, вне пределов визуального контакта!.. — в тон ему предложил Херберт.

— Стоп… Не раздражайтесь, — осадил друзей Логинов. — У нас есть боеприпасы с системами лазерного наведения.

— Это не сработает, — отрицательно покачал головой Лозин. — Ты забыл, что мы *не видим* цели. Куда ты пошлешь наводящий луч?

— А я не стану этого делать, — усмехнувшись, ответил ему Логинов.

Он сел за компьютер и быстро набросал какую-то схему. — Смотри, Иван, вот мы, а вот тут, у линии горизонта, недосягаемый для оптических систем корабль Чужих. Допустим, он ведет огонь из лазерных установок, которые работают по восемь секунд — это я проверял, произведя хронометраж видеозаписей.

— И что? — не понял Херберт, в то время как Иван заинтересованно подался к монитору.

— За восемь секунд компьютер успеет произвести запуск ракеты, — пояснил Логинов. — Дальше, — он указал на схему, — головная система наведения реактивного снаряда зафиксирует лазерный луч противника и начнет разгон по точному вектору — ведь источником излучения является именно цель!

— Хорошо… Допустим, — подумав, согласился Лозин. — А если корабль ксенобиан движется? — сразу же спросил он.

— В таком случае надо использовать заряды с разделяющейся боеголовкой, — ответил Дима. — Пусть основной носитель доставит их в точку, где несколько секунд назад находилась цель. Далее… — он быстро набросал новую схему, — боеголовка разделяется на три самостоятельных снаряда, в компьютеры которых мы введем все имеющиеся в наличии видеоизображения ксенобианских кораблей и снабдим их широкофокусными цифровыми камерами. Обратите внимание, — Логинов указал на соседний монитор, где непрерывно прокручивались записи столкновений между людьми и ксенобианами, — их корабли вынуждены останавливаться либо двигаться на малой скорости, чтобы вести эффективный огонь по наземным целям, — то есть за время подлета нашей зенитной ракеты они не успеют удалиться от точки выстрела на расстояние, исключающее визуальный контакт.

— Логично, — соглашаясь, вновь кивнул Лозин. — Будем считать, что с дальними подступами мы разобрались. Остается рассмотреть еще один аспект боя: их корабли прорвались в район космопорта и ведут огонь с дистанции нескольких километров. Реактивные снаряды у нас закончились. Визуального контакта по-прежнему нет.

— Усложняешь техническое задание? — усмехнулся Логинов.

— Нет. Моделирую реальную ситуацию.

Дима понимающе кивнул, но тут в разговор вмешался Херберт.

— Компьютеры БМК не пострадали от электроразрядных ударов и находятся в исправном состоянии, — напомнил он. — Это очень хорошие вычислительные комплексы. При условии, что цель не видна, но находится в радиусе эффективного огня автоматических орудий, боевому

сопроцессору не составит труда сбить ксенобианский корабль.

— Как? — потребовал объяснений Иван.

— Нужно написать программу, способную вычислять координаты цели по изложенному Дмитрием принципу: источник лазерного излучения — тире — цель, — ответил Херберт. — Мы обладаем всеми исходными данными. Время работы лазера — восемь секунд, пауза перезарядки устройств накачки — двенадцать секунд. Скорость света в атмосфере известна, значит, боевой сопроцессор сможет вычислить вектор ведения огня и расстояние до источника светового излучения на основе заданных величин. Нужно лишь снабдить его адекватной программой обработки исходных данных и устройством, фиксирующим лазерный разряд.

Логинов задумчиво кивнул.

— Джон прав, — произнес он. — Я смогу написать необходимую программу. Если мы будем использовать разрывные снаряды со шрапнельной начинкой, ксенобианам не поздоровится. — Он недобро усмехнулся и пояснил в основном для Херберта: — Зоной тотального поражения стандартных разрывных боеприпасов, при подрыве в воздухе, является сфера диаметром в пятьсот метров. Это с лихвой компенсирует мелкие погрешности вычислений. К тому же мы можем применить два типа зарядов — обычный и обедненной, на тот случай, если цель окажется слишком близко, чтобы самим не пострадать от разлета шрапнели…

* * *

…Выводя БМК на зыбкую границу дымовой завесы, Иван действовал четко и осмысленно.

Ксенобиане действительно извлекли уроки из собственных поражений — три черных призрака уже исчезли из зоны видимости, справедливо опасаясь возможности разделить участь двух сбитых кораблей, горящих на опушке леса. Но лейтенант, сбродив скорость, настойчиво провоцировал их на залп, приказав Насте прекратить огонь, временно игнорируя разбегающиеся в стороны фигурки инопланетных бойцов — ими можно заняться позже, благо шквал тонких игл не оставлял на броне БМК даже царапин.

— Второй, приготовиться к залпу!

— Готов, — раздался краткий ответ Херберта. Иван коснулся переключателя, одновременно резко увеличив скорость машины.

Из коротких пусковых труб, расположенных под углом к горизонту, внезапно вырвались пять ослепительных зарядов — они взмыли в небеса,

разбрызгивая горячечные искры, и начали падать по пологой дуге…

Это были ложные тепловые цели, обычно применяющиеся для защиты от самонаводящихся ракет, но сейчас они выполняли иную, несвойственную им функцию: их тепловое излучение подсветило БМК в инфракрасном диапазоне, давая чужим возможность «увидеть» противника.

Расчет лейтенанта оправдался.

Пилоты черных кораблей наконец зафиксировали цель — смутное, едва различимое тепловое пятно, стремительно движущееся на границе дымовой завесы, которое окружали яркие, непонятные для них объекты.

В следующий миг последовал залп.

Лазерные разряды наискось ударили из поднебесья, сжигая медленно падающие тепловые ловушки, вонзаясь в землю, поджигая пожухлую прошлогоднюю траву, но бесноватый огненный смерч не достиг истинной цели. Иван резко затормозил, БМК юзом развернуло на тонком слое маскирующей почвы, так, что в рытвинах обнажилось бетонное основание космодромной плиты; одновременно с этим внутри отсеков раздался отчетливый визг сервомоторов, и башенное орудие вдруг разрядилось длинной тактовой очередью.

В ответ высоко в небесах раздался оглушительный грохот, похожий на звук рвущегося картона. Лозин не видел, куда попали снаряды, но отчетливо представлял, как сизые облачка разрывов опоясали корабль противника, проламывая его обшивку сотнями стальных шариков, и, словно в подтверждение его мысли, в небе внезапно появилось черное облако, в котором разум с внутренней дрожью распознал падающие обломки чужеродного корабля…

…Мелкие фрагменты обшивки были похожи на черные хлопья медленно падающего снега, а само облако обломков разительно напоминало огромную стаю ворон, которые по осени кружат над убранными полями…

Это наваждение длилось лишь миг, но память запечатлела ирреальную картину на всю жизнь, будто время замерло на несколько секунд, а потом сорвалось в прежнем бешеном темпе, возвращая разум в реальность…

— Внимание, снимаю сенсорную защиту! — резанул по нервам доклад Херберта.

Все шло по плану.

Страшная карусель продолжалась: из-под прикрытия тающей дымовой завесы вырвалась боевая машина Зотова и, отхаркиваясь короткими очередями в разрозненные группы Чужих, стремительно

понеслась по полю. Сверху вновь ударили лазерные лучи, но теперь взгляд лейтенанта отчетливо различил всего лишь три рубиново-красных шнура, которые гнались по пятам БМК, вспахивая землю уродливыми дымящимися полосами. В голове успела промелькнуть мысль, что огонь ведет только один корабль ксенобиан, и тут же по вычисленным координатам с ревом разрядились пусковые установки зенитно-ракетных комплексов его машины.

На этот раз рой черных обломков уже не вызвал замешательства, все нереальные чувства отхлынули, освобождая разум, лишь звонкое торжество победы на миг коснулось рассудка и тут же ушло — вокруг гремел бой, обзорные экраны показывали мечущихся по полю ксенобианских бойцов, а приближающиеся здания выталкивали навстречу десятки новых противников…

От ритмичного грохота автоматических орудий в ушах стоял звон, разрывные снаряды перепахивали тонкий слой почвы, расшвыривая в стороны мертвые тела Чужих, откуда-то вновь ударил красный шнур когерентного света, и машина Зотова, резко притормозив, вдруг окуталась клубящимся облаком ракетного запуска…

* * *

На поверку первая фаза операции длилась всего пятнадцать минут, но в этом отрезке времени спрессовалось столько событий, что начало схватки уже казалось далеким полузабытым прошлым…

Две боевые машины космодесанта, завершив очередной круг по перепаханному разрывами полю, сошлись недалеко от площадки, где рядом с «мигами» горели так и не получившие возможности взлететь корабли ксенобиан.

— Настя, на место водителя, живо! — Иван встал, отстегивая страховочные ремни. — Передай управление огнем автоматике!

— Иду.

По внешнему каналу связи пришел рапорт Херберта. Джон также покидал орудийную башню, чтобы занять место за центральным пультом управления второй БМК.

— Поле зачищено, я спускаюсь.

— В темпе! — подстегнул его Лозин и тут же добавил: — Джон, если кораблей ксенобиан окажется слишком много, не геройствуйте, уходите вслед за нами в бункера. За Настю отвечаешь головой, понял?

— Не волнуйся.

В этот момент она сама появилась в дверях отсека управления.

Всего на миг их взгляды соприкоснулись, оба понимали, что нет времени на проявление чувств, и Настя, занимая место водителя БМК, успела лишь шепнуть ему:

— Береги себя…

* * *

В десантном отсеке по-прежнему горел предупреждающий красный свет. Фигуры бойцов в фототропной броне казались смутными тенями, притаившимися у распахнутого кормового люка.

В преддверии дерзкой операции Ивану пришлось принимать трудные решения. Если первая фаза разработанного плана не вызывала сомнений, то последующие стадии, связанные со спуском под землю и зачисткой бункеров от чужаков, потребовали от Лозина отбросить все личное и мыслить не категориями чувств, а критериями целесообразности.

Настя и Херберт не были готовы к непредсказуемым схваткам, они не обладали необходимыми навыками боя и в теснине бункеров автоматически стали бы обузой для штурмовых групп. В то же время кто-то должен был остаться в боевых машинах, на случай, если Чужие вызовут подмогу с островов.

Выбор кандидатов был невелик, и Иван скрепя сердце принял решение: наверху остаются Настя и Джон.

Теперь исход всей операции зависел от стремительности действий штурмовых групп. Успеют ли они овладеть комплексом, прежде чем корабли ксенобиан начнут массированную атаку? Если успеют, то в бой с Чужими вступит кибернетическая система космодрома, для которого Логинов разработал те же программы, что и для компьютеров БМК. Каждому из спускающихся под землю бойцов был выдан набор изготовленных лейтенантом «карточек доступа» и программные диски с необходимой информацией.

— Вперед! — коротко приказал Лозин, первым спрыгивая на землю из люка БМК.

Небо было чистым и безоблачным, а как хотелось, чтобы вдруг пошел дождь…

— БМК, первому, — раздался в коммуникаторе голос Насти. — Телеметрия устойчивая. Вход на первый уровень в здании напротив. Слежу за вами.

— Принял, — ответил лейтенант, бегом направляясь к потемневшему от времени деревянному бараку. — Булганин, подтягивайся!

— Я рядом, командир. Прикрываю подступы. Посеченная осколками

дверь висела на одной петле.

Иван с ходу вышиб ее ногой и швырнул внутрь осколочную гранату, тут же отпрянув от проема.

Внутри грохнул разрыв, что-то со скрежетом подломилось и просело с протяжным скрипом.

Решетов стремительной тенью ворвался внутрь здания и спустя секунду от него пришел доклад:

— Чисто!

Обе группы моментально втянулись внутрь огромного барака.

Здесь не было никого, пол усеивала древесная щепа вперемешку с сопревшей соломой. У входа, привалившись к изрешеченной осколками стене, в безвольной позе сидел мертвый ксенобианин.

Логинов уже отыскал спрятанный в дальнем углу люк. Он был заперт, рядом помаргивало красными индикаторами замурованное в пол устройство доступа.

Дима склонился над сканирующей панелью, вставил в щель одну из заранее сгенерированных карточек, и индикаторы, словно по волшебству, изменили свой цвет, став изумрудно-зелеными. Одновременно послышался невнятный, идущий из-под земли звук заработавшего привода, и массивная прямоугольная плита начала медленно уползать вбок, открывая широкий вертикальный спуск, снабженный двумя лестницами.

— Думали замуроваться внутри, суки… — раздался голос старшины. — Ни хрена, господа, Дым у нас начинал с банкоматов, верно?

— Разговоры.

Массивная плита уже отодвинулась на полметра, и Лозин указал старшине на открывшую щель:

— Пошел!

Степан нырнул в вертикальный колодец и исчез, не спускаясь по ступеням, а соскользнув по перилам лестницы, будто акробат.

Внизу отчетливо ударила короткая автоматная очередь, за ней другая, и тут же пришел доклад:

— Чисто! Держу развилку. Спускайтесь по одному, тут тесно…

— Логинов, пошел! — Иван обернулся. — Багиров замыкающий.

Взводный снайпер кивнул, тут же развернувшись к входу в здание, в то время как бойцы один за другим соскальзывали вниз.

* * *

Спустившись, Лозин очутился в тесном квадратном тамбуре, где, помимо старшины, на забрызганном сукровицей полу валялись тела двух

чужаков.

— Стерегли люк, — коротко доложил Булганин.

— Багиров, вниз. Настя, мы внутри. Как сигнал?

— Связь устойчивая.

— Дай развертку уровня на мой дисплей.

— Передаю.

На проекционном забрале компьютеризированного шлема лейтенанта тут же появились тонкие зеленые линии, схематически отображающие коммуникации первого уровня. Позиция Лозина была отмечена на схеме алой точкой.

От тамбура в трех направлениях уводили длинные коридоры с расположенными по обе стороны от них многочисленными помещениями. По логике, они относились к службам охраны, управляющий центр должен дислоцироваться глубже, на третьем либо четвертом уровне.

«Две группы, три коридора… Масса помещений, где могут с равной долей вероятности находиться как люди, так и ксенобиане».

Решение напрашивалось само собой.

— Логинов, Зотов, правый коридор, Булганин, Долматов, налево, остальные со мной. Ищем переход на следующий уровень. Двери без надобности не открывать, помещения зачищать осторожно, за любой преградой могут оказаться люди или необходимое оборудование. О гранатах временно забыть. Всё, расходимся!

Отряд из восьми человек мгновенно разделился. Две пары тут же исчезли в боковых тоннелях, а оставшиеся бойцы вслед за лейтенантом вошли в центральный проход, отличающийся от боковых своими размерами и протяженностью.

Первые пятьдесят метров преодолели без задержек, затем им встретился пост охраны: из стены коридора выступал фрагмент железобетонной конструкции с амбразурой; за укрытием был установлен небольшой пульт, а по периметру диаметрального сечения тоннеля четко выделялась окаймленная пневмоуплотнителем щель.

«Аварийная переборка…» — мгновенно сообразил Лозин.

— Решетов, остаешься тут. Держи позицию.

Иван нутром чуял, не дадут им спокойно продвигаться к цели. Чужие могли появиться в любую секунду, и прикрыть тыл необходимо.

Оставив Сергея на блокпосту, они возобновили движение. Тоннель не сужался, все двери по бокам были плотно прикрыты, но Иван не останавливался, чтобы проверить, заперты они или нет. Сейчас он не мог позволить своей группе задерживаться для зачистки помещений.

Они прошли еще полсотни метров в глубь тоннеля, когда за спиной раздались звуки автоматического огня.

Иван продолжал бежать, не оборачиваясь. Мимо со свистом пронеслось несколько игл, автомат в тылу не умолкал, но звук коротких очередей давал понять, что Решетов спокойно удерживает позицию.

Следующий блокпост.

— Зарубин, на позицию.

Теперь с ним остался только Багиров. Звуки стрельбы за спиной стихли.

— Сергей? — не останавливаясь, потребовал отчета Лозин.

— Все в порядке, они отступили.

— Командир, я дошел до тупика, — раздался в коммуникаторе доклад Булганина. — Перехода не обнаружил.

— Возвращайся тем же маршрутом. У перекрестка, вероятно, встретишь группу Чужих, они пытались атаковать нас с тыла.

— Понял, разберемся.

Еще пятьдесят метров… Зеленые линии на проекционном забрале помутились, стали размазанными, нечеткими, и Иван понял, что вышел на границу радиуса действия сенсоров БМК.

Сзади вновь раздались звуки выстрелов, но Лозин упорно продолжал бежать вперед.

Вот он… Такой же, как на входе, массивный прямоугольный створ в полу, с электронной системой доступа.

Интуиция не подвела — два блокпоста, оснащенные опускающимися переборками, по логике вещей, контролировали главную магистраль уровня.

— Внимание всем! Переход обнаружен. Зарубин, Решетов, остаетесь на местах, остальные ко мне! — Иван опустился на одно колено, вставляя в щель считывающего устройства тонкую пластину с двумя микросхемами. Это был генератор кода, созданный Логиновым. Устройство, снабженное собственным микропроцессором, в течение нескольких секунд подбирало необходимое для активации сочетание букв и цифр.

…Массивная бронированная плита дрогнула и поползла в сторону. На этот раз вниз уводил не вертикальный колодец, а пологий лестничный марш.

Иван встал сбоку от открывающегося проема, Багиров повторил его движение, отпрянув к противоположной стене, и вовремя: преграда едва ли отодвинулась на треть своего хода, а в образовавшуюся щель вдруг с ноющим свистом ударили иглы из бионического автомата.

Лозин дал в ответ короткую очередь, но пули не нашли цель, лишь взвизгнули, рикошетя от ступеней, а шелестящий, бьющий снизу поток игл не иссяк.

Сзади послышался приближающийся топот ног.

— Осторожно! — предупредил Иван, доставая световую гранату.

Сжав сенсор активации, он мысленно отсчитал семь секунд и швырнул гладкий, закругленный с обоих торцов цилиндр в открывшийся проход.

Граната звонко ударилась о стену и с характерным звуком покатилась вниз по ступеням.

На седьмой секунде внизу вдруг полыхнул нестерпимый для глаз, ослепительно-белый свет.

Лозин заранее отвернулся, чтобы не попасть под вспышку, и, как только сияние померкло, рванулся вперед, жестом увлекая за собой Багирова.

…Лестница состояла из двух маршей, между которыми располагалась неширокая площадка.

Чужих они увидели еще с верхних ступеней: четверо ксенобианских бойцов, прекратив стрельбу, безуспешно пытались сориентироваться, слепо сталкиваясь друг с другом на узкой площадке.

Лозин срезал их длинной очередью и, не останавливаясь, устремился вниз.

Как он и подозревал, у окончания второго лестничного пролета их поджидала еще одна группа ксенобиан, которым также досталось от вспышки световой гранаты…

Багиров, припав на колено, дал по ним две короткие очереди, расчищая путь; Иван с ходу перепрыгнул через обмякшие тела и вжался в стену, наблюдая за открывшимся тоннелем, пока остальные десантники спускались по лестнице.

— Лифт, командир. — Логинов присел рядом, указывая на массивную двустворчатую дверь, расположенную справа от лестничного марша.

— Проверь, — приказал Иван, не отрывая глаз от глубин тоннеля.

Минус второй уровень… Здесь, по идее, уже должны располагаться посты управления.

«Нет…» — мысленно одернул себя Иван. — «Нельзя размениваться по мелочам. Только главный зал. Центр управления полетами, доступ к основному компьютеру. Овладев его терминалами, мы автоматически возьмем под контроль все компоненты компьютерной сети».

«Где же люди? Почему мы не встретили ни одного человека?»

Ответа не было, времени на его поиски тоже. Связь с поверхностью земли становилась все хуже, а на третьем уровне могла пропасть вовсе.

— Решетов, Зарубин, слышите меня?

— На связи…

— Постоянно поддерживайте контакт с БМК. Мы пытаемся спуститься на третий горизонт, и оттуда вряд ли сможем поддерживать прямую коммуникационную линию.

— Принято. Если возникнут серьезные проблемы, мы передадим вам сообщения с земли.

«Лучше бы этого не потребовалось», — подумал Иван, досадуя на возникшую заминку.

— Дима, что у тебя?

— Сейчас, командир… С этой системой доступа уже кто-то поработал, мать их… — в сердцах выругался лейтенант.

— В чем дело?

— Посмотри сам… — Логинов указал на два инородных включения, похожие на жесткие буро-зеленые усы насекомого. Вскрытая электронная панель демонстрировала непривычный для человеческого глаза синтез: органические шунты имели сложную систему отростков, они будто впились в стандартные схемы устройства, пустив в них корни.

— Что это?

— Думаю, определитель запаха, — ответил Логинов. — Чужой сенсор. По внешнему виду похоже на шунты в моей голове, но предназначение явное иное.

— Удалить нельзя?

— Не думаю.

— На что он реагирует? Просто на запах ксенобиан?

Логинов отрицательно качнул головой:

— Сомневаюсь, командир. Слишком просто. — Дима оглянулся и добавил: — Сейчас проверю.

Вернувшись к лестничной площадке, он подхватил мертвого ксенобианского бойца, подтащил его к сканеру, в который уже был вставлен генератор электронного кода, и приблизил обмякшее тело вплотную к инородным элементам, «вживленным» в схему управления лифтом.

Красный индикатор на панели доступа моргнул, но не поменял свой цвет.

— Бесполезно. Тут нужен какой-то специфический фермент. — Логинов оттащил труп к стене. — Будем взрывать?

— Подожди… — Иван посмотрел в глубины коридора. — Булганин, за мной. Остальным укрыться.

Старшина молча последовал за Лозиным.

Через несколько метров в стенах коридора появились двери. Ни табличек, ни иных поясняющих знаков на них не было, и это понятно: объекты такого уровня секретности обычно делились на изолированные сектора и зоны, где жили и работали не контактирующие друг с другом специалисты. Каждый из них знал свое рабочее место и ориентировался на отведенном участке без дополнительных указателей. Пятый резервный космодром не являлся исключением из правил — это подтверждали встречающиеся через каждые тридцать-сорок метров уплотнители поднятых межсекционных переборок…

Пустынные коридоры, слабое сопротивление со стороны малочисленной охраны, наличие инородного сканера на панели управления лифтами — все это немо свидетельствовало, что ксенобианам удалось овладеть системами внутренних коммуникаций: они убрали секционное деление уровней для удобства собственного перемещения и чувствовали себя под землей в относительной безопасности.

«Хозяевами себя ощутили…»

Иван остановился напротив дверей и тихо сказал:

— Степан, ты открываешь, я страхую. Стрелять только в бойцовских особей. Мне нужен разумный ксенобианин, живой и здоровой, понял?

Старшина молча кивнул.

Лозин отступил на шаг, освобождая ему место, и Булганин, не мудрствуя, вскинул автомат, выпустив короткую очередь в расположенную подле дверей панель.

Раздался характерный треск замыкания, из развороченного пулями устройства потянуло сизым дымком, и дверь вдруг начала рывками уползать в стену.

Отодвинувшись на половину своего хода, она внезапно пошла в обратном направлении, но Степан уже проскользнул в узкий проем.

Иван последовал за ним, прикрывая Булганина.

Помещение, куда они ворвались, оказалось одной из процессорных станций уровня. В длинном узком зале вдоль стен высились плотно состыкованные блоки кибернетических модулей, на множественных контрольных панелях сиял сложный геометрический узор индикационных огней, тихо шелестели вентиляторы охлаждения, потолочные панели источали ровный рассеянный свет.

Двое ксенобианских бойцов стояли у дверей, когда те стали внезапно

открываться, но старшина, памятуя о полученном приказе, просто оттолкнул их в стороны, метнувшись в глубины длинного помещения.

Иван, ворвавшийся вслед за Булганиным, сразу же увидел их. Боковое зрение у лейтенанта работало отлично, а ответная реакция была прописана на уровне рефлексов, — тень справа, движение слева, и тело уже живет в ритме миллисекунд: рывок в сторону, короткий резкий взмах, и волокончатый приклад «шторма» с хрустом проломил хитин, закрывающий грудь ксенобианского бойца. Тот начал оседать, но Лозин не остановил начатое движение, — мгновенно переместившись за агонизирующее тело, он одной рукой поддержал его, используя как щит, в который с хрустом впились иглы из разрядившегося бионического автомата второго охранника, и выстрелил в ответ.

Пуля ударила в голову чужака, отшвырнув его в угол. Оглядевшись, Лозин оттолкнул от себя мешковатое, нашпигованное иглами тело, и в этот миг увидел старшину, который возвращался из глубин длинного узкого прохода, волоком транспортируя за собой разумную особь Чужих.

— Жить будет, — буркнул Степан, поймав взгляд командира. — Я его оглушил на всякий пожарный… Сейчас прочухается.

Лозин не стал ничего говорить, лишь коротко кивнул в сторону двери.

…Подле лифтовой шахты ксенобианин действительно начал подавать признаки жизни. Он зашевелился, но мертвая хватка старшины не позволила ему сопротивляться. Степан рывком поставил Чужого на ноги, одновременно развернув его лицом к командиру.

Логинов, с жутковатой гримасой на перекошенном лице, уже разворачивал ноутбук.

— Говори сам, — попросил он Лозина.

Взгляд ксенобианина постепенно принял осмысленное выражение, он несколько раз дернулся в тщетных попытках вырваться, но при виде вооруженных людей быстро истолковал свое зависимое положение и перестал трепыхаться.

— Умный какой… — с нотками отвращения в голосе произнес Булганин, по-прежнему удерживая руки инородного существа заломленными за спину.

Ивана вдруг пробила короткая дрожь. Не так он представлял себе первый контакт с иной формой жизни…

Взгляд ксенобианина впился в него, видимо угадав в Лозине старшего.

«Что ж… Рано или поздно это должно было произойти».

— Степан, поверни его к сканеру.

Старшина рывком развернул Чужого в сторону вскрытой приборной панели. Иван активировал ноутбук и встал сбоку.

— Открой, — коротко произнес он, понимая, что успешное общение сейчас возможно лишь на уровне лаконичных, легко переводимых понятий.

Синтезатор звука издал серию щелчков, перемежающихся с посвистом разной тональности.

Голова ксенобианина вдруг мотнулась в сторону, будто ему кто-то влепил пощечину. С отчетливым хрустом вывернув малоподвижную шею, он в немом изумлении посмотрел на Лозина, который держал в руках мини-компьютер.

Секунду спустя в гробовой тишине раздалась ответная серия звуков.

— «Руки», — монотонно перевел компьютер.

— Долматов, подстрахуй, — приказал лейтенант. Андрей сделал шаг вперед и поднял автомат, направив его в лоб ксенобианину.

— Неверное действие — смерть, — произнес Лозин и, дождавшись окончания перевода, выразительным жестом указал на изготовившегося к стрельбе бойца.

Чужой медленно проскрежетал в ответ:

— «Понимаю».

— Степан, отпусти ему одну руку, — приказал Лозин, выключив переводчик.

Булганин ослабил хватку, освободив левое запястье ксенобианина.

Тот медленно потянулся к сенсорным «усам», при этом на четырехпалой ладони выступило какое-то клейкое, резко пахнущее вещество.

Гибридная система доступа тут же отреагировала на прикосновение: в напряженной тишине ожидания внезапно раздался отдаленный гул заработавших механизмов, и спустя некоторое время створки дверей автоматически разъехались в стороны, открывая доступ в просторную кабину подъемника.

— Заходим все, — приказал лейтенант, первым шагнув в лифт.

* * *

Судя по кнопкам, имеющимся на панели управления, бункер располагался в пяти подземных горизонтах.

— Нижний уровень исключен, — произнес Логинов. — Там реактор и системы жизнеобеспечения. Жми на четвертый, командир. Не ошибешься.

Лозин склонялся к такому же решению, но его с самого начала беспокоила и настораживала покладистость ксенобианина. Действительно

Чужой так опасался за собственную жизнь или система их ценностей все же отличается от человеческой?

«Она должна отличаться», — подумал Иван, и тут же его рассудок подсказал возможный вариант ответа: внизу, на командном уровне, их ожидает ловушка. Вне всякого сомнения, ксенобианин осведомлен о том, что творится ниже, и он наверняка сопоставил количество людей с таящейся в глубине угрозой. В таком случае его поступками руководил не страх, а логика. Очевидно, ксенобианин не сомневался, что люди будут уничтожены, и тем самым внезапно возникшая проблема найдет свое быстрое разрешение.

— Всем приготовиться… — вслух подытожил лейтенант свои мысли. — На выходе из лифта нас ждут. Щадить только людей и аппаратуру. В остальном разрешаю действовать по обстановке. Главная задача — захватить центральный зал управления. Степан, свяжи его, — он взглядом указал на Чужого. — Пусть полежит в лифте.

Булганин молча исполнил приказ, в то время как бойцы заняли позиции: первая пара — Багиров и Долматов, припав на колено, изготовились к стрельбе, сзади их страховали Логинов и Зотов, ксенобианина уложили у задней стенки лифта, и Лозин, переглянувшись со старшиной, коснулся кнопки четвертого уровня.

Двери сомкнулись, и кабина стремительно пошла вниз.

Пятый резервный космодром ВКС России. Минус четвертый уровень…

Люди…

Люди с оружием в руках стояли по ту сторону открывшихся дверей, и это вызвало шок…

Пальцы в первое мгновение немели на спусковых сенсорных кнопках, не в силах послать разящую наповал смерть в одутловатые человеческие лица. Как много должно было измениться в давно очерствевших душах десантников, чтобы они на доли секунд замешкались при виде вооруженных *людей*…

Разве не они несколько лет назад проливали кровь в различных «горячих точках» земного шара, занимаясь безжалостной борьбой с себе подобными?..

Каждый из находящихся в лифте бойцов давно прошел свой личный ад, примирив разум и душу с необходимостью осознанного убийства, но на

поверку оказалось, что между прошлым и настоящим разверзлась неодолимая пропасть…

«Вот почему ксенобианин так легко допустил нас в лифт…»

— Они шунтированные! — успел выкрикнуть Логинов, прежде чем первые пули с грохотом ударили внутрь кабины, прошивая навылет облицовочный пластик и спрятанную за ним трехмиллиметровую сталь…

— Ублюдок!.. — Падая, старшина умудрился пнуть скорчившегося на полу лифта Чужого.

Жуть накатила и тут же отхлынула, словно звонкий, рассыпчатый грохот прошибаемого металла, глухой перестук падающих гильз и разлетающаяся в стороны пластиковая щепа подействовали на разум, как ледяной душ…

Первыми в себя пришли Паша и Андрей — они находились всего в двух шагах от стрелявших, и крик Логинова воздействовал на них, словно удар спускового механизма…

Испытание судьбой.

Тест на человечность.

Пули летели поверх голов десантников — стрелки из насильно подчиненных чуждой воле людей получились скверные, но куда делись машинальные ответные реакции профессиональных бойцов? Ведь так легко было выбить из дверного проема негаданных противников одной безжалостной автоматной очередью…

Иван не успел ничего приказать — Багиров и Долматов, не сговариваясь, резко вскочили под пулями и, не сделав ни одного ответного выстрела, заработали прикладами, оглушая, отбрасывая в сторону преградивших дорогу людей.

Логинов и Зотов бросились следом, вырвавшись из тесной кабины под визгливый аккомпанемент рикошетящих пуль, — автоматы били снизу, сквозь пол решетчатого балкона, опоясывавшего весь периметр центрального зала управления.

Последними из лифта выскочили лейтенант со старшиной.

У Ивана на миг помутилось в глазах, когда он увидел Багирова. Тот сидел у стены, зажимая рукой входное пулевое отверстие, его броня превратилась в исковерканное, опаленное кевларовое рубище…

Реальность дробилась перед глазами, распадаясь на тягучие секунды…

…Долматов стрелял, поставив автомат на одиночный огонь. С пальцев Андрея капала кровь, а в напряженной позе угадывалась нечеловеческая боль, которую испытывал в эти мгновенья взводный снайпер…

…Логинов уже добежал до лестницы и работал прикладом, расчищая путь.

…Сержант Зотов, прихрамывая, боком двигался по балкону, посылая вниз частые одиночные выстрелы…

Секунды… — самые прихотливые, капризные отрезки субъективного времени, они то растягиваются в гулкую вечность, то вновь срываются в бешеный темп мимолетных мгновений…

— Бить по ногам! — выкрикнул Лозин. — Долматов, назад! Старшина, займись ранеными!

— Я справлюсь… — прохрипел Багиров, зубами вскрывая зажатый в окровавленной руке индивидуальный пакет. — Идите…

Иван метнулся вперед по узкому решетчатому балкону. Пули гнались за ним, били в стену, оставляя на ней уродливые выщербины, одна с силой ударила в плечо, едва не сбив лейтенанта с ног; он покачнулся, и в этот миг его взгляд внезапно охватил всю панораму простирающегося внизу огромного помещения.

Главный операторский зал центра управления полетами был исполнен в форме амфитеатра, и там, между концентрическими рядами пультов, повсюду, вперемешку с ксенобианами, находились люди…

В коммуникаторе боевого шлема резко щелкнула статика, и вслед раздался далекий, приглушенный помехами голос Решетова:

— Командир, «Земля» докладывает об обнаружении ксенобианских кораблей. БМК только что произвели ракетный запуск!..

— Передай Насте и Джону — спускаться вниз! Компьютеры боевых машин в автоматический режим! Путь расчищен… Повторяю, путь расчищен! Шахта лифта расположена в начале второго уровня. Осторожно, в кабине пленный ксенобианин.

— Понял. Мы встретим их и доставим вниз. Что делать с входом?

— Заблокировать! — Лозин отдавал приказы, уже подбегая к ведущей вниз лестнице.

— Принято. Исполняю.

Иван остановился, резко присел, инстинктивно уклоняясь от пуль, и понял: еще несколько минут, и весь тщательно разработанный план полетит насмарку. Он не ожидал встретить тут зависимых от ксенобиан шунтированных людей, но даже в горячке внезапно вспыхнувшего бессистемного боя лейтенант понимал — здесь нет профессиональных солдат, и все, кто сейчас стрелял в них, — незаменимые в своем роде специалисты, разумом которых безжалостно манипулировала чужая воля.

Секунда отчаяния вдруг стала мигом прозрения.

Чужая воля…

Он вскинул автомат и выдохнул в коммуникатор, одновременно с выстрелом:

— Не трогать людей! Бить по разумным ксенобианам, на поражение!

По сути, это был смертельный приказ, ведь снизу, не стихая, по ним били автоматы, и при такой плотности огня даже неумелые стрелки могли перебить шестерых бойцов за считанные минуты, но иного шанса вырвать ситуацию из-под контроля Чужих попросту не существовало.

Логинов и Зотов уже спустились вниз, и теперь им пришлось вновь расчищать себе путь назад, к лестнице, — царящий внизу хаос не давал возможности для ведения избирательного снайперского огня, но Булганин и Долматов, все еще остававшиеся на балконе, мгновенно восприняли приказ: два автомата на миг умолкли, а затем заработали вновь, отплевываясь одиночными выстрелами, к ним внезапно присоединился третий, и Иван, на миг оглянувшись, увидел, что это Багиров подтянулся к краю балкона и стреляет, лежа на перепачканных кровью металлических прутьях решетки…

Пули нещадно били снизу, высекая искры из металла, казалось, что по балкону и лестнице хлещет раскаленный дождь. Лозин несколько раз сменил позицию, но тщетно — пули рикошетом задевали его, и тело под прочной, эластичной броней, сплетенной из кевларовых нитей, уже не ощущало боли от частых ударов…

Он стрелял, стиснув зубы, выискивая среди людей фигуры ксенобиан, а время уже потеряло физический смысл, оно стало иным, тягучим и неподвластным рассудку…

Мимо промелькнула фигура Логинова, сбоку раздался вскрик — это Зотов упал на промежуточной площадке между двумя металлическими лестничными маршами, и Иван резко повел стволом, вынужденно выстрелив в ногу пожилому мужчине, который с тупым выражением лица перезаряжал автомат, чтобы добить упавшего сержанта…

Зотов все же встал.

Иван еще контролировал его, когда снизу хлестнула прицельная очередь. Пули наискось ударили в плечо и голову Лозина с такой силой, что лейтенанта отбросило от перил, на миг погасив его сознание…

Короткий провал небытия сменился кровавым туманом, застилавшим глаза. В горячке Иван вскочил, машинально срывая с головы изуродованный пулями шлем вместе с разбитым коммуникатором и порванной дыхательной маской.

В нос тут же ударил густой неприятный запах, наполняющий зал

застойной вонью.

Это был запах Чужих, сложная смесь отдельных флюидов, которая, по утверждению Логинова, играла ключевую роль в общении ксенобиан.

Запах…

Иван отер струящуюся по лбу кровь.

Почему так смердит вокруг? Выключена вентиляция?.. Уж не запах ли контролирует шунтированных людей, передавая в их разум определенный приказ?

Он встал, пошатнувшись, и крикнул, едва ли надеясь, что его расслышат в грохоте, царившем вокруг:

— Прикройте меня!

Иван отчетливо видел, что зарешеченные зевы расположенных под сводами зала вентиляционных отверстий открыты, но огромные, расположенные за ними лопасти не вращались.

Он уже неадекватно воспринимал реальность, контуженый разум сосредоточился лишь на одной мысли — нужно дать свежий воздух, и, подчиняясь этому стремлению, глаза продолжали искать необходимый пост управления, пока взгляд не наткнулся на огромный распределительный щит с множеством механических переключателей, расположенный сразу под лестницей.

Вскочив, Иван рванулся вниз по гулким металлическим ступеням, не замечая, что автоматический огонь вдруг сосредоточился на нем, пули барабанили по стенам, в воздухе кружило пластиковое крошево разбитой облицовки, а он, добежав до площадки, на которой, отстреливаясь, лежал Зотов, перепрыгнул через перила, не приземлившись, а неловко упав с пятиметровой высоты, под спасительную защиту какого-то установленного под лестницей агрегата.

Не обращая внимания на боль, он встал, ухватившись рукой за открытую створку силового шкафа.

Перед ним стройными шеренгами располагались десятки различных переключателей, но, слава богу, тут все оказалось понятным, каждый из них был снабжен недвусмысленными указателями.

Система вентиляции.

Окровавленные пальцы Лозина коснулись механического переключателя, с усилием нажав на него, пока тот с характерным щелчком не встал в положение «включено».

Под сводами зала дрогнули и стали медленно раскручиваться огромные лопасти вытяжных вентиляторов. Через несколько секунд их утробное гудение перешло в вой, а затем звук исчез вовсе, и Иван,

одновременно с потоком свежего воздуха, который пахнул в лицо, вдруг услышал *тишину*…

Пошатываясь, он вышел из-за укрытия и остановился, потрясенный открывшейся взгляду картиной: по всему залу в немом оцепенении стояли люди, разного возраста, национальности, пола, — их объединяло лишь одинаковое выражение на одутловатых лицах и полная потеря ориентации.

В тишине вдруг грохнул отчетливый одиночный выстрел, и лейтенант увидел, как в нижней части зала из неровной шеренги человеческих фигур внезапно выпал ксенобианин, оседая на забрызганный сукровицей пол.

Хотелось верить, что это был последний из находившихся в зале Чужих.

* * *

Наверху содрогалась земля.

Толчки от ракетных запусков ощущались даже тут, в глубине подземелий, но они воспринимались как отдаленное свидетельство того, что две боевые машины космодесанта, введенные в автономный режим, продолжают сдерживать чужие корабли.

Четыре человека, спустившись вниз, увидели страшную, обжигающую рассудок картину. Огромный зал главного поста управления напоминал гладиаторскую арену после массового побоища. Повсюду меж пультов в неестественных позах лежали мертвые ксенобиане, люди стояли тут же, рядом, кто-то с оружием в руках, кто-то выронив его, некоторые беспомощно лежали в лужах собственной крови, даже не пытаясь зажать полученные раны…

Первым, кого увидела Настя, был израненный, весь перепачканный кровью, потерявший сознание Багиров.

Задохнувшись, она склонилась к нему, но понять, куда ранен Паша, не смогла из-за порванной пулями, щедро залитой кровью брони.

Она на миг растерялась, но на помощь пришел Зарубин. Склонившись к распростертому на решетчатом полу товарищу, он ловкими, заученными движениями снял с него шлем и быстро расстегнул магнитные липучки, после чего две половины облегающей тело эластичной кевларовой брони разошлись по боковым швам.

Сняв окровавленную экипировку, они увидели три входных пулевых отверстия, в правом предплечье, нижней части живота и в груди. Ранения были тяжелыми, но, осторожно перевернув бессознательное тело, Настя с облегчением убедилась, что все пули прошли навылет. Она не могла с точностью определить, задеты ли органы брюшной полости, — рана в

живот вызывала серьезные опасения, а у нее под рукой не было ни диагностической аппаратуры, ни хирургических инструментов, только перевязочные материалы да боевые препараты противошоковых инъекций.

Единственное, что давало надежду на благополучный исход, было отсутствие кровотечения. Кровь в ранах уже запеклась, и Настя понимала, что не последнюю роль в этом сыграли микромашины.

Перевязав Багирова, она сделала ему инъекцию и подняла взгляд, с неописуемым облегчением заметив, что остальные члены штурмовой группы находятся в сознании…

Их внешний вид вызывал невольную дрожь, но главное — живы, хоть и с трудом стоят на ногах, едва ли осознавая, что им удалось совершить…

Взгляд метался, скользил по бледным изможденным лицам — они все сейчас казались одинаково родными, близкими…

Подбородок Насти предательски дрогнул.

Она не имела права разрыдаться ни от внезапного облегчения, ни от дикой внутренней боли…

Иван подошел к ней, присел на корточки и вдруг хрипло проговорил:

— Мы в порядке… Перевяжемся… сами… Ты помоги людям…

Настя в первый момент не поняла его, пока Лозин жестом не указал на расположенный внизу зал.

— Помоги, кому сможешь… Они ни в чем не виноваты и нужны нам как воздух, слышишь?..

Настя кивнула. Она сразу поняла, что Иван контужен, по его неестественно громкому голосу, но спорить не стала.

Каждому из них выпало свое бремя, которое приходилось нести до конца, вопреки душевным порывам.

— Зарубин, помоги Насте. — Лейтенант обернулся. — Решетов, оставайся наверху. Стереги Чужого, не позволяй шунтированным людям приближаться к нему. И присматривай за Пашей. — Отдав этот приказ, он перевел мутный от боли взгляд на стоящих рядом бойцов. — Всем обработать раны и вниз. Старшина, собери оружие и сгруппируй шунтированных людей вон там, — он кивком указал на смотровую площадку, расположенную перед огромным демонстрационным экраном. — Следи, чтобы они не разбредались по залу. — Иван обернулся. — Логинов? Где Логинов?

— Я тут командир, — раздался голос Димы. — Внизу.

Лозин с трудом сориентировался на голос.

Логинов уже выволок из-за центрального пульта мертвые тела ксенобиан и работал, пытаясь определить, в каком состоянии находится

главная кибернетическая система комплекса.

Иван, пошатываясь, пошел к лестнице. Приказы были отданы, боевая часть операции завершена, и он понимал, что теперь исход всей акции зависит от того, сумеет ли Дима быстро разобраться в сложной сервисной оболочке и хотя бы частично перехватить контроль над автоматикой пятого резервного космодрома…

* * *

Для каждого человека однажды наступает день, когда судьба всерьез испытывает его на прочность.

Не всякий выдерживает это испытание, хотя ситуации могут варьироваться по своему смыслу и содержанию: от смертельной опасности до полного благополучия, которое, как выясняется, тестирует людей ничуть не мягче, чем смертельные обороты событий.

Это не философия, а нагая реальность.

Спускаясь по иссеченной пулями лестнице, Иван не задумывался над вопросами бытия, он лишь *ощущал*, что любой человек в этом зале несет свой моральный груз.

Ему досталось бремя ответственности за них всех, вместе взятых, без всяких скидок и различий.

Напряжение и нечеловеческая усталость уже дошли до той черты, за которой собственная судьба вдруг теряет первостепенное значение, а рассудок внезапно начинает оперировать глобальными ценностями…

От остроты и непривычности новых ощущений Лозину на миг стало страшно. Он будто стоял *над* событиями, утратив элементарные связи с окружающим. Судьбы отдельно взятых людей рассыпались, как горох из дырявого мешка, ускользая, теряясь, и Иван понял, что ничего не может поделать с этим. Он привел их сюда не ради того, чтобы убить энное количество Чужих, и не затем, чтобы выжить, а ради достижения полной, всеобъемлющей победы над пришельцами.

Часом ранее он не задумывался над этим — сотни ежесекундных проблем затмевали истинный смысл происходящего, а на поверку суть событий оказалась простой и в то же время трудно поддающейся здравому осмыслению: десять человек сознательно бросили вызов сотням, тысячам чуждых созданий, с единственной целью — доказать, что человечество живо, его не сломить, не загнать в таежные дебри, не уничтожить страхом, ввергнув остатки выживших в бездну регресса.

Противостояние не закончилось, оно только начиналось, и возможно, им не суждено выстоять, но у Лозина внезапно появилось твердое

убеждение: даже если они погибнут, ничто не пропадет всуе, Чужим не бывать хозяевами на Земле…

…Кровь глухо ломилась в виски.

Он подошел к Логинову, равнодушно перешагнув через мертвые тела чужаков, которые Дима выволок из тесного пространства между компьютерными терминалами.

Все пошло не так, как планировалось, — вместо двух—трех десятков ученых здесь оказались сотни шунтированных людей, которых не бросишь и не излечишь в один миг, значит, из бункеров пятого резервного для них существовало только два выхода — либо полная победа, либо смерть…

Третьего варианта не получалось, как ни крути…

* * *

Иван сел в свободное кресло оператора, расположенное подле терминала, с системой которого в данный момент работал Логинов.

Контуженый разум продолжал саботировать, и лейтенанту потребовалось усилие воли, чтобы заглушить в своем рассудке чувство отрешенности, сосредоточиться на маленьких огоньках индикационных сигналов, похожих на горящие в темноте крысиные глазки, и цифрах машинного кода, стремительными столбцами бегущих от верхнего среза дисплеев к их нижнему краю.

Логинов понимал их, но Иван, не обладающий глубокими познаниями в области кибернетики, не мог с точностью определить, какие процессы протекают сейчас в сложной структуре компьютерного комплекса.

Оглядевшись, он не отыскал взглядом более вразумительного, доступного для восприятия источника информации и потому спросил, вынужденно отвлекая Диму от работы:

— Что с системой, Дым? Она работает?

— Еще как… — не оборачиваясь, ответил Логинов, при этом казалось, что его глаза и пальцы живут сами по себе. Руки Димы стремительно перемещались по раскладкам сенсорных клавиатур, взгляд контролировал как минимум десяток контрольных дисплеев, а разум умудрялся связывать их показания в единую, целостную картину, куда командир взвода компьютерной поддержки то и дело вносил свои поправки.

— Слава богу, вся автоматика резерва была отключена на момент электроразрядных ударов, — после короткой паузы пояснил он. — Чужие реанимировали комплекс спустя месяц после вторжения, с помощью зависимых от их воли людей, но мало продвинулись в его освоении. Мне

кажется, ксенобиане настойчиво пытались подчинить своему контролю два определенных программных модуля. Первый управляет автоматикой микроклимата подземных уровней, а второй отвечает за связь с орбитальными группировками спутников.

— Почему ты так решил? — спросил Иван.

— Видны следы вмешательства, — отрывисто ответил Логинов, продолжая что-то исправлять в поступающих на экраны строках машинного языка. — Микроклимат нас не волнует, а вот настройку на спутники они сбили…

— Дима, нам нужен внешний мониторинг. И связь на боевых резервных частотах с любыми ракетными точками наземного базирования.

— Спутники… — покачал головой Дима. — В первую голову спутники, командир. Они дадут и видеонаблюдение, и эффективную связь. Не понимаю, зачем они сбили точную настройку антенн…

— Может быть, это произошло раньше, в момент катастрофы, из-за множественных ударов взрывных волн? — предположил Лозин.

— Нет… — отрицательно качнул головой Логинов, продолжая при этом вносить изменения в поступающие на мониторы строки машинного кода. — Кто-то сознательно переориентировал антенны. Я на всякий случай сохранил исходные данные. Потом посмотрим, что за участок космического пространства они пытались отсканировать. — Он подался к одному из контрольных экранов и произнес: — Ага, есть. Поймал базовый ретранслятор. Сейчас он свяжет нас со всеми спутниками группировки. Смотри-ка, оживает!

Иван поднял взгляд и увидел, как на противоположной стене осветились плотно состыкованные между собой секции двухметровых плазменных панелей. Конструкторы предусмотрительно прикрыли их защитным слоем, состоящим из прозрачного бронепластика, так что суммирующий видеокомплекс не пострадал от шального разлета пуль во время недавней перестрелки.

Сейчас в его контрастных стереоглубинах дробились, множились возникающие тут и там оперативные окна, куда уже начала поступать телеметрия со спутников. Мозаика из света и тьмы в первый момент не давала сосредоточиться, рассеивала внимание: участки земной поверхности перемежались видами звездной бездны, но Логинов быстро справился с возникшим хаосом накладывающихся друг на друга изображений, — он передал кибернетической системе несколько команд, и огромный суммирующий экран тут же поделился на две равные части. Правая сторона теперь показывала космическое пространство, левая —

карту земных полушарий с наложенными на нее тонкими линиями развертки орбит всех вышедших на связь спутников.

Одновременно с этим по всему залу раздались тонкие предупреждающие сигналы. Это отдельные блоки сложной кибернетической системы производили самотестирование, проверяя и восстанавливая с резервных копий свои изначальные программные функции.

Логинов несколько секунд напряженно следил за данными, поступающими на отдельный дисплей, а затем обернулся к Ивану и внезапно сообщил:

— На орбите нет чужих кораблей, командир. Лозин вздрогнул.

— Куда же они делись? — машинально спросил он.

Дима пожал плечами:

— Вероятно, совершили посадку на Землю. Ближний космос чист, это я могу утверждать однозначно.

— То есть они не создали собственную орбитальную группировку?

— Выходит, так, — кивнул Логинов.

— Хорошо, с этим разберемся позже. Пока достаточно констатации факта. Давай Землю, Дима. Нас атакуют, а БМК не смогут удерживать свои позиции вечно.

— Сейчас сделаю, — ответил Логинов, невольно прислушиваясь к отдаленным невнятным толчкам и звукам, которые проникали в глубины подземных уровней. Судя по отголоскам, наверху завязался нешуточный бой, — вибрации от частых ракетных запусков следовали с интервалом в десять-пятнадцать секунд, и это говорило само за себя…

— Есть… Сейчас заработает.

Лозин поднял взгляд к суммирующему видеокомплексу.

Спутник, перенацеленный на съемку района дислокации пятого резервного космодрома, поначалу взял слишком большой масштаб увеличения, и на огромном экране вместо звездной бездны неожиданно появилось укрупненное изображение изуродованной земной поверхности, перепаханной длинными, дымящимися бороздами лазерных ожогов и свежими воронками от попадания разрывных снарядов БМК.

Секунду спустя масштабирование изменилось, земля начала отдаляться, пока в поле зрения видеокамер не вошла вся панорама космодрома и прилегающих окрестностей.

Завораживающее, нереальное зрелище…

Две боевые машины, похожие на камуфлированных жучков, огрызаясь стробоскопическими хоботками огненных вспышек,

стремительно передвигались меж игрушечных построек маскировочного комплекса; исковерканная земля истекала струйками сизого дыма, ее покрывали частые неглубокие воронки и характерные черные подпалины в тех местах, где БМК на миг останавливались, чтобы произвести ракетный залп.

В лесу, распространяя пожар, горели чадные костры, вспыхнувшие в местах падения сбитых ксенобианских кораблей, заросли кустарника, подрубленные лазерными разрядами, уже выгорели, превратившись в обугленную пустошь, весь периметр пятого резервного был объят огнем и дымом, а от линии горизонта на него медленно надвигалась черная туча, то и дело изрыгающая потоки ослепительного когерентного света.

— Нас что, атакует весь ксенобианский флот?! — раздался за спиной Лозина глухой голос Булганина.

— Похоже, — не оборачиваясь, ответил Иван.

В этот момент БМК вновь огрызнулись ракетным залпом, и на фоне черного облака засверкали далекие вспышки разрывов, от плотного скопления надвигающихся кораблей начали отделяться, беспорядочно падая вниз, едва различимые фрагменты, а в ответ по возобновившим движение боевым машинам тут же ударил плотный, уничтожающий залп сотен лазерных установок…

У Степана мороз продрал по коже, когда экран вдруг налился нестерпимыми для глаз световыми росчерками, которые срубали деревья, прожигали маскировочное покрытие, заставляя взрываться от мгновенного перегрева скрытые под тонким слоем почвы бетонные перекрытия; в воздух взлетали тонны раскаленного щебня, горела земля, воздух закручивало моментальными смерчами, — казалось, что в этом аду не уцелеют ни приземистые здания, ни две боевые машины, чьи компьютеры, подчиняясь заданным программам, только что бросили вызов неисчислимой армаде чужих кораблей.

От масштабов надвигающейся угрозы цепенел разум…

…Плотный полог дыма, затмивший картину происходящего, постепенно начало относить усилившимися порывами ветра, и камеры спутника вновь обрели возможность транслировать подробности происходящего…

Булганин оказался прав: после массированного удара не уцелело ни одно здание. Весь маскировочный покров сгорел, обнажившееся бетонное поле усеивали глубокие воронки, над которыми медленно кружил пепел испарившейся почвы, приземистые постройки превратились в дымящиеся груды развалин, одна боевая машина перевернулась, вторая натужно

пыталась выкарабкаться из выжженного лазером углубления, но колесные диски, с которых от жара сполз материал цельнолитых покрышек, тщетно скребли по остекленевшему откосу…

Сотни черных кораблей продолжали неумолимо надвигаться, они уже не казались плотной тучей, взгляд теперь различал отдельные элементы строя, между которыми четко просматривались выверенные интервалы.

В этот страшный миг оцепенения на суммирующий экран не смотрел только Логинов.

Он продолжал работать, беззвучно шевеля губами. От внутреннего напряжения его лицо приняло землисто-серый оттенок, кожа плотно обтянула скулы, но пальцы лейтенанта по-прежнему сноровисто двигались по раскладкам сенсорных клавиатур.

Казалось, разум Логинова погрузился в иной мир, где нет ничего, кроме машинных кодов… На фоне надвигающейся армады и смазанного, ставшего нечетким изображения тотальных разрушений земной поверхности его отрешенность выглядела как безумная одержимость…

Нет.

Логинов не сошел с ума. Дима действительно отрешился от реальности, но его рассудок работал четко, осмысленно, на лице не дрогнул ни один мускул… лишь с вводом последней командной строки он вдруг жутко оскалился и произнес в царящей вокруг гробовой тишине:

— Теперь подавитесь, твари…

* * *

Смертельная схватка продолжалась — после отрывистой, хриплой фразы Логинова она лишь перешла в качественно иную фазу, но едва ли кто-то из присутствующих в зале осознавал это.

Уничтожающий лазерный удар испарил не только почву, прикрывавшую космодромную плиту от посторонних взглядов, он выжег из оцепеневшего разума людей последнюю призрачную надежду.

Казалось, уже никто не в состоянии изменить ход событий, — сейчас черные корабли произведут еще один залп, который окончательно взломает истончившиеся перекрытия первого уровня, и, снизившись, высадят десант, чтобы довершить начатый разгром…

Херберт, ожидавший близкой развязки с непонятным стоическим равнодушием, внезапно вздрогнул, услышав, как под сводами зала зазвучал спокойный, хорошо отмоделированный голос:

— ВНИМАНИЕ! ПОЛУЧЕН КОД АКТИВАЦИИ ПРОГРАММНОГО МОДУЛЯ ГЛОБАЛЬНЫХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ. СИСТЕМА ВРЕМЕННО

ПЕРЕХОДИТ ПОД ВОЕННЫЙ КОНТРОЛЬ. ВСЕМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПЕРСОНАЛУ РЕКОМЕНДОВАНО НЕМЕДЛЕННО ПРОСЛЕДОВАТЬ В УБЕЖИЩА… ПОВТОРЯЮ…

Никто не шелохнулся.

Израненные, доведенные до предельного изнеможения космодесантники в эти мгновенья готовились принять свой последний бой, а для сотни шунтированных людей, которые сидели или стояли на отведенной им площадке, реальные события вообще не представляли интереса.

Лишь несколько человек обратили внимание на то, как по всей площади «амфитеатра», выстроенного из каскадов отдельных компьютерных терминалов, вдруг синхронно осветились сотни экранов, а на мертвых до этого момента приборных панелях, искрясь, начали оживать индикационные огни боевых резервных систем…

Информационные мониторы, расположенные перед пустующими креслами, в этот миг высвечивали одну и ту же надпись:

«ТЕСТ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ.

СТАТУС: ПРОВАЛЕНО. БОЕВОЙ ОПЕРАТОР ОТСУТСТВУЕТ. ПОСТ ПЕРЕХОДИТ В АВТОМАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ.

ПОВТОРНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ В ГЛОБАЛЬНУЮ СЕТЬ».

Глаза Херберта сузились.

Он поднял взгляд к огромному суммирующему видеокомплексу.

В правой его части по-прежнему шла прямая телеметрия со спутника, отслеживающего в реальном времени все события, происходящие в районе с заданными координатами, а слева карту полушарий сменил четкий контур границ отдельного взятого государства.

Развертка спутниковых орбит исчезла, теперь ее заменили тонкие пунктирные линии, ведущие к тщательно замаскированным объектам, расположенным в различных регионах Российской Федерации.

Лозин невольно подался вперед. Он понимал, что сейчас боевая система пятого резервного космодрома пытается восстановить связь с инфраструктурой строго засекреченных объектов, о существовании которых, до вторжения Чужих, знали лишь единицы избранных…

…Шли томительные секунды ожидания.

Вернувшаяся было надежда опять начала угасать, по мере того как пунктирные линии одна за другой подсвечивались тревожным красным цветом, но кибернетическая система методично возобновляла усилия,

перебирая все новые и новые варианты, до тех пор пока среди сотен провальных попыток связи с удаленной на сотни, а то и тысячи километров периферией ретрансляционные спутники не уловили долгожданный ответный сигнал.

Время, застывшее в сознании людей где-то между жизнью и смертью, казалось вечностью.

Несколько изумрудно-зеленых линий легли поверх множества алых пунктиров… сердца успели еще раз глухо стукнуть, отдаваясь в висках болезненным ощущением пульса, правый сектор экрана по-прежнему бесстрастно демонстрировал в режиме он-лайн, как корабли Чужих замыкают пространство космодрома в плотное кольцо…

…Настя, не выдержав, подошла к креслу, где сидел Лозин, и встала за его спиной, бессознательно сжав побелевшими пальцами плечи Ивана.

Он повернул голову, посмотрел на ее осунувшееся лицо и хрипло сказал:

— Садись рядом.

Она села, заметив, что остальные бойцы взвода тоже подтянулись к центральному пульту и неотрывно смотрят на суммирующий экран, в нижней части которого появлялись и исчезали скупые строки отчета:

«ВТОРИЧНАЯ АКТИВАЦИЯ».

…Изумрудных линий стало больше. Одни протянулись через огромные пространства к Уральскому хребту, Среднесибирскому плоскогорью и Камчатке, иные, более короткие, лучами расходились по Восточно-Европейской равнине…

«ОБНАРУЖЕНО СОРОК ДЕВЯТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ БОЕВОГО РЕЗЕРВА».

…Джон Херберт подошел ближе, встав так, чтобы видеть все действия Димы Логинова.

«ПЕРЕДАЧА УПРАВЛЯЮЩЕГО КОДА».

…Черные корабли замкнули кольцо. Теперь они растянулись по окружности с радиусом в сто пятьдесят километров. Четко обозначенный дымами периметр космодрома казался маленьким серым пятнышком, расположенным в математическом центре чуждого построения.

«ИНСТАЛЛЯЦИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММНЫХ МОДУЛЕЙ».

…Бесшумно заработал привод считывающего устройства, куда Дима несколько минут назад поместил принесенный с собой кристаллографический диск с боевыми программами, специально разработанными для борьбы с кораблями Чужих.

«ПЕРЕДАЧА МАТРИЦЫ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЦЕЛЕЙ».

…

«ФАЗА РЕАКТИВАЦИИ ЗАВЕРШЕНА».

Лейтенант Логинов, неестественно выпрямившись, вновь коснулся сенсорной клавиатуры. По его вискам струились крупные капли пота.

Машинный язык лаконичен и прост.

Для профессионального программиста, глубоко владеющего предметом, не составляло труда отдать четкие, недвусмысленные директивы новому, сформированному прямо на глазах единению исполнительных машин, но все равно пальцы Димы дрожали, словно на их кончиках оголился каждый нерв, — черные корабли уже изготовились к залпу, и малейшая ошибка могла предрешить судьбу противостояния двух цивилизаций, качнув чашу весов в ту или иную сторону…

…За тысячи километров от основного места событий в эти мгновенья поднимались вверх и откидывались в сторону массивные люки пусковых шахт. В немой тиши безлюдных бункеров на контрольных мониторах стремительно мелькали надписи:

«Предстартовый контроль. — Режим „авто“.»

Не везде процесс реактивации происходил столь однозначно — некоторые из систем, передавших сигнал обратной связи, были повреждены в большей или меньшей степени — это сразу же отразилось на суммирующем экране, где вновь начали мерцать и гаснуть изумрудно-зеленые линии.

…В подземных укрытиях вдруг заискрила проводка, где-то не до конца открылись люки стартовых шахт, — десятки различных нештатных ситуаций возникали по мере активации зарезервированных электронных блоков и связанных с ними механических устройств.

«Координаты целей введены».

В стартовых шахтах началась заправка топливных компонентов для реактивных двигателей баллистических ракет. Этот процесс занял всего лишь минуту, но за это время моргнуло и внезапно погасло еще пять зеленых линий. Это означало, что в разных местах, за тысячи километров от космодрома, сейчас взъярились пожары, вызванные утечками агрессивных, легковоспламеняющихся компонентов реактивного топлива.

«Предварительное зажигание. Продувка сопел».

Пламя с воем начало облизывать стены вертикальных стартовых колодцев.

«Статус: „OK“.»

На суммирующем экране оставалось тридцать семь линий.

«Запуск».

Баллистические ракеты начали подниматься из недр пусковых шахт, опираясь на ослепительные огненные столбы, но лишь половина из них благополучно покинули глубокие вертикальные колодцы. Жутко было представить, что творится сейчас в районах, прилегающих к точкам неудачного старта, но панорама плотного сжимающегося кольца Чужих кораблей подавляла воображение, оставляя в душе лишь лучик надежды да немую мольбу, адресованную безэмоциональным электронным системам…

На заданную траекторию легли всего лишь восемнадцать ракетоносителей, но по шумному, облегченному вздоху лейтенанта Логинова стало ясно: *этого хватит*.

…

Ревущие столбы пламени исчезали в небесах. Реактивным двигателям требовались секунды для того, чтобы вывести ракету в фиолетовую чернь стратосферы, где она могла сбросить отработанную ступень носителя и лечь на боевой курс.

…

В центральном зале управления поверх карты вновь возникла развертка траекторий. Восемнадцать сплошных линий с разных сторон тянулись к изуродованному лазерными залпами участку земной поверхности, и, не доходя двухсот километров до точки дислокации пятого резервного космодрома, каждая из них внезапно распадалась на сотню коротких пунктиров.

Лозин, напряженно наблюдавший за развитием событий, обернулся к Логинову.

— Дима, ты задействовал ядерные заряды? — тихо, чтобы не привлекать внимания остальных, спросил он.

— Нет, командир. Для установки ядерного боезаряда требуется специальная команда и время на ее исполнение, — так же негромко ответил Логинов. — По умолчанию, на баллистических носителях резервных точек стоят боевые части с кассетным делением. Это многоцелевые системы. Они снабжены двумя типами программ: первая предназначена для поражения наземных объектов на территории вероятного противника, а вторая служит для перехвата и тотального поражения воздушных целей над территорией нашей страны, — пояснил он.

— Ты активировал второй программный комплекс? — спросил Иван, пытаясь понять, что произойдет в ближайшие минуты.

— Да, командир, — ответил Логинов, кивнув на развертку траекторий. — Сейчас идет процесс наведения на заданный мной квадрат, а

после разделения кассет окончательную цель для каждого снаряда передаст кибернетическая система космодрома через ретрансляторы орбитальной группировки. В данный момент кибер-мозг отслеживает все корабли Чужих по данным спутникового контроля…

Окончание фразы лейтенанта вдруг потонуло в неистовом грохоте — пол под ногами задрожал, будто при землетрясении; не выдержав вибрации, со звоном лопнуло несколько экранов, все, кто не сидел в креслах, едва устояли на ногах, а когда прошел мгновенный шок, глазам людей предстала страшная картина.

Чужие корабли произвели залп, который *испарил* всю площадь бетонного перекрытия космодромной плиты.

Связь со спутниками на миг нарушилась, но через пару мгновений суммирующий экран вновь осветился, демонстрируя дикий, ирреальный вид: покрытый остекленевшими воронками участок земной поверхности исчез, вместо него камеры фиксировали горы дымящегося щебня, медленно оползающего в исполинские провалы, на дне которых взгляд различал планировку помещений первого подземного горизонта.

«Словно раскаленным нихромом по пластику…» — с ужасом подумала Настя, не в силах предугадать, что же теперь будет с ними? От массы черных кораблей к развороченной поверхности уже снижалось два десятка «подков» с десантом боевых особей на борту и…

Разум цепенел от этих картин. Казалось, ничто не может спасти горстку людей, дерзнувших бросить вызов силам вторгшихся на Землю ксенобиан…

— «Есть разделение боевых частей. Связь на резервных частотах восстановлена. Цели в радиусе поражения».

Сухой доклад кибернетической системы прозвучал всего за пару мгновений до того, как тысяча восемьсот реактивных снарядов ударили в сонмище черных кораблей.

…

Небеса вскипели.

Казалось, горит сам воздух, а неистовое пламя разрывов образует сплошной, бурлящий оранжево-черный полог, который затмил все обозримое пространство от горизонта до горизонта.

Если залп Чужих ощутимо поколебал почву, то сейчас подземные уровни задрожали так, будто земную кору потрясла целая серия вибрирующих толчков, а секунду спустя бурлящие небеса вдруг обрушились вниз, извергая из недр клубящегося, застившего свет полога тысячи бесформенных, горящих обломков, которые с грохотом падали на

изувеченную землю; стены и пол под ногами вновь заходили ходуном, — казалось, этому адскому дождю не будет конца, изображение на экране вдруг начало дробиться, превращаясь из суммирующей картины во множество отдельных кадров, демонстрирующих, как всепожирающий огонь разливается по иззубренным руинам первого подземного уровня…

* * *

Грохот и огонь…

Последствия одновременного удара сотен разделившихся боеголовок сотрясали землю всего лишь одну минуту, но казалось, что минула вечность, прежде чем рухнул последний обломок, а порывистый ветер, порожденный неистовыми взрывными волнами, начал свивать в тугие смерчи чадное покрывало тьмы, постепенно очищая померкшие было небеса…

Связь со спутниками, пропавшая в момент массового выпадения обломков, восстановилась, и суммирующий экран вновь заработал в режиме реального времени, демонстрируя необъятное обугленное пространство, где бурлящая масса расплавившейся обшивки ксенобианских кораблей стекала по оползням бетонного щебня, оставшегося после взрыва верхней космодромной плиты.

Люди молчали, оглушенные и подавленные.

Ни в сердце, ни в разуме не было торжества победы — там еще стыл ужас локального апокалипсиса, вызванного столкновением двух ужасающих своей мощью сил…

Весы судьбы по-прежнему качались, не находя равновесия…

…

Прошла минута, другая — и взрывы на поверхности пошли на убыль, небо постепенно очищалось от сплошного полога дыма, изображение на суммирующем экране стало резче, контрастнее.

Повсюду среди оплывших руин горели чадные погребальные костры. Ксенобианский флот был разгромлен — ни один корабль пришельцев не сумел вырваться из бурлящего ада…

Люди постепенно приходили в себя, с трудом осознавая, что все кончилось…

* * *

— Дело сделано, Иван. Осталось поставить точку. Лозин обернулся. Сбоку в узком проходе стол Херберт со своим драгоценным ноутбуком в руках. Он не пострадал в схватке, и на его лице сейчас не отражалась та

смертельная усталость, которую испытывали Иван и Дима.

— Что ты имеешь в виду, Джон?

— Контратака отбита. Ксенобиане лишились своих кораблей, земные орбиты чисты — теперь остается лишь выжечь их гнезда, и с вторжением будет покончено.

— Ты предлагаешь ударить по островам?

— Да. Ядерными боезарядами.

— У нас не осталось тактических ресурсов, — поймав предупреждающий взгляд Ивана, ответил Логинов. — Нужно время.

— Позволь мне включить компьютеры орбитальных платформ в кибернетическую сеть космодрома.

— Что это даст? Нам не нужен орбитальный «зонтик».

Херберт сел в кресло и откинул панель ноутбука.

— Для мгновенной накачки лазеров системы ПРО используются тактические ядерные заряды, — сообщил он.

— Это не новость, — сухо произнес Логинов.

— Дай мне договорить, — попросил Джон. — Модули атомных устройств накачки исполнены таким образом, что могут легко отстыковываться от платформ. У них есть автономный запас реактивного топлива и собственная система наведения.

Иван прищурился, пристально глядя на Херберта.

— Хочешь сказать, что все эти годы над нашими головами висели орбитальные атомные бомбы?

— Приблизительно так… — вынужден был признать Херберт.

— Не приблизительно, Джон, — резко одернул его Лозин. — Мы что, пролили мало крови, чтобы говорить друг с другом обиняками?

— Не заводись, Иван. Это не мое детище.

— Мне все равно, чьих рук это дело, — история уже поделена на «до» и «после» вторжения. Интересно лишь одно — *почему ТЫ молчал*?!

— Я боялся, что мое откровение будет превратно истолковано.

— А теперь не боишься?

— Нет, — прямодушно ответил Джон. — Более того, я готов передать вам полный контроль над орбитальными устройствами. Для этого необходимо связать их компьютеры с кибернетической сетью космодрома, — пояснил он. — Полчаса программирования на прямом канале связи, и все полномочия управления будут автоматически интегрированы в виртуальную оболочку комплекса.

Иван продолжал пристально смотреть на Херберта, будто впервые увидел этого человека.

— Что ж… — наконец произнес лейтенант, обдумав внезапно возникшую проблему. — Я не против передачи полномочий. Только запомни, Джон, принимать решения о запуске будешь не ты. Мы действительно отбили атаку, обескровили ксенобиан, и они не представляют теперь глобальной угрозы. — Иван говорил тихо, но взвешенно. — Ты прав, в этом деле нужно поставить точку, но прежде я должен знать — кто они, почему напали на нас и какие мотивы лежат в основе их экспансии?

— По-моему, в лифте лежит один разумный ксенобианин. Разве этого недостаточно для допроса?

— Не могу сказать, — откровенно пожал плечами Лозин. — Я еще не разговаривал с ним по существу. Дима, проследи, чтобы все было сделано правильно. — Он тяжело поднялся из кресла и добавил: — Время разбрасывать камни прошло. Мы вырвали у врага саму возможность действовать, и я не намерен пренебрегать плодами победы. Знаешь, что самое драгоценное в сегодняшней ситуации?

Херберт неопределенно покачал головой.

— Спасенные жизни и *информация*, — ответил Иван. — Работай, Джон, а я пойду взгляну на ребят и попробую потолковать с ксенобианином.

* * *

Пленный по-прежнему находился в лифте. Он так и пролежал все это время, скорчившись у задней стены изрешеченного пулями подъемника.

Лозин не стал комплексовать, он развернул запрограммированный Димой переносной компьютер, уселся на пол рядом с Чужим и прикурил сигарету, ощущая затылком шероховатую прохладную стену.

Ксенобианин заворочался, очевидно, его растревожил запах сигаретного дыма.

— Вы проиграли, — произнес Иван, не обращая внимания на возню Чужого.

Автоматический переводчик тонко защебетал.

Чужой перестал дергаться и сел, выпрямившись, насколько позволили путы.

Посмотрев на лейтенанта, он медленно проскрежетал в ответ несколько фраз.

— Мы проиграли давно, — монотонно сообщил синтезатор речи. — Не здесь.

«Интригующее начало…»

— От твоих ответов зависит судьба выживших ксенобиан, — медленно сформулировал Иван следующую фразу. — Отвечай мне коротко и ясно.

Чужой промолчал.

— Где расположена твоя планета? Назови систему звезды. В нашей терминологии.

Ксенобианин ответил кратким сочетанием скрипящих звуков:

— Альфа Центавра.

Иван внутренне вздрогнул. Названная звезда являлась наиболее вероятной целью для полета колониального транспорта «Россия».

— Информация о Земле. Откуда вы ее получили? — задал он следующий вопрос, мысленно недоумевая: почему Чужой с такой легкостью назвал координаты своей родины? Недооценивает оставшиеся в потенциале людей резервы? Или его не волнует сама вероятность акции возмездия?

— Я не буду отвечать на твой вопрос, человек.

Лозин хмыкнул.

Почему он вдруг замолчал?

— Ты погубишь оставшихся сородичей, — попытался надавить он на пленного.

— Не имеет значения. — Ксенобианин внезапно дернулся, будто его тело пронзило током — эта конвульсия длилась лишь несколько мгновений, но лейтенант вдруг отчетливо понял, что Чужой *мертв*.

Глядя на вытянувшееся в струнку тело, он не мог понять ни причину, ни механизм внезапно наступившей смерти. Что мешало ксенобианину покончить с собой, не отвечая ни на один вопрос?

Что-то здесь было не так… Некоторые фрагменты выпадали из общей логики событий, лейтенант отчетливо ощущал это, несмотря на нечеловеческую усталость и постоянный, изматывающий психологический прессинг.

Еще раз взглянув на ксенобианина, он с усилием встал.

Решение уже зрело в его душе, но думать о предстоящем было попросту страшно…

Остановившись на решетчатом балконе, он осмотрел зал.

Решетов и Булганин кое-как построили шунтированных людей в колонну и теперь пытались вывести их к лифтовой шахте, чтобы временно эвакуировать на пятый подземный уровень.

Логинов и Херберт по-прежнему работали за терминалом основной кибернетической системы. Настя покинула зал с первой группой

тяжелораненых людей, в числе которых были Багиров и Долматов.

Обрывки реальности, дополненные столь же неполными мыслями и образами, никак не складывались в картину желанной победы.

Лифт, в котором теперь лежал труп Чужого, внезапно вздрогнул и начал подниматься вверх. Через минуту кабина опустилась назад, и на уровень командной палубы, прихрамывая, вышел Зотов.

— Ну что, Коля?

— Порядок, командир. Второй уровень не пострадал. Лестницу, по которой мы спускались, присыпало щебнем, но, в общем, выбраться можно.

— Ксенобиане? — коротко осведомился Иван.

— Не видно их, командир. Вокруг одни обломки, толком не разберешь, где фрагменты чужих кораблей, а где руины первого уровня. Все покрыто сажей и бетонной пылью.

— Ясно. Молодец. Как нога?

— Жить буду.

— Настя смотрела?

— Нет… Я сам. Ничего страшного. У нее сейчас забот и без меня — во. — Николай выразительно чиркнул ребром ладони по горлу.

— Хорошо, тогда помоги старшине разместить людей.

— Сделаю, командир.

* * *

Спустившись вниз, Иван отозвал в сторону Логинова.

— Дима, ксенобианин мертв. Похоже, покончил с собой.

— Ты успел что-нибудь узнать?

— Они из системы Альфы Центавра.

Щека Логинова несколько раз дернулась. Немудрено при таком нервном напряжении.

— Дым, скажи, здесь возможно отыскать воздушное транспортное средство?

— Это еще зачем, командир?

— Ты не спрашивай, а отвечай.

— Есть. В полутора километрах расположен подземный ангар. Там, по отчету киберсистемы, находятся пять вертолетов «К-800».

— Автоматизированы?

— Конечно.

Иван тяжело задумался, а потом сказал:

— Дима, попробуй распечатать этот ангар.

Логинов пристально посмотрел на него и спросил:

— Что ты задумал, Иван? Может, все же поделишься?

— Полечу к ксенобианам, — ответил лейтенант, окончательно утверждаясь в принятом минутой ранее решении. — Нужно ставить точки над «i». В противном случае все наши жертвы потеряют смысл.

— Рехнулся? Они убьют тебя.

Лозин тяжело посмотрел на Диму и ответил:

— А ты подними все звено «восьмисотых». Чтобы не убили…

Логинов продолжал смотреть на Ивана, а потом вдруг кивнул:

— Хорошо, командир. Я понимаю… кто-то из нас должен это сделать…

* * *

Под плоскими днищами боевых машин стремительно проносилась водная гладь.

Иван сидел в кресле пилота, не принимая участия в управлении, все необходимые операции производила кибернетическая система ведущей машины. Звено «Черных Акул», как по традиции называли все боевые модификации этой серии, являлось грозной силой. Накопленный в ходе столкновений с ксенобианами боевой опыт подсказывал, что высококлассные, отлично защищенные штурмовые вертолеты, оснащенные мощным вооружением, в состоянии обеспечить полную безопасность человека, тем более что лейтенант не пренебрег мерами личной защиты. Перед стартом он облачился в боевой скафандр, броня которого была покрыта отражающим слоем. Изначально такие виды экипировки предназначались для защиты десантников в зонах повышенной радиации или прямого жесткого излучения, так что Иван мог не опасаться одиночных лазерных разрядов или игл бионических автоматов, но все принятые меры являлись лишь разумной предосторожностью — он летел на базу Чужих не для того, чтобы убивать, а желая поговорить с ними.

Вдали показалась линия побережья.

Мадагаскар…

Лозин никогда не бывал на этом острове, не представлял его былой природы, городов, населения, но сердце все равно непроизвольно сжалось, когда головная машина пошла на снижение, поднимая с поверхности земли облака серого праха.

Чужие истребили тут все, оставив лишь голые запорошенные серым пеплом пространства, на которых застыли причудливые сплетения их омертвевшей растительности.

Вертолет завис в метре над изуродованной земле!

— Я пошел, — произнес в коммуникатор Иван.

— Слышим тебя хорошо, — отозвался по каналу связи Логинов. — Удачи, командир. Я поднял три звена «мигов», они уже на подлете к острову. Будут прикрывать тебя вместе с «восьмисотыми». Передай этим тварям, чтобы не дергались, если хотят жить. Их время прошло.

— Держи себя в руках, лейтенант, — ответил ему Лозин, покидая кабину.

Черные заросли начинались в полукилометре от линии прибоя.

Ни одного Чужого не было видно на открытом пространстве прибрежной полосы, и лейтенант, по щиколотки увязая в песке и прахе, пошел в направлении тиной стены.

Он шел и думал о том, как станет вести себя, ведь Чужие по-прежнему остаются *врагами, безжалостный тварями, превратившими в руины земные города*.

«На их совести миллиарды загубленных жизней», — нашептывал внутренний голос.

Стрелять и говорить суть не одно и то же — это Иван понимал со всей отчетливостью.

Тихий шелест лопастей штурмовых машин только усиливал ощущение двойственности, в голове нет-нет да и мелькал образ Булганина, вкупе с его словами, что говорить с ксенобианами, по сути, не о чем.

…

Черная стена омертвевшей растительности на поверку оказалась не столь монолитной, как это виделось издалека. Взгляд различил несколько просветов, которые служили входами на территорию чуждого пространства, и Иван, не колеблясь, направился к ближайшему из них.

Пройдя меж причудливо изогнутых ветвей, действительно похожих на пластиковые творения скульптора-сюрреалиста, он оказался на краю огромного поля, где сейчас сиротливо стояли два подковообразных корабля Чужих.

Это было все, что осталось от флота пришельцев.

Сразу за окостеневшей «изгородью» застыло до полусотни ксенобианских бойцов, но ни один из них даже не шелохнулся, когда из черных зарослей появилась человеческая фигура, которую неотступно сопровождали пять плавно скользящих в знойном воздухе боевых машин.

Иван прошел еще метров десять и остановился.

Со стороны чуждых кораблей к нему шел разумный ксенобианин.

* * *

Принимая рискованное решение, Иван полагался не только на логику и здравый смысл — немаловажную роль сыграло его личное мировоззрение, вернее, та часть, что касалась субъективных оценок лейтенантом царившего на Земле до вторжения чужих миропорядка.

На планете существовали серьезные очаги напряженности, шло молчаливое противостояние таких сил, которые были способны разорвать родную планету, в буквальном смысле расколов ее на куски, в случае прямого военного конфликта.

Что позволяло сверхдержавам, обладающим ужасающими по совокупной мощи ядерными потенциалами, сосуществовать друг с другом, не развязывая войны?

Паритет.

Равенство сил, когда каждая из сторон прекрасно сознавала, что в результате конфликта победителей не будет.

Глядя на приближающегося ксенобианина, Иван думал о том, что всего месяц назад Чужой не стал бы говорить с ним, по простой причине: пришельцы владели планетой, они являлись хозяевами захваченных территорий, но теперь все круто изменилось, и, посмотрев на два последних черных корабля, Лозин мог с уверенностью предсказать, что диалог состоится.

Разум и душа лейтенанта балансировали сейчас на зыбкой грани, по одну сторону которой мутным прибоем глухо восставала боль, выталкивая из памяти ужасающие картины разрушенных городов, превратившихся в мрачные кладбища для миллионов людей, а с другой стороны брезжила слабая полоска здравого смысла, едва ли подкрепленная чем-то еще, кроме разумной потребности в информации.

И еще Иван понимал — прежде чем покинуть этот остров, он будет вынужден принять окончательное решение относительно дальнейшей судьбы последних оставшихся здесь ксенобиан.

Тяжкое бремя для лейтенанта…

Ксенобианин остановился в нескольких шагах от него.

Наступила минута гнетущей тишины, в которой два существа пытались как-то понять и оценить друг друга.

Первым тишину нарушил щебечущий голос Чужого:

— Ты пришел покончить с нами, человек? — перевел издаваемые им звуки автономный прибор, встроенный в коммуникационную систему боевого скафандра.

— Нет, — возразил Иван. — Я пришел говорить.

— Разве слова имеют смысл?

— Для меня — да, — ответил лейтенант, глядя на ксенобианина сквозь дымчатое забрало гермошлема.

«В конце концов, чего я опасаюсь», — внезапно подумалось ему. — «Сколько раз я вдыхал их флюиды, и ничего, жив, микромашины справились даже с токсином…»

Лозин поднял руку и откинул вверх забрало гермошлема, открывая лицо прогорклому ветру, который дул со стороны безжизненных, покрытых прахом пространств, как бы говоря этим жестом: «Я на своей Земле…»

— Твой сородич ответил на два вопроса, а потом покончил с собой, — произнес Иван. — Меня не устраивает подобный диалог.

Видимо, Чужой не до конца понял смысл высказанной фразы.

— Он умер? — уточнил ксенобианин.

— Да. По собственному желанию. Но предварительно он успел назвать местоположение вашей звездной системы. Мне непонятна нелогичность его действий.

Представитель чуждой расы долго размышлял над длинным набором чирикающих звуков, а затем ответил:

— Это невозможно. Никто из нас не умирает добровольно.

Иван постарался мысленно подобрать более краткие формулировки и произнес:

— Ему ничто не угрожало. Я находился рядом с ним.

— Его убили, — не тратя времени на раздумья, категорично заявил ксенобианин.

Иван машинально покачал головой:

— Это исключено.

Чужой повернулся, глядя в открытое лицо человека.

— Не всякий враг видим и осязаем, — неожиданно произнес он.

«Что он имеет в виду?!» — подумал Иван, потребовав:

— Поясни!

Устройство автоматического перевода издало короткий сдавленный звук. Ксенобианин молчал.

— Отвечай на мои вопросы! — медленно, сдерживая внезапно вернувшуюся ярость, повторил лейтенант. — Из каких соображений вы атаковали Землю? — Он подождал завершения перевода и продолжил: — Наши исследования показали, что биосфера Земли неприемлема для вас. Это первый вопрос. — Он вновь выдержал паузу. — Второй: откуда вы получили сведения о нашей цивилизации? И третий: почему твой сородич

заявил перед смертью, что вы уже проиграли некое противостояние еще до вторжения на Землю?

Перевод длился около пяти минут, наконец чирикающие звуки стихли.

Чужой долго стоял, потом внезапно сел на землю и принялся что-то чертить пальцем на тонком слое покрывавшего ее праха.

Закончив непонятный узор из точек и линий, он поднял голову и прощебетал:

— Ты ничего не знаешь о космосе, человек. А мы ничего не знали о вашей расе. Ложь — это ваш термин, которого не ведали мы… — Он внезапным движением стер нарисованную схему и, медленно поднявшись с земли, позвал: — Пойдем.

* * *

— Дима, ты меня слышишь?

— Да, командир!

— Прикажи кибернетическим системам боевых машин блокировать остров. Я иду внутрь ксенобианской «подковы».

— Зачем?! — не понял Логинов.

— Так надо, Дима. Следи за обстановкой. Если через час я не выйду наружу, можешь начинать атаку.

…

Внутри Чужого корабля царил густой полумрак.

Ксенобианин уверенно вошел в открывшийся тоннель, похожий на ребристую глотку исполинского животного. Лозин, так и не закрыв гермошлем, молча следовал за ним, пока они не оказались в небольшом полусферическом зале.

Чужой подошел к стене, коснулся какой-то известной ему точки, и поверхность пола вдруг заволновалась, вспучиваясь в виде трех образований.

Спустя некоторое время Лозин понял, что перед ним сформировалось подобие стола и двух кресел.

Стараясь не выказать своих истинных чувств, лейтенант сел в одно из них, ощущая, как что-то мягко просело под его весом.

«Неужели все вокруг — живая ткань?»

Чужой сел напротив, снял дыхательный прибор, открывая лицо, и положил свои четырехпалые руки на импровизированный стол.

— Я отвечу на твои вопросы, человек. — Он коснулся поверхности стола, и сумеречное помещение залил неяркий рассеянный свет.

— Так хорошо?

— Да.
— Тогда смотри.
Ксенобианин начал водить пальцем по поверхности стола, вычерчивая ту же схему, которую он пытался изобразить на слое летучего праха, оставшегося после уничтожения земной растительности.
Закончив, он жестом привлек внимание Лозина.
— Это Земля. — Он указал на точку, к которой с двух сторон, постепенно сближаясь, вели два прямых отрезка, один длинный, а второй короткий.
— Я понял тебя, — кивнул Иван, пока что решив воздержаться от возникшего вопроса: «Почему к планете ведут две разновеликие линии?»
Палец Чужого переместился вдоль короткого отрезка к ограничивающей его точке.
— Это моя планета. — Он задержал движение, задумавшись, а затем продолжил, следуя вдоль новой, только что начерченной линии, которая уводила в сторону, противоположную Земле. Доведя отрезок почти до края стола, он вдруг начал яростно тыкать пальцами в податливый материал, оставляя в нем множество углублений.
— Здесь обитала цивилизация, похожая на вас, — произнес ксенобианин, удовлетворившись количеством вмятин. — Они были… — он запнулся, подбирая термин, — старые. Да, старые, — повторил он. — Они жили, летали к другим мирам, заселяли их с помощью машин. Потом эти существа умерли.
Лозин, глядя на схему и слушая пояснения ксенобианина, понимал, что тот передает лишь общий смысл событий. Его лаконичные фразы нужно было *додумывать*.
«Старые, значит — древние, далеко опередившие в своем развитии расу ксенобиан», — рассуждал про себя лейтенант, стараясь не упустить логическую нить пояснений. — «Умерли — значит, выродились?»
— Мы летели сюда. — Палец Чужого указал на скопление вмятин. — Хотели жить. Нам было тесно. Мы понимали: тут… тут… тут… — Палец Чужого опять заскользил от одного углубления к другому. — Тут когда-то жили старые существа. От них остались следы.
«Брошенные колонии…» — интуитивно понял Иван. Вероятно, цивилизация, о которой рассказывал ксенобианин, когда-то колонизировала звездные системы, а потом по какой-то причине пережила упадок и коллапсировала, схлопнулась к исходной точке родной планеты, оставив опустевшие колонии на произвол судьбы.
Подтверждая его догадку, Чужой указал на отдельную, выдавленную

особняком отметину и пояснил:

— Мы жили, развивались в новых мирах, пока наши разведчики не пришли сюда. Данный мир являлся родиной старой расы.

Он умолк и снова начал чертить.

Лейтенант смотрел, как из-под заостренного когтя ксенобианина появляется схематичное изображение похожей на человека фигуры со знакомой трубкой лазерного излучателя в руках.

— Это то существо, которое ты назвал «Старым»? — спросил Иван.

— Нет. — Палец ксенобианина внезапно перечеркнул фигуру, разделив ее на две половины. — Это *ИНЫЕ*, — ответил он.

— Не понимаю…

— ИНЫЕ. Половина живая, половина нет. Вместе — существо. Они возникли, когда старая раса соединилась с машинами.

«Киборги?» — обожгла разум лейтенанта мгновенная мысль. — «Древняя раса, добившаяся вечного существования благодаря искусственным телам?»

— Что было дальше? — спросил он, не желая строить догадки.

— Война, — коротко ответил ксенобианин. — Они хотели сделать нас такими же половинчатыми. Но это невозможно. Наш разум не принимает такого.

— Вы проиграли войну?

— Мы потеряли все. Это было… долго. В ваших понятиях времени — века. Мы отступали, а они начали новый этап развития. Помолодели. Война разбудила их. Живого почти не осталось. — Он изобразил новую фигуру, но теперь заштриховав косыми линиями большую часть схематичного контура, и скупо пояснил: — Машина.

«Итог длительных стагнации и войны как внезапного стимула обновления… Кибернетические компоненты получают приоритет, составляя уже не пятьдесят, а девяносто процентов исходного объема. Наверное, это уже не кибернетический организм», — мысленно рассудил Иван, — «а машина, несущая лишь малую толику генетических структур первоначального существа».

— Что стало с вашей родной планетой?

— Она… в блокаде. Там умирают миллионы особей моей расы.

Лозин поднял взгляд, встретился с глазами ксенобианина и спросил:

— При чем здесь мы?

Чужой долго молчал, а затем ответил:

— Мы перехватили космический корабль. Маленький.

— Опиши его.

— Не понимаю.

— Что находилось внутри?

— Механизмы. Топливо. Металлическая пластина с записью информации. Вы обманули нас.

У Лозина вдруг холодный пот проступил на спине.

Он не мог понять последнее утверждение Чужого, а упоминание о топливе вообще являлось бредом. Обе автоматические станции, покинувшие границы Солнечной системы, по всем имеющимся данным, израсходовали его еще полвека назад, но и достичь системы Центавра, при их допотопных скоростях, они могли разве что через столетие.

Вне сомнения, речь шла об одном из запущенных американцами «Вояджеров», как и предполагал Херберт, но в ответе ксенобианина содержалась неправдоподобная информация: он утверждал, что люди намеренно отправили в космос искаженные сведения о себе…

Какой-то клубок противоречий… Или все же ошибки перевода, несовпадение семантических понятий?

Нет, при чем здесь семантика, когда высказанная чужаком фраза несет конкретную логически завершенную мысль?

— Какая информация содержалась на диске? — спросил Иван.

— Данные о биосфере планеты, схемы структуры белка и подробные сведения о пути технического развития твоей расы. По этим данным было ясно, что Земля идеально подходит под наш метаболизм. Для многих это стало последней надеждой. Мы знали, как бороться с цивилизацией, использующей машины. В сражениях с ИНЫМИ моя раса не только проигрывала, но и побеждала.

— Электроразрядные удары, магнитные поля?

— Да, человек. Но вы сами виноваты в случившемся. Вы послали в космос ложные сведения о своей природе.

Иван зло посмотрел на ксенобианина.

— Вы убили миллиарды людей.

— Да. Мы искали путь к собственному спасению. Но вы…

— Мы никого не обманывали, — резко оборвал его Лозин.

Картина произошедшего вдруг начала складываться в его голове, будто отдельные кусочки мозаики внезапно встали на свои места, обретая логику и смысл…

В топливных емкостях «Вояджеров» не могло сохраниться ни грамма реактивной смеси. На золотом диске содержались правдивые сведения о биосфере Земли. Из этого можно было сделать лишь один вывод…

— Вы осуществили бы вторжение, имея *истинные* данные о природе

нашей биосферы? — спросил он.

Перед лицом смерти ксенобианину не имело никакого смысла лгать.

— Нет, — ответил он, указав на вторую, более протяженную линию. — ИНЫЕ знают о вас. Их путь долог. Еще десять лет.

— Они собирались оккупировать Землю?

Ксенобианин откинулся в кресле.

— Я не могу судить об этом, — ответил он. — Мне непонятна истина. Мы знали лишь одно: цивилизация Земли развивалась по пути, похожему на путь развития ИНЫХ. Вы и ваши машины могли стать их союзниками.

— Это решило этическую сторону вопроса? Мы были автоматически отнесены в разряд врагов? — спросил Иван.

— Ошибка. Ложь и ошибка.

— ЭТО НЕ НАША ЛОЖЬ! — подавшись вперед, выдохнул в лицо ксенобианину лейтенант.

«Они наблюдали за нами… ИНЫЕ…» — Мысль Ивана заработала с лихорадочной скоростью. В памяти мгновенно всплыли все казавшиеся мифическими упоминания о «летающих тарелках» и прочих паранормальных явлениях, которые здравый рассудок привычно воспринимал как фантазию, выдумку…

Нет. Это не являлось бредом свихнувшихся одиночек.

За цивилизацией действительно наблюдали, не трогая ее, но взрывообразное развитие человечества на рубеже двадцатого и двадцать первого веков, качественный прорыв в области высоких технологий, освоение реакций ядерного распада и термоядерного синтеза, вкупе со стремительным развитием космической техники и четко обозначенными перспективными программами полетов к ближайшим звездным системам, поставили наблюдателей перед очевидным фактом: они опоздали. Человечество, несмотря на внутренние конфликты, гигантскими шагами продвигалось вперед и вскоре обещало полет к звездам, туда, где ксенобиане вели затянувшуюся на века войну с кибернетическими последышами переродившей саму себя цивилизации…

Те, кого сидящий напротив ксеноморф назвал ИНЫМИ, в какой-то миг осознали, высчитали, логически предсказали тот факт, что им будет крайне тяжело совладать с Человечеством, как только цивилизация людей шагнет к звездам.

Что стоило холодному расчетливому разуму пойти на подлог, который они рассматривали всего лишь как ход в затянувшейся шахматной партии?

— Наши цивилизации столкнули лбами… — внезапно произнес Иван, уже не вслушиваясь в чирикающие трели автоматического переводчика. —

Найденный вами космический аппарат был захвачен ИНЫМИ еще в границах Солнечной системы, когда в его баках оставалось топливо. Они подменили информацию о Земле и Человечестве, подкинув ее вам в качестве приманки. Планета с подходящей биосферой, к тому же населенная потенциальными врагами, пестующими свои машины, — вы поверили этому, верно? Понадеялись одним ударом обеспечить себе эти десять лет на доскональное изучение наших технологий, чтобы встретить своих давних врагов, имея адекватные средства борьбы с ними?

— Да, — лаконично признал ксенобианин, внимательно выслушав чирикающие трели, издаваемые синтезатором звука.

— А каков итог? — спросил Иван. — Мы фактически уничтожили друг друга.

— У нас не было выбора…

Глаза Лозина потемнели.

— Выбор есть всегда, запомни это, ксенобианин! Даже сейчас… — глухо добавил лейтенант, остывая от внезапной вспышки гнева, вызванной горечью *понимания*…

Чужой долго смотрел на вычерченную схему, а потом произнес:

— Среди вас есть ИНОЙ. Мой сородич не мог умереть по собственной воле.

Иван напряженно кивнул.

— Я уже догадался. — Он медленно встал. — Сейчас я улечу. Ты отдашь приказ снять блокирующий периметр с тех площадей, где насильно удерживаются выжившие люди. Между нами уже пролегла одна ложь, и я не хочу, чтобы история повторилась. Я найду ИНОГО и проверю твои слова. Если они верны, то мы встретимся вновь. Если нет — ваши базы будут стерты с лица Земли.

Лозин не стал дожидаться ответа. Резко развернувшись, он пошел по ребристому проходу в обратном направлении, ориентируясь на далекое пятнышко дневного света, обозначавшее выход из корабля Чужих.

В душе лейтенанта царил мрак.

* * *

— Иван, у нас проблемы, — доложил Логинов, как только лейтенант, покинув ксенобианский корабль, вышел на связь. — Ты должен немедленно возвращаться.

— В чем дело? Чужие?

— Нет… — Голос Логинова звучал как-то по-особому, слишком натянуто, будто он не мог свободно говорить.

— Ситуация под контролем?
— Да.
— Тогда ждите. Разберемся, когда прилечу.
— Я не сказал тебе…
— Не стоит, — оборвал его лейтенант. — Ждите моего возвращения.
— Хорошо, командир.

Поднимаясь в кабину вертолета, лейтенант внезапно подумал, что в самые страшные минуты боя ему было легче… в сто, тысячу раз легче, чем сейчас.

Слишком много информации обрушилось на его разум. Он не спросил у Логинова, что именно произошло на пятом резервном и кто виновник событий, поскольку в его рассудке еще не прижилась изложенная ксенобианином версия глобальных событий, и он откровенно боялся, что новый внезапный удар вконец смешает все мысли…

Слишком велик был груз ответственности, который внезапно лег на плечи лейтенанта еще одним дополнительным бременем.

За время полета он должен был решить, хотя бы для себя самого, кто более близок к людям — Чужие, нанесшие варварский удар по Земле, или новый, но уже вероятно не гипотетический враг…

«Ты ничего не знаешь о космосе, человек…» — внезапно вспомнилась оброненная ксенобианином фраза.

* * *

Над руинами пятого резервного космодрома сгущалась вечерняя мгла, когда Лозин спустился по отвалам бетонного щебня к лестнице, подле которой располагалась шахта лифта.

Наверху его встретил Зотов.

— Командир, лейтенант Логинов со старшиной ждут тебя на третьем уровне Я провожу.

Иван молча кивнул, потом вдруг склонился к сержанту и что-то тихо спросил у него.

Николай утвердительно указал на подсумок.

…

В небольшой комнате, которая ранее служила для проведения лабораторных опытов, Лозина ждали три человека.

Войдя внутрь, он увидел сидящего на стуле Херберта, напротив с автоматом в руках стоял Булганин, Логинов примостился на краю пустого лабораторного стола, мрачно глядя в пол.

Дверь закрылась, и в помещении внезапно повисла гробовая тишина.

— Ну? — Иван взял свободный стул и уселся напротив Джона, спиной к двери. Сержант Зотов прошел вперед и остановился у панорамного окна, за которым высился темный, закрытый кожухами агрегат, предназначенный для физических экспериментов. — Докладывай, Дым, что произошло?

— Это ты у нашего друга-американца спроси, — с трудно сдерживаемой яростью процедил сквозь зубы старшина.

— А я, кажется, спрашиваю лейтенанта Логинова?

Дмитрий поднял голову.

— Да, командир… — На его бледных, осунувшихся щеках вдруг проступили пятна нездорового румянца. — Мы все едва не погибли. Из-за него. — Логинов кивнул в сторону Херберта.

— Давай по существу, Дима, — потребовал Иван.

Старшина хмыкнул, сверля ненавидящим взглядом понурившегося Джона, который даже не поднял головы.

— Когда ты сообщил, что уходишь внутрь ксенобианского корабля, я исполнил все распоряжения относительно блокады острова и попытался заняться делом, — медленно произнес Дым. — Херберт к этому времени закончил связь с группировкой «орбитального щита» и сказал, что пойдет помогать Насте. Я отпустил его, но мне показалось странным, что он прихватил с собой портативный компьютер.

Логинов на секунду умолк. По внешнему виду лейтенанта был несложно понять, что он перенес жесточайшее потрясение.

— Короче, я решил перепроверить программы, которые «вживил» в систему Херберт. Обычно, когда я сталкиваюсь с модулями, инсталлированными не мной лично, а кем-то другим, то начинаю проверку с общего тестирования системы. Есть один очень специфичный виртуальный сканер, который разработан нашей «оборонкой» на случай внезапного поражения программными вирусами компьютерной сети военного ведомства. Я запустил его и спустя некоторое время понял, что программные блоки, установленные Хербертом, являются лишь маскировкой. Они действительно соединяли кибернетическую систему космодрома с орбитальными платформами, но бортовые компьютеры американской системы ПРО получили в процессе установки связи определенные директивы, имеющие высший командный приоритет. Программа-сканер однозначно указывала, что на каждой из орбитальных платформ в данный момент протекают активные процессы.

— Что именно там происходило? — мрачнея на глазах, спросил Лозин.

— Автономные устройства, снабженные ядерными боезарядами, начали процесс отстыковки, — ответил Логинов. — Я, конечно, в своей жизни испытал немало, но тут… — Он покачал головой. — Пятьдесят автономных ядерных боеголовок по пять килотонн каждая. Я думал, что свихнусь, ведь процесс уже начался, и его нужно было остановить в течение минуты, иначе было бы поздно. Я не знал, куда они нацелены, — в тот момент подумалось, что у Джона просто съехала крыша от ненависти к Чужим, и он подписал им свой приговор…

— А на самом деле? — Иван едва удерживал себя на грани срыва, каким-то чудом сохраняя внешнее самообладание.

— В компьютеры отделяемых частей было введено семь целей, — ледяным голосом ответил Логинов. — Перед тем как сжечь бортовые киберсистемы платформ, я успел скопировать эти данные. — Взгляд лейтенанта ожег ссутулившуюся фигуру Херберта. — Он собирался уничтожить обе резервации, на территории Австралии и Африки, затем в списке целей значились Мадагаскар, Новая Зеландия, пятый резервный космодром, северо-западная база МЧС и… — голос Логинова все же сорвался. — Последней, седьмой целью был колониальный транспорт «Россия»…

Иван почувствовал, как крупный озноб заставляет шевелиться короткий ежик волос на его голове…

«Слова ксенобианина нашли подтверждение — все сказанное им является правдой от начала и до конца…»

— Сейчас платформы представляют угрозу? — глухо спросил он.

— Нет, командир. Я уничтожил их программное обеспечение. Ни один автономный модуль не успел завершить процесс отстыковки. На данный момент эта категория спутников — не более чем мертвые груды металла и электроники.

— Их орбита стабильна?

— Лет на пять хватит.

— Этого достаточно. — Иван посмотрел на Херберта. — Ну, что ты нам скажешь, «ИНОЙ»?

Тот даже не вздрогнул, лишь поднял голову, встретившись глазами с лейтенантом. Во взгляде Джона невозможно было прочесть никаких эмоций, разве что ледяное равнодушие.

— Как ты назвал его, командир? — не разобрав, переспросил старшина.

— Это не Джон Херберт, — ответил Лозин. — Ты не ослышался, Степан, я назвал его ИНЫМ. Боюсь, что для нас данный термин станет

именем нарицательным, похуже чем «Чужой» или «ксенобианин». Сейчас я расскажу вам, что узнал на Мадагаскаре. — Он поймал взгляд Херберта и добавил: — Ведь ты пытался предотвратить именно обмен информацией, верно?

Джон не ответил. В его окаменевшей, напряженной позе в этот миг не угадывалось ничего человеческого…

* * *

Краткий рассказ лейтенанта, дополненный собственными выводами, занял не более пяти минут.

Даже старшина, обычно вслух выражавший свои чувства, на этот раз потрясенно молчал, лишь его пальцы побелели, сжимая автомат, хотя никто не знал — смогут ли пули «шторма» причинить вред сидящей на стуле твари?..

Ивану было в эти минуты намного труднее, чем остальным, ведь он провел с Хербертом не один день, они вместе сражались, спали, ели… до сих пор Лозин не мог понять, как он проглядел в Джоне что-то чуждое, нечеловеческое…

— Ты хорошо играл свою роль… — наконец с горечью произнес Иван, нарушив наступившую тишину.

Херберт криво усмехнулся.

— Ты ведь уже подозревал меня, возвращаясь после общения с ксенобианином? — спросил он, впервые заговорив с момента своего внезапного пленения.

— Да. Ты слишком «прозорливо» излагал схему действий Чужих. Только вот я не понял этого сразу. Даже когда ты неоправданно застрелил двух ксенобиан на техническом паркинге военного городка…

— А ты и не мог ничего заподозрить, лейтенант, — спокойно возразил ИНОЙ. — По сути, ты имел дело не со мной, а с человеком из плоти и крови, Джоном Хербертом, американским ученым, которому не была чужда ни одна человеческая слабость. Я не вмешивался в существование *личности*, позволяя ему оставаться самим собой, бояться, ненавидеть… Это бесценный опыт. Взгляд изнутри на одного из вас дает ответ на большинство вопросов о человеческой сущности.

…Иван чувствовал, что предел его выносливости где-то близко. Он был потрясен до глубины души, резкие вбросы информации глушили рассудок, будто его разум контузило вновь и вновь.

— Значит, все, изложенное ксенобианином, правда?

— Ты оперируешь логикой алгебры, лейтенант? — с насмешливым

удивлением произнес Джон. — Да, ты прав, ксенобианин не умеет лгать.

— Так же, как ты? — раздался внезапный вопрос Логинова.

Тело Херберта дернулось.

— Сиди смирно, — предупредил его старшина.

Логинов внезапно встал и, подойдя к пленнику, резко спросил:

— Логика алгебры, говоришь? Значит, ты — цифровая логическая машина, оперирующая двоичным кодом?

Что-то изменилось в лице Херберта. Оно вдруг стало серым, неживым…

— Я больше не буду отвечать на вопросы, — напряженно произнес он.

— Будешь, — уверил его Логинов. — Если какое-то событие истинно — ему присваивается значение единицы, ну а если оно ложно — значение становится равным нулю? — резко спросил он, и Херберт внезапно выдавил:

— Да.

— О чем ты толкуешь, Дым? — не понял старшина.

— Это основа машинной логики, позволяющая нашим компьютерам реализовывать сложные программы с причинно-следственными связями, — пояснил Логинов. — Командир, — он обернулся, — отойдем в сторону.

Лозин кивнул.

— Не спускать с него глаз, — предупредил он, выходя в коридор вслед за Логиновым.

Дверь лаборатории закрылась.

— Нужно связаться с Настей, — возбужденно произнес Дмитрий, как только за ними закрылась дверь лаборатории. — Херберт не машина и не киборг, это ясно, но в него заложено что-то иное. Возможно, это микроскопический программный модуль типа наших микромашин, но с иной функцией!..

Иван уже включил коммуникатор.

— Настя?

— Да? — Ее голос радостно дрогнул. — Как ты, Иван? Я жутко переживала.

— Все в порядке, не волнуйся. Скажи, ты обследовала организм Херберта?

— Естественно. Еще на базе МЧС…

— Заметила что-нибудь необычное?

— Да нет… Здоров. Впрочем… — Она на секунду задумалась, что-то припоминая. — Было одно отклонение.

— Какое? Говори, это важно!

— Томограф показал крошечное инородное тело, будто маленький шарик, расположенный в мышечной ткани правой височной области. Херберт объяснил мне, что это соседский мальчишка попал в него из рогатки, когда ему было еще пять лет. Врачи решили не извлекать шарик, опасаясь повредить барабанную перепонку. У него на ушной раковине до сих пор сохранился шрам.

— Ясно. Теперь ответь: ты вводила ему микромашины?

— Нет. У него редкая группа крови. У меня не нашлось готового препарата, а потом события закрутились слишком быстро.

— Спасибо, милая… — Иван вдруг почувствовал, как тиски, сжимающие его разум, ослабляют свое давление. Да, было страшно, но события, так или иначе, теперь *связывались* воедино, а для него смотреть в глаза правде, какой бы жуткой та ни оказалась, было во сто крат легче, чем терзаться сомнениями, пребывая в неведении и догадках.

— Ты зайдешь ко мне? — спросила Настя, напоминая, что она по-прежнему остается на связи.

— Как только освобожусь. — Лозин на миг задумался, а затем спросил: — Скажи, микромашинам повредит сильное электромагнитное поле?

— Нет. Они экранированы от подобных воздействий.

— Я понял. Спасибо.

Иван отключил коммуникатор и обернулся к Логинову.

— Выходит, Джон получил инородное включение в пятилетнем возрасте… — произнес он. — Если не солгал, конечно.

— Командир, ты должен усвоить — Херберт живой человек, — откликнулся Логинов. — Он не находился под постоянным воздействием инородного устройства. Джон не «монстр» и даже не предатель, несмотря на наличие в его височной области чуждого программного модуля.

— Ты можешь хотя бы предположить, как этот модуль действует?

Логинов кивнул.

— Несомненно, чуждое включение связано с нервной системой Херберта. Думаю, инородный имплант в критической ситуации способен полностью подчинить себе физическое тело Джона, но до последнего момента это происходило лишь эпизодически, от случая к случаю, как, например, час назад при программировании платформ.

— Значит, перед нами не очередное чуждое существо?

— Нет, Иван, — убежденно повторил Логинов. — Херберт человек. Периодически зависимый, больной человек.

— Нам нужна информация, Дым. И полная уверенность в ее достоверности. От этого зависит не только дальнейшая судьба Херберта, но и возрождение человечества, наши дальнейшие отношения с ксенобианами, ты понимаешь меня?

— Понимаю. Затем и попросил тебя выйти. — Логинов вдруг усмехнулся, видно, в кратком разговоре с Хербертом что-то сильно повлияло на него, позволив освободиться от сковывавшего разум нервного напряжения.

— Что ты хотел сказать?

— Позволь мне допросить Херберта. Он станет отвечать на вопросы, и все сказанное им будет истиной.

— Ты уверен?

— Да. Он совершил роковую ошибку, упомянув о логике алгебры. Ты же знаешь, что именно открытие двоичного кода легло в основу создания наших компьютеров, которые превратились из арифмометров в логические машины[14]. Он действительно не ответит ни на один абстрактный либо некорректно сформулированный вопрос, но у него есть внутренняя логика, которая обязывает его оценить истинность или ложность предложенных ему событий либо утверждений.

— Хорошо, Дым. Действуй. Ты лучше меня знаком с предметом.

* * *

— Итак, машина. — Логинов сел напротив Херберта. — Как ты оцениваешь информацию, предоставленную ксенобианином?

— Она истинна.

— Ты — автономный разведывательный модуль?

— Да.

— Существа, создавшие тебя, не являются живыми организмами?

— Ноль.

— Частично живыми?

— Да.

— В чем смысл конфликта с ксенобианами? Территория?

— Ноль.

— Ресурсы?

— Ноль.

— Попытка превратить их в себе подобных?

— Да.

— Зачем?

Тишина.

— Рациональность существования? Твои создатели считают, что Вселенная должна подчиняться единому закону логики, устраняющему любые спонтанные побудительные мотивы к действию, которые мы обозначаем термином «чувства»?

— Истина.

— Почему не удалось подчинить ксенобиан? Они обладают сопротивляемостью к воздействию?

— Да.

— У них иная логика?

— Ноль.

Иван, напряженно вслушивавшийся в диалог Логинова с чуждой машиной, внезапно вмешался:

— Коллективный разум? Общее информационное поле, объединяющее всех ксенобиан?

— Да.

Логинов пораженно посмотрел на командира.

— Эволюционные предки ксенобиан являлись общественными насекомыми, — пояснил свою догадку Лозин. — Продолжай, Дима.

Логинов кивнул, вновь оборачиваясь к Херберту:

— Вы осуществили подмену информации и транспортировали станцию «Вояджер» к планете ксенобиан?

— Да.

— Цель — взаимоуничтожение двух неподконтрольных рас?

— Истина.

— Условие, — неожиданно перешел Логинов на более высокий уровень формулировки вопроса. — Акция провалилась. Человечество будет атаковано?

— Да.

— Лимит времени?

Тишина.

— Десять лет? — вновь вмешался Лозин, вспомнив названную ксенобианином цифру.

— Да.

— Это связано с расстоянием от определенной точки пространства и скоростью перемещения флота?

— Да.

— Он уже в полете?

— Да.

— Исходная точка находится в системе ксенобиан?

— Ноль.

— Планета, где обитала раса создателей?

— Истина.

— Скорость перемещения ограничена световым барьером?

— Да.

Логинов машинально вытер выступивший на лбу пот.

— Все, Иван, — произнес он. — Общие вопросы исчерпаны. Их звезда расположена на удалении в девять световых лет от Земли, с небольшой степенью погрешности. Впрочем, ксенобиане наверняка знают ее точные координаты. Лимит времени определен, а на абстрактные вопросы он не ответит.

Лейтенант на секунду задумался, а затем кивнул, делая знак сержанту Зотову, который все это время стоял у панорамного окна, за спиной Джона, сжимая в руке небольшой цилиндрический предмет.

Электромагнитная граната со стуком упала на пол.

Беззвучный и незримый удар магнитного поля ощутил лишь разведывательный модуль ИНЫХ.

Тело Херберта внезапно дернулось, и он начал валиться вбок, оседая на стуле, будто в его организме в один миг расслабились все мышцы.

Упасть на пол ему не дал старшина.

Подхватив безвольное тело, он заглянул в широко раскрытые глаза Херберта и вдруг сказал:

— Ты будешь жить, как человек, Джон. Это я тебе обещаю.

Ответа не последовало — вряд ли Херберт в данный момент находился в здравом уме, но в словах Степана прозвучала не пустая надежда.

— Мы вытащим эту дрянь из твоей головы, и все будет в порядке. Вот увидишь…

— Отнеси его в медицинский модуль, — произнес Иван, обращаясь к Булганину. — Дима, помоги ему и объясни все Насте, хорошо?

— А ты, командир?

— Я должен еще раз побывать у ксенобиан.

— Так срочно? Ты едва стоишь на ногах.

Лозин лишь покачал головой:

— Теперь все становится срочным, Дима. Не забывай: *у нас в запасе всего десять лет*…

Круг замкнулся.

Больше не было непонимания и лжи.

Была победа, вырванная неимоверной ценой, и краткий лимит времени, отпущенного человечеству на то, чтобы возродиться после уничтожительного удара и *познать космос*.

Эпилог

Остров Мадагаскар. Пять лет спустя…

Земля возрождалась. Часть континентов все еще лежала в руинах, но жизненное пространство, столь остро необходимое прошлым поколениям, теперь уже не играло определяющей роли в развитии цивилизации.

…Многофункциональный корабль, покрытый черной пленкой ксенобианской органики, беззвучно скользил в лазурном небе.

Под тонким слоем полимерного покрытия, поглощающего энергию, скрывался мощный слой металлокерамической брони, а внутри собранной человеческими руками боевой машины царили электронные системы, управляющие гибридной двигательной установкой, климат-контролем и орудийно-лазерными комплексами.

Синтез двух противоположностей, казавшийся немыслимым, невозможным, был воплощен в конструкции корабля, способного не только скользить в воздушных потоках, но и покидать пределы атмосферы, развивая в космосе околосветовые значения скорости.

Иван смотрел на проплывающие внизу ландшафты и думал о том, как много изменилось на Земле за эти годы.

Исчезли границы государств, потускнели, утратили смысл прошлые расовые различия. Теперь, спустя время, он мог с уверенностью сказать, что у всех, кто пережил вторжение ксенобиан, есть только одна родина, имя которой — Земля.

Тяжкое бремя выпало на долю его поколения, но, сумев выжить и победить, люди не просто сделали шаг вперед, извлекая горькие наглядные уроки из страшных событий пятилетней давности, — они перешагнули сразу несколько ступеней развития, не только в плане технологий, но и внутри себя.

Каждый из живущих сейчас на Земле прошел через запредельные испытания, познал ужас миллионов смертей во всей неприглядной наготе жутких событий, и это необратимо воздействовало на разум, заставив миллионы простых обывателей преобразиться.

Они стали совершенно другими, словно три месяца оккупации повернули каждого из них лицом друг к другу, заставили позабыть о мелких и крупных противоречиях, почувствовать, наконец, что они — человечество, вне зависимости от цвета кожи, черт лица и рухнувшего в

одночасье социального расслоения.

Теперь все возвращалось, но уже в иной системе ценностей.

На территории Евразии, Африки и Австралии выросли новые города, не поднимающиеся ввысь, а раскинувшиеся вширь. Они утопали в зелени, словно природа Земли возвращала свое господство, утраченное в период глобальной урбанизации.

…Прямо по курсу корабля, там, где водная гладь сливалась с линией горизонта, показалось темное, стремительно растущее в размерах пятно.

Это был остров Мадагаскар.

Не все из переживших вторжение людей нашли в себе мужество посетить этот остров, но Иван бывал здесь часто, и потому чуждая природа давно не шокировала его взгляд.

Он не мог осуждать тех, кто до сих пор не смирился с присутствием на Земле представителей иной расы. Каждый человек имел право на самоопределение, но ненависть постепенно отступала, отдавая место более спокойным, взвешенным чувствам.

Глядя на обзорные экраны, Иван видел огромный, поделенный на исполинские сегменты купол, который накрывал всю площадь острова. Под защитой толстых секций, исполненных из органического стекла, процветала иная жизнь.

Черные лианоподобные растения с мясистыми листьями тянулись к согревающему Землю солнцу, уже не обжигаясь его лучами благодаря специальным фильтрам, пропускающим через дымчатый материал купола тот спектр световых волн, который был присущ родной звезде ксенобиан.

…Корабль уже пошел на снижение, когда тихо прошелестела пневматикой открывающаяся дверь салона, и на пороге появилась Настя. Она крепко держала за руку четырехлетнего сына, который, капризничая, порывался бежать к отцу.

— Папа, а дядя Дрог пощелкает для меня? — с детской непосредственностью осведомился маленький Лозин, усаживаясь на колени к отцу.

Иван усмехнулся краешком губ.

Сын принадлежал к новому поколению. Иван не зря брал его в свои «командировки» на Мадагаскар — четырехлетний Саша не испытывал к ксенобианам никаких иных чувств, кроме нормального для его возраста любопытства.

Это было очень важно, учитывая, что никто не мог предсказать, какие испытания предложит космос подрастающему поколению землян.

Корабль тем временем плавно коснулся причальной штанги, и

механизмы шлюза втянули его внутрь купола.

Лозин встал, одной рукой удерживая устремившегося к двери сына, а другой ласково полуобняв Настю.

Редкие минуты семейного покоя…

Мгновенья затишья пред надвигающейся бурей — за годы, проведенные вместе, они научились выкраивать для себя эти часы непродолжительного человеческого счастья, свободного от глобальных проблем.

— Пойдем, — Иван кивнул в сторону открывшегося шлюза.

Настя коснулась губами его щеки.

— Долго будешь занят? — спросила она.

— Не знаю. Погуляйте пока без меня, только смотри, чтобы Саша опять не схватил эти плоды, ладно?

Настя улыбнулась.

— Будешь меня учить, как приглядывать за сыном? — полушутливо спросила она, спускаясь по решетчатому трапу.

Иван только усмехнулся в ответ.

Мальчику, получившему свою долю микромашин еще в утробе матери, вместе с ее кровью, похоже, была нипочем царящая под куполом чуждая биосфера.

Внизу у трапа их ждал Дрог — тот самый ксенобианин, с которым лейтенант Лозин общался внутри подковообразного корабля пять лет назад, в страшный для обеих цивилизаций момент…

— Пощелкай, дядя Дрог! — раздался внизу звонкий голос Лозина-младшего.

Ксенобианин и без перевода знал, что хочет от него непоседливый мальчик.

Опустившись на корточки, он издал серию щелчков и свистов.

— Ну все, Настя, забирай Сашу и погуляйте пока.

* * *

Оставшись вдвоем, Иван и Дрог медленно пошли по аллее, образованной двумя рядами лианоподобных растений.

— Плохие новости, адмирал, — произнес ксенобианин. — Вчера пришел последний сигнал с ретранслятора.

Лозин хорошо понимал, о чем идет речь. Дрог говорил об автоматическом устройстве связи, сориентированном в сторону Солнечной системы еще перед началом вторжения. Оно передавало информацию, которая путешествовала в пространстве почти пять лет, — ровно столько

составляло запаздывание сигнала при межзвездных расстояниях.

— Мой мир пал. ИНЫЕ оккупировали его. — Дрог шел, понурив голову. — Уже четыре с половиной года они владеют нашей планетой. Думаю, там все превращено в прах…

— Я разделяю твое горе, — откликнулся Иван. — Но отчаиваться нельзя. На Земле сохранена частица твоего мира, и отсюда придет его возрождение.

— Ты уверен в себе.

— Да, — твердо произнес Иван. — У меня есть основания для уверенности. Мы закончили монтаж основных узлов орбитальной обороны, и…

— А если ИНЫЕ не придут? — внезапно перебил его ксенобианин. — Что, если они откажутся от своих планов нападения на Землю?

— Это вряд ли… — покачал головой Лозин.

— И все-таки ответь, — остановившись, попросил Дрог.

— Тогда мы сами полетим в твой мир, — не колеблясь, произнес Иван. — Ты должен понять — наше будущее лежит там. — Он взглядом указал на небеса за куполом. — Мы не жаждем войны, но среди разумных рас во Вселенной не должен царить закон грубой силы.

— Это единственный мотив?

— Нет. — Лозин внимательно посмотрел на ксенобианина и добавил: — Я усвоил одну истину, Дрог. Вселенная живет по своим законам, которые могут в корне отличаться от наших взглядов на мир.

— И что это значит?

— Это значит только одно: если мы не полетим к звездам, то неизбежно наступит день, когда они вновь сами придут к нам…

Дрог не ответил, а Иван, глядя на небо сквозь дымчатый купол, думал в этот миг о том, что лимит времени, отпущенный им, уже фактически исчерпан.

Пять лет назад пала планета ксенобиан, и это означало, что ИНЫЕ уже на пороге…

Он чувствовал, что готов встретиться с ними лицом к лицу, а потом идти дальше, но не ради войны, а для того, чтобы *познать* необъятную, льдистую Бездну, проторить для будущих поколений дорогу к новым мирам.

Вселенная холодно ждала, равнодушно взирая на ничтожных существ миллиардами колючих звезд, но Иван не испытывал страха, потому что однажды он поклялся самому себе прожить свою жизнь так, чтобы его сыну или внуку уже никто не смог бы сказать:

«Ты совсем не знаешь космоса, человек…»

notes

Примечания

1

ПКТМ — Пулемет Калашникова Танковый Модернизированный.

2

Learned (*англ.*) — ученый.

3

Плоскость эклиптики — условная плоскость, в границах которой расположены орбиты большинства крупных объектов нашей звездной системы.

4

Скорость убегания — это скорость космического тела, при которой оно преодолевает влияющие на него гравитационные силы той или иной звездной системы и способно покинуть зону притяжения крупных небесных объектов с незначительным изменением траектории полета.

5

ПРО — противоракетная оборона.

6

Гипотеза об электроразрядном взрыве Тунгусского метеорита принадлежит советскому ученому Невскому.

7

Гелиопауза — зона, расположенная на границе большинства звездных систем, где солнечный ветер тормозит потоки частиц, исходящие от иных звезд.

8

Томограф — рентгеноскопический аппарат специальной конструкции, дающий возможность получать компьютерное изображение отдельных слоев исследуемого объекта (органа).

9

Отсекатель очереди — механизм, контролирующий количество произведенных подряд автоматических выстрелов.

10

ЗРК — зенитно-ракетный комплекс.

11

ГСН — головная система наведения. Имеется в виду головная часть запускаемого реактивного снаряда, снабженная собственной системой визирования и сопровождения цели.

12

РГС — реактивный станковый гранатомет.

13

Под «вторым эшелоном» подразумеваются законсервированные точки ПРО, которые могут быть включены в работу дистанционными командами.

14

Основной постулат логической алгебры (Булевой алгебры) гласит: «О любом высказывании (событии) можно сказать, истинно оно или ложно. Если событие истинно, ему присваивается значение = 1. Если событие ложно, ему присваивается значение = 0». Это открытие легло в основу цифровых логических машин — компьютеров, которые перестали быть простыми арифмометрами, так как получили возможность оперировать с событиями, вычисляя их по законам логической алгебры.